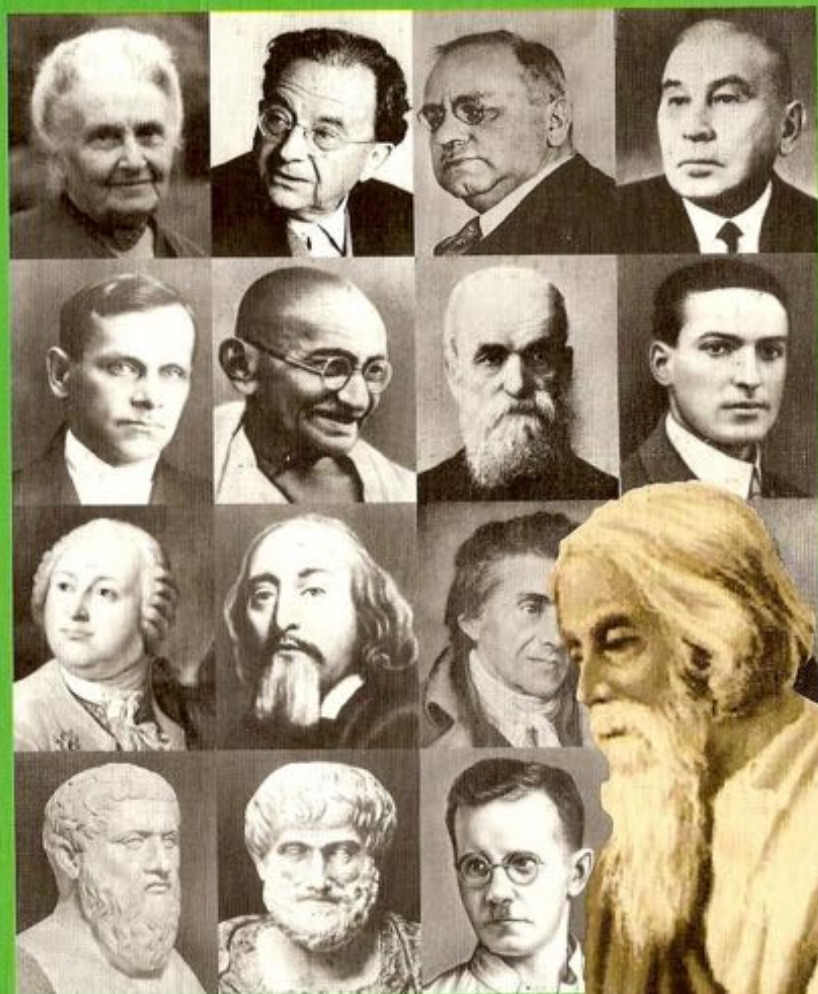

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

ТАГОР

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. - глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.А.

Дарчия М.Д.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. - главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Неменский Б.М.

Никандров Н.Д.

Ниорадзе В.Г.

Петровский А.В.

Рябов В.В.

Сартания В.Ш.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКВА**

СОСТАВИТЕЛЬ И
АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

**АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ
ПЕДАГОГИКИ**

**Василенко
Владимир
Аркадьевич**
Доктор
педагогических наук,
Профессор
г.Кировоград

**Ломоносова
Марина
Тарасовна**
Заслуженный учитель
школы России,
Зав. лаборатории
центра художественного
образования
г.Москва

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

ТАГОР

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА
2005

ББК 74. 03(2)
Т 135

Федеральная целевая программа
“Культура России”
(подпрограмма “Поддержки
полиграфии и книгоиздания России”)

Тарор. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили,
2005. — С. 224 (Антология гуманной педагогики).
ISBN 5-89147-053-5

Рабиндранат Тагор, слава и гордость индийской культуры последней трети XIX века — первой половины XX века, поэт, драматург, композитор, первый из Азии лауреат Нобелевской премии в области литературы, был великим просветителем своего народа, выдающимся педагогом. Созданная им в Бенгалии маленькая частная школа выросла до знаменитого в Индии университета, в котором получили образование многие из тех, кто участвовал в освобождении Индии от английской зависимости.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ КРЕДО РАБИНДРАНАТА ТАГОРА

Каждое дитя приходит в мир
с вестью от Бога, что он еще
не разочаровался в людях.

Р. Тагор

Рабиндранат Тагор (Робиндронатх Тхакур) (1861—1941) — великий индийский писатель, поэт, композитор, художник и философ, общественный деятель и просветитель, патриот и гуманист, родился 7 мая 1861 года в столице Бенгалии — Калькутте.

Род Тагоров, принадлежащий к касте брахманов, дал Бенгалии немало выдающихся общественных и культурных деятелей. Дед писателя Дварканатх Тагор был одним из соратников Рам Мохан Роя, видного просветителя Индии начала XIX века. Отец его Дебендронатх Тагор — один из активных деятелей религиозно-патриотического общества «Брахмо Самадж», известный далеко за пределами Бенгалии как оригинальный мыслитель и религиозный реформатор. Многие из братьев и сестер будущего писателя были одаренными и высокообразованными людьми, проявившими себя в самых разных видах деятельности: в философии и поэзии, математике и юриспруденции, музыке и живописи.

В огромном доме Тагоров жило сразу несколько поколений. Дом был наполнен детьми и внуками, и всем этим общежитием творческих людей и хозяйственной деятельностью управляла мать будущего поэта — Шарода Деби. Безусловно, ей были нужны сильный характер, такт и терпение. Отец Рабиндраната жил отчужденно и был почти недоступен. Он редко бывал дома, занимаясь делами в многочисленных поместьях, проводя большую часть года в Гималаях, где он медитировал и предавался мирному созерцанию.

С раннего детства Рабиндранат (Роби) — четырнадцатый ребенок в семье — был препоручен слугам. Вспоминая детские годы, поэт скорее позитивно, чем отрицательно говорил о скромных условиях своего взросления: о простой диете, обычной одежде и незатейливых развлечениях. Сожалел он только о том, что не получил должной доли материнской любви. «Тиранией слуг» называл Р. Тагор этот период своей жизни.

Шутка была не очень далека от истины. Чтобы избавить себя от лишних забот, один из слуг-воспитателей придумал очень оригинальный способ удерживать любознательного и подвижного ребенка на одном месте. Он усаживал Роби в нужном месте, очерчивал вокруг него мелом круг и с самым серьезным видом предупреждал, что если тот переступит этот магический круг, его ждет смертельная опасность. К счастью, ребенок сидел рядом с окном, выходящим на улицу, и часами мог наблюдать окружающую его жизнь. Наверное, лучший способ растить поэтов и философов!

Нельзя сказать, что в семье пренебрегали образованием детей. Родной дом был настоящим университетом. Можно было вдоволь пообщаться с братьями-философами и сестрами-музыкантами. К тому же была и прекрасная библиотека с сокровищами индийской и мировой литературы. И, наконец, были и домашние учителя, с которыми Роби шаг за шагом изучал санскрит, английский язык и литературу, пение, физику (опыты тоже проводили на дому), остеологию (для этого был даже приобретен настоящий скелет, скрепленный проволокой), рисование и гимнастику. А по утрам были занятия борьбой с настоящим (хоть и одноклассником) профессионалом. Иногда занятия, которые явно превосходили требования школьной программы, продолжались до девяти вечера.

Но друзья рассказывали, что они уже ездят в школу и что по дороге их каждый день ждут приключения и всякие волнующие неожиданности. Роби больше не мог оставаться дома и потребовал, чтобы его тоже отправили в «настоящую» школу. Восточная семинария, Нормальная школа, Бенгальская академия, Колледж св.Ксаверия — так назывались «фабрики обучения», которые посещал Рабиндранат. К счастью, ребенок смог оградить себя непроницаемой стеной мечтаний и снов наяву от конвейера насилия и зубрежки. Как и Марк Твен, он мог бы сказать: «Я ходил в школу, но это не помешало мне получить образование».

В семь лет Роби написал свое первое стихотворение. Когда ему было двенадцать, его вызвал отец и предложил отправиться с ним в Гималаи. Первая их остановка была в Шантиникетоне, родовом имении, с которым будет неразрывно связана вся жизнь Р.Тагора. Именно здесь у Роби появилась возможность близко общаться с отцом, который, пытаясь наверстать упущенное, проводил с сыном все время. Это был решающий период в формировании Р.Тагора как личности. Они вместе читали отрывки из книг на санскрите, бенгальском и английском. По вечерам пели любимые гимны отца, а по ночам отец давал сыну уроки астрономии.

В Гималаях занятия продолжались с завидной регулярностью. Рано утром, задолго до рассвета, отец будил сына, и начинался урок санскритской грамматики. Затем утренний стакан молока и прогулка. По возвращении — часовой урок английского языка. После чего наступал черед принимать ледяную ванну. Во второй половине дня занятия продолжались. Четыре месяца, проведенные в обществе отца, стали не только самыми счастливыми днями

детства, но и определенным итогом в становлении Рабиндраната. На всю жизнь он сохранил привычку к самодисциплине, к здоровой и чистой жизни. В Калькутту он вернулся уже юношей, а не ребенком.

По возвращении домой Рабиндранат еще два года ходил в разные учебные заведения, но в четырнадцать он окончательно бросил школу. Для некоторых родственников он стал неудачником, ведь на престижную государственную службу в Индии брали только обладателей аттестатов и дипломов. Не то чтобы он не хотел учиться, он просто не желал, чтобы к алтарю богини наук и искусств его вели насильственно.

Вскоре в одном из журналов была опубликована поэма Тагора «Лесной цветок». А еще через год выходят его статьи «Саксы и англосаксонская литература», «Петрарка и Лаура», «Данте и его поэзия», «Гете», «Чаттертон». Именно в это время он начинает сочинять музыку для своих песен, которых он напишет более двух тысяч. Многие из них сегодня в Бенгалии уже имеют статус народных. Эзра Паунд как-то сказал: «Распевая песни Тагора, бенгальцы стали народом».

В 1878 году со старшим братом Шотендронатом Рабиндранат отплывает в Англию, где должен был изучать юриспруденцию и стать адвокатом. Некоторое время он учится в частной школе в Брайтоне, а затем поступает в колледж Лондонского университета. Кроме изучения права, английского языка и латыни, он посещает курс лекций по английской литературе профессора Генри Морли, известного литературоведа, журналиста и реформатора образования. В свободное от занятий время Тагор знакомится с культурой и бытом англичан, с европейской музыкой и искусством. Он часто бывает на галерее посетителей в парламенте, его увлекают дебаты по вопросу ирландского самоуправления. В это время в бенгальском журнале «Бхароти» публикуются его «Письма путешественника в Европу».

После полуторагодового пребывания в Англии Тагор возвращается на родину, так и не получив никакого диплома. Но не с пустыми руками. В багаже несостоявшегося юриста была рукопись лирической драмы под знаменательным названием «Разбитое сердце».

Вскоре по возвращении Тагор пишет свою первую музыкальную драму «Гений Вальмики», в которой он новаторски пытается соединить классическую традицию индийской музыки с любимыми европейскими мелодиями. В 1881 году выходит сборник лирических стихов «Вечерние песни», а еще через год — и первый роман Тагора «Боутхакуранир Хат», пьесы «Отшельник» и «Месть природы». Своеобразным итогом 80-х годов для поэта стал цикл стихов «Диезы и бемоли», содержащий переводы Гюго, Браунинга, Суинберна, Шелли и других европейских поэтов.

Внимание поэта было занято не только литературной работой. Постепенно его все больше увлекает общественная деятельность.

Он пишет острые полемические статьи, выступает с лекциями, участвует в собраниях общества «Брахмо Самадж», и вскоре становится его секретарем. Но никогда Тагор не станет политиком, не будет членом какой-нибудь партии. Каждый раз, чутко улавливая фальшь, корыстолюбие, «игру» политических деятелей, видя применение насильственных методов, он будет отходить от слишком революционных движений и пытаться по-своему переделывать мир и людей с помощью просвещения, образования, музыки и поэзии.

В 1890 году по настоянию отца Рабиндранат принимает на себя обязанности по управлению обширными и разбросанными по всей Бенгалии поместьями семьи. Наступил новый этап в его жизни. Из мира своего воображения поэт спускается к реальной действительности. Переезжая от одного поместья к другому в плавучем доме по реке Падме, Тагор близко знакомится с жизнью народа — крестьян, ремесленников, мелких чиновников, учителей.

Все эти впечатления отразились в его многочисленных рассказах, большинство которых написано именно в эти годы. Впервые героем его приведений стал «маленький человек». Тагор осуждает страсть к наживе, дух торгашества, калечащий и уродующий человеческую природу. Вместе с тем он беспощадно высмеивает господствующие феодальные пережитки, особенно кастовую систему. Характерно, что именно в это время он делает выбор в пользу активной и деятельной жизни, подвергнув сомнению традиционный способ существования сословия брахманов, к которому принадлежал по рождению. В одном из писем тридцатилетнего Тагора есть слова: «Я хочу жить и умереть как человек, который любит жизнь и доверяет миру, и не смотрю на мир как на ошибку Творца или козни дьявола».

История повторяется на новом витке. На смену многочасовым наблюдениям над окружающей жизнью в детстве, очерченным меловым кругом, приходит калейдоскоп новых впечатлений: то приближающиеся, то удаляющиеся берега реки, медленно проплывающие мимо картины природы, сцены из простой и понятной жизни обитателей прибрежных деревень. Сидя на палубе своей большой лодки, Тагор с сочувствием и вниманием, как зритель в театре, следит за развитием этого бесхитростного спектакля. Обо всем этом мы знаем из писем Тагора к своей племяннице Индире Деби, которой поэт часто писал на протяжении 10 лет. Письма не предназначались для публикации, писались они свободно, без самоцензуры, отражая внутреннее развитие автора.

Декабрь 1892 года можно считать началом интереса поэта к педагогике. Р. Тагор выступает на митинге в Раджахи с критикой колониальной системы образования в Индии. Позднее текст выступления был опубликован в журнале «Садхана» под названием «Что мешает образованию». Спектр проблем, затронутых в выступлении, свидетельствует о достаточно высоком уровне анализа

и осмысления существовавшей системы образования. По мнению поэта, главный недостаток образования, которое он называет «безрадостным, уродующим души детей», в использовании иностранного, чужого языка как средства обучения. Изучая чужой язык, дети незаметно усваивают и чужой образ мышления, который сделает их иностранцами в своей собственной стране. Вывод удручающий: «Уродливое образование приводит к уродливости жизни». Выход, по мнению Тагора, в сближении образования с жизнью, в возвращении родному языку его законного места в системе образования, превращении школы в место радостного и интересного учения, которое одно и способно формировать умных и жизнерадостных людей.

Для своих детей Тагор решил основать небольшую экспериментальную школу, идеалом для которой будет тапована — лесной приют отшельника в древней Индии, где мудрецы жили вместе со своими учениками, обучая их на практике основам простой и возвышенной жизни. Гордая мысль — возродить к жизни древний идеал, чтобы заменить чужую и механическую систему обучения, завезенную из далекой страны, новый, основанный на радости и творчестве, когда учение в равной степени приятно учителю и ученику.

22 декабря 1901 года Тагор осуществляет один из своих заветных замыслов: в родовом поместье, в Шантиникетоне («Обитель мира»), куда переехала его семья — жена, три дочери и два сына, он открывает школу, которая должна стать образцом нового национального прогрессивного образования для всей Индии. Он назвал ее Брахмачарья Ашрам, в честь святилищ древних отшельников. Тагор долго не мог собрать необходимые средства. Пришлось продать дом в Пури и часть своей личной библиотеки. Во всем поддерживающая его жена рассталась с частью своих драгоценностей. Первоначально в школе было пять учеников (среди которых был и сын писателя) и пять учителей (три из которых были христианами). Но через несколько лет число учащихся превысило 150 человек.

Сверхзадачу для своей школы Тагор определил следующим образом: «Это должен быть ашрам, в котором люди собрались для возвышенной жизни, среди мирной природы; где жизнь полна не только мыслью, но и действием; где мальчикам не вколачивают идею национальной исключительности; где они поймут, что окружающий их мир — Царство Божье, право жить в котором им еще придется заслужить; где замечают рассветы и закаты, и безмолвную красоту звездного неба; где цветы и плоды радостно принимают как подарок природы; где стар и млад, учитель и ученик, сидя за одним столом, делят пищу земную и вечную мудрость времен».

В работе «Тапована» (1909) Р. Тагор подчеркивает, что лесная школа в древней Индии базировалась на трех элементах: непротиворечивом знании, сочувствии по отношению ко всему живому и

исполнении долга, вне зависимости от последствий. В такой школе, как замечает поэт, знание соединялось с самодисциплиной чувств и жизни в целом.

Но Тагор модернизирует традиционную таповану, подчеркивая важность соединения духовного и деятельного начал, так как причиной отсталости и вопиющей бедности многих индийцев, особенно в деревне, он считал воспитанную веками покорность судьбе, апатию и неспособность к действию. Он даже настаивал, чтобы само название «лесная школа» понималось правильно. Для него слово «лес» в этом контексте не значит «непроходимые джунгли», это — «участок леса, расчищенный для обработки почвы». Вот почему в учебном плане школы в Шантиникетоне с самого начала присутствуют естественнонаучные дисциплины и другие предметы, связанные с современным знанием.

«Природа» — ключевое слово в понимании устройства школы Тагора. Как и его великий предшественник Я.А.Коменский, Тагор настаивает на получении непосредственного знания от деревьев и цветов, минуя посредников в виде муляжей, гербариев и книг. В одной из статей он напишет: «Перелитывание страниц заменило живое прикосновение к действительности».

Природа — наиболее благоприятная среда обитания детей, возможность комплексного, многоканального воздействия на чувства, ум и душу человека, в результате которого можно сформировать его всесторонность и целостность. И, наконец, природа — место творческой реализации ребенка, проявления свободы его воли.

Были многие отличия, которые могли вызвать недоумение и подозрительность у представителей официального образования. Во-первых, в школе Тагора языком обучения был родной язык, а английский изучался как отдельный предмет. Во-вторых, мальчики и девочки здесь учились вместе, что было и ново, и смело. В-третьих, отсутствовали награды, звания и всяческие знаки отличия за успехи в учебе, а значит, отсутствовали зависть и нездоровая конкуренция. Детская любознательность была для Тагора и его единомышленников главным побудительным мотивом успешной учебы. И, наконец, это была очень несерьезная школа, в которой дети поют и пляшут, с радостью участвуют в представлениях и спектаклях, сценарии которых для них пишет сам прославленный поэт. Тагор принимает самое активное участие в жизни школы. Чтобы восполнить дефицит учебной литературы на бенгальском языке, он за короткое время создает несколько новых пособий. Участвует он и в преподавании, обучая детей английскому языку и истории Индии, которую излагает нетрадиционно, в форме увлекательных бесед по вечерам.

О его распорядке в Шантиникетоне есть сведения в письме, которое он отправил одной юной школьнице (Тагор собственноручно отвечал детям, писавшим ему из самых разных стран). Он пишет: «...я думаю, что сейчас час или полвторого. Скоро пора бу-

дет идти на занятия... По утрам, как тебе известно, я даю три урока подряд, потом принимаю ванну и обедаю, а затем сажусь писать письма, если нельзя их отложить на потом. После этого я готовлюсь к будущим урокам, пока не приходит пора пить чай. Вечером, когда солнце садится, я сижу один в спокойствии на моей террасе. Иногда ко мне забегают школьники, просят почитать им стихи.

Просыпаюсь я, когда первый слабый отблеск света заглядывает в щелку в восточной двери моей спальни, окаймляя облака золотом, вызывая первое трепетание крылышек птиц, пробуждающихся в ветвях деревьев. Вскоре после половины пятого утра звенит школьный звонок, и я тоже встаю с постели. Умывшись, я сажусь на молитву на каменной плите, обращаясь к востоку. Солнце медленно восходит, и лучи его касаются меня, словно благословляя. Мы съедаем легкий завтрак, и в половине седьмого все обитатели ашрама, и дети, и взрослые, собираются на открытой площадке перед школой и поют хором гимн, перед тем как отправиться на занятия. Как мирно проходит мой день! Я люблю трудиться для этих мальчиков, потому что они не знают цены того, что мы для них делаем. Когда они вырастут и пойдут каждый своим путем в жизни, может быть, они сохранят в памяти эти широкие просторы, аллею деревьев шал, щедрый небесный свет, этот свободный, дикий ветер и наши молчаливые богослужения на открытом воздухе утром и вечером».

Педагогический опыт обогащает творчество Тагора. Не случайно именно в это время выходит сборник прекрасных стихов, посвященных детям.

Значительно активизируется и его просветительно-реформаторская деятельность. За короткий период публикуются работы: «Обращение к студентам», «Реформы образования», «Национальный институт», «Проблемы образования» и «Прекрасное». Тагор пишет о засилье английского языка и искусственной системе образования, которая разделила в Индии город и деревню, школу и семью. По его мнению, созданная иностранными правителями школа абсолютно не обращает внимания на богатства многовековой культуры Индии, пренебрегает и ее проблемами, заботясь только о подготовке государственных служащих и клерков для контор английских бизнесменов. Но настало время на родном языке напомнить... о родной стране.

При этом Тагор подчеркивает, что необходимо создавать собственную, свободную от влияния враждебного государства систему образования, которая объединит позитивный опыт традиционной индийской школы и лучшие педагогические достижения Запада. Индийцы больше не будут «птицей в клетке английских авторитетов». «Каждый народ, — пишет Тагор, — открывает свою систему образования, идя своим путем развития».

В июне 1906 года Тагор выступает на митинге в Калькутте, излагая свои взгляды на образование (текст выступления позднее

будет опубликован под названием «Проблемы образования»). Современную ему индийскую школу он называет фабрикой, в которой учителя подобны машинам. По его мнению, такие школы — плохая копия европейских, так как в них обращают внимание на внешние черты, а не на внутренний дух учебного заведения. По мнению Тагора, нужно «полностью отрешиться от подражания европейским образцам» и попробовать следовать древнеиндийской системе образования, модернизировав ее, исходя из потребностей всего народа.

По мнению Тагора, цель образования никак не может сводиться к получению диплома и занятию какой-либо должности. Главное не «книги, экзамены и дипломы, а гармоничное воспитание человека». Обращаясь к родителям, он подчеркивает, что их долг — прежде всего воспитывать в детях общечеловеческие черты. Если они забывают об этом, то, как образно сказал Тагор, они «заражают сорняками поля мира».

Начало XX века было очень тяжелым периодом в жизни Тагора. За короткое время умерли его жена, дочь, отец и малолетний сын. Но личное горе не сломило Тагора, он продолжает творить и заниматься общественной деятельностью.

В это время в Индии поднималась волна национально-освободительного движения. Тагор становится одним из его лидеров. С пламенными речами он выступает на собраниях и митингах, пишет патриотические песни, которые поют участники многотысячных демонстраций. В 1905 году Тагор основывает общественно-политический журнал «Бхандар», на страницах которого публикует многочисленные статьи, посвященные разработке плана мирного, эволюционного переустройства жизни индийцев с помощью распространения просвещения, расширения отечественного производства, аграрных реформ и активизации людей с помощью органов местного самоуправления и общественных организаций.

Тагор принимает участие в составлении плана деятельности Национального Совета образования, основной задачей которого было найти возможности для продолжения обучения студентов, исключенных из учебных заведений за участие в акциях протеста. По сути это была одна из первых попыток создать альтернативную, национальную систему образования, не зависящую от правительства. Тагор непосредственно принимает участие в реализации этой программы, читая лекции по литературе. В эти годы популярность Тагора особенно возрастает, он становится кумиром молодежи. На его выступления и лекции собираются тысячи людей.

Однако вскоре поэт отходит от активного участия в движении. Будучи сторонником реформ и отказа от насилия как средства политической борьбы, он не мог согласиться с тем, что характер движения резко изменился, все больше приобретая черты агрессивности и нерациональной воинственности, когда благородные цели борьбы отходят на второй план и люди становятся игрушками в руках политиков.

Тагор удаляется в Шантиникетон, где полностью отдается творчеству и работе в школе. В 1909 году выходит написанная им грамматика бенгальского языка и исследование, посвященное священным текстом Индии «Упанишадям». А через год — сборник стихов «Гитанджали» («Жертвенные песни»).

В 1911 году появляется работа Тагора «Метод обучения», в которой от критики отдельных сторон колониального образования он переходит к обобщениям философского и общепедагогического характера. Своеобразным итогом десяти лет работы в школе звучат слова: «В отношении образования известна очень важная истина. Человек может почерпнуть свои знания только от человека же. Так водоем заполняется водой, огонь зажигается огнем, а душа человека создается душой другого человека. Если вынуть у человека человеческую душу, он уже не будет человеком. Он просто становится каким-то необходимым атрибутом конторы, суда, фабрики или завода. И такое-то существо, не ставшее даже человеком, хочет быть учителем других людей. Но так как он не может дать ученику свою душу, он ограничивается тем, что дает ему только уроки. Образование только тогда может циркулировать в обществе подобно крови в теле человека, когда между учителем и учеником имеется духовная близость».

В 1912 году отдельной книжкой выходят печатавшиеся ранее в журнале «Пробаши» «Воспоминания» и пьеса «Почта», которую Тагор очень высоко ценил. «Почта» ставилась по всему миру. Тагор был очень рад ее популярности. Но об одной постановке ему не было суждено узнать.

20 июня 1942 года, меньше чем за месяц до ликвидации варшавского гетто, в «Доме сирот» Корчака состоялся спектакль, о котором написал один из педагогов приюта, Игорь Неверли: «Что касается самого спектакля, то «Почту» Рабиндраната Тагора — вещь, запрещенную гитлеровской цензурой, поставили по выбору и по идее Я. Корчака. Постановка режиссера Эстеры Виногранувны и игра детей «Дома сирот», в особенности Абраши в роли умирающего индусского мальчика, а также выразительность самой пьесы в атмосфере погибающего гетто, в климате последних дней — все это вместе превратилось в потрясающее, неповторимое переживание».

Сохранился и текст приглашения на спектакль:

«Варшава, 15 июля 1942 г.

Мы не склонны обещать, не будучи уверенны.

А мы уверены, что час прекрасной сказки мыслителя и поэта даст переживание «самой высокой ступени» лестницы чувств.

Поэтому просим в субботу 18 июля 1942 г. в 4^ю дня.

Директор Дома сирот

Я. Корчак»

Р. Тагору — пятьдесят. 28 января 1912 года Бенгальская академия литературы устраивает большой прием в честь поэта в Город-

ском зале Калькутты. Но в это же время начинается и громкий скандал вокруг школы в Шантиникетоне. После секретного циркуляра, выпущенного британской администрацией, в котором школа Тагора объявлялась «совершенно неподходящей для обучения сыновей государственных служащих», многие родители и опекуны забирают своих подопечных из Шантиникетона.

С 1912 года Р.Тагор начинает свои многочисленные поездки за границу. Формальным поводом этих путешествий был поиск средств для школы (а потом и университета) в Шантиникетоне. Но значение их было больше этого меркантильного аспекта. Именно благодаря этим странствиям (а за свою жизнь Р.Тагор посетил более тридцати стран) он стал «человеком мира», его взгляды обогатились и приобрели ясность и чистоту, жизнь приобрела международный масштаб. Огромно их влияние и на Тагора-педагога, который всегда считал путешествия очень эффективным способом образования. Знакомство с различными системами образования, дискуссии с педагогами разных стран, безусловно, обогащали как его педагогическую концепцию, так и практику работы созданных им учебных заведений.

В этот раз Тагор отправляется через Европу в США, где читает лекции в Чикаго, Рочестере и Бостоне. Лекции по философии, прочитанные в Гарвардском университете, позднее были изданы отдельной книгой под названием «Садхана» («Творчество жизни»). В октябре 1913 года он возвращается в Индию.

13 ноября 1913 года Р.Тагору была присуждена Нобелевская премия по литературе. Поэт в это время находился в Шантиникетоне. Изумление и радость охватили очень многих. Впервые не только индийский писатель, но и вообще представитель Азии был удостоен такой чести. Охапками начали приходить письма и телеграммы. Причем, как отметил с горечью поэт, громче всех о своей радости заявляли те, кто никогда не был к нему дружелюбен, кто не читал ни строчки из его произведений. Поэт писал: «Воистину эти люди восславляют славу в моем лице, а вовсе не меня».

Но были и те, кого никак нельзя было обвинить в неискренности. Ученики его школы! Они навряд ли знали, что такое Нобелевская премия, но чувствовали, что их любимый учитель наконец-то получил всемирное признание. Денежное вознаграждение нобелевский лауреат передает на нужды своей школы.

В марте 1915 года Р.Тагор впервые встречается с Ганди, который завершил свою деятельность в Южной Африке и возвратился на родину. Ранее он распустил свой ашрам-колонию «Феникс» и школу в Южной Африке и был признателен Тагору за то, что уже в течение нескольких месяцев двенадцать бывших учеников его школы живут и учатся в Шантиникетоне. Ганди пробыл в Шантиникетоне шесть дней.

Встретились два великих современника, о различии в характерах и способах мышления которых напишут целые тома. Но с точки зрения педагогики у Тагора и Ганди очень много общего.

Оба прошли через жернова и сито казенной школы (правда, Ганди ее все же закончил), оба учились в Англии (правда, Ганди все же получил диплом юриста), оба основали ашрамы для своих последователей и школы, в которых преподавали и следили за организацией всей жизни. И по многим теоретическим вопросам они придерживались приблизительно одинаковых взглядов: выступали с критикой антииндийской по своей сущности системы образования; считали важнейшей задачей национально-освободительного движения создание подлинно национальной системы образования, основанной на индийской культуре и достижениях традиционных учебных заведений; призывали формировать целостного человека, отдавая предпочтение строительству характера, воспитанию возвышенных стремлений и т.д.

Автор одной из биографий Тагора Кришна Крипалани писал: «Один был подвижником, мечтавшим политику сделать святой, другой — поэтом, стремившимся сделать святость прекрасной». На наш взгляд, именно разница между «подвижником» и «поэтом» обуславливает отличия в системах этих безусловно выдающихся педагогов. Причем часто не на уровне принципов, а в акцентах и подходах к достижению, в общем-то, одних и тех же целей.

Уже в Шантиникетоне можно было без труда заметить разницу между их учениками. Воспитанники Тагора, раскрепощенные, поющие, танцующие, носящиеся повсюду, и, как заметил К. Крипалани, «маленькие святые» — ученики Ганди, слишком серьезные и дисциплинированные не по годам.

О них Тагор вспомнит в России и напишет: «Помню, когда группа учеников Махатмы Ганди вернулась из Южной Африки в Шантиникетон, я как-то спросил одного из них, не хочется ли ему прогуляться в роше парулов. Он ответил, что не знает и хотел бы спросить об этом у руководителя группы. «Можешь спросить его, — сказал я, — но скажи, тебе-то самому хочется пройтись?» И он снова ответил: «Не знаю». Короче говоря, этот юноша не привык мыслить и действовать самостоятельно: идет, куда его ведут, и никогда ничего не решает сам».

Ганди тоже не все пришлось по душе в школе Тагора, о чем он со свойственной ему прямотой сразу же и заявил. Он обратил внимание обитателей Шантиникетона на то, что их слова расходятся с делом. Раз они декларируют стремление к простой и самостоятельной жизни, то и поддерживать чистоту в ашраме, готовить еду, мыть посуду и многое другое они должны сами, отказавшись от помощи слуг. Тагор благодушно разрешил этот эксперимент по самообслуживанию, но энтузиазм молодых людей угас сразу после отъезда Ганди. Но в память о нем появился еще один календарный праздник школы — День Ганди. Ежегодно 10 марта все слуги получают выходной, а учителя и ученики сами готовят еду и проводят генеральную уборку.

Дни, проведенные Ганди у Тагора в Шантиникетоне, сделали их друзьями. Несмотря на все перипетии политической борьбы,

часто критикуя друг друга в статьях и выступлениях, высказывая порой, казалось, непримиримые суждения, они всегда проявляли глубокое взаимное уважение и такт. Ганди всегда обращался к Тагору «Гурудев» (букв. «Божественный учитель»), а с легкой руки поэта скоро весь мир стал называть Ганди «Махатмой» («Большая душа»).

В сентябре 1916 года Тагор отбыл в Соединенные Штаты и уже 18 сентября прибыл в Сиэтл. На этот раз предстояло выступить с лекциями по всей стране. В целом поэт считал эту поездку удачной. В марте 1917 года через Японию он вернулся на родину.

22 декабря 1918 года на специальном собрании в Шантиникетоне Тагор объявляет о решении создать университет нового типа. По замыслу поэта Вишвабхарати (на санскрите «мир» и «знание») должен стать всемирным университетом, где встретятся культуры Востока и Запада. Для девиза нового университета поэт выбирает древний санскритский стих: «Где весь мир соединяется в одном гнезде».

В 1919 году во время поездки по Южной Индии Тагор читает лекцию, которая стала программой создания университета нового типа для Индии. Позднее «Общество развития национального образования» издало текст под названием «Центр индийской культуры». Эта работа чрезвычайно важна для правильного понимания его концепции высшего образования. К сожалению, не всегда даже коллеги-педагоги правильно интерпретировали сказанное Тагором.

В начале своего выступления Тагор говорит о необходимости возродить интеллектуальное могущество Индии, которой, безусловно, есть что сказать остальному миру. «Каждая нация, — говорит Тагор, — должна поддерживать огонь в своем светильнике разума, чтобы вместе со всеми другими нациями освещать мир. Народ, чей светильник разбит, лишается своего законного места на мировом празднестве».

Но чтобы осуществить эту миссию, «разум Индии должен, прежде всего, сосредоточиться и познать самое себя». Только так можно научиться творчески воспринимать знания и использовать их для решения проблем своей страны.

Университет должен стать местом вдохновенной творческой работы, «объединить все разобщенные умы Индии» для исследовательской и созидательной активности по созданию все возрастающих знаний.

Важно, чтобы университет был связан прочными нитями сотрудничества с обществом, осуществляя «органическую связь наших знаний и воспитания с окружающей действительностью». Тагор подчеркивает: «Наше образование должно находиться в постоянном контакте с жизнью во всех ее аспектах — экономическом, интеллектуальном, эстетическом, социальном и духовном».

Для Индии, по мнению Тагора, очень остро стоит проблема модели высшего учебного заведения. Существует опасность пой-

ти вниз «по наклонной плоскости подражания». Все попытки бездумно пересадить на индийскую почву европейские образцы или сконструировать искусственный организм из чужеродных элементов — неизбежно обречены на провал. Тагор с сарказмом замечает: «Все эти стройные планы университетов, которые высиживает наша страна, подобны яйцам, сваренным вкрутую, из них никогда уже не вылупятся цыплята!» Индия сама должна найти свое решение, исходя из реалий своей жизни.

Индийцы должны перестать быть пассивными потребителями достижений европейской науки и культуры, которые, по словам Тагора, ввозятся «в обезжиренном, замороженном виде». Университеты должны стать не только местом передачи, распространения знания, но и его продуцирования. Индии необходимо подготовить поколение собственных ученых с мировым именем, которые на переднем крае науки будут обеспечивать опережающее развитие страны.

Одной из важнейших задач университета является концентрация интеллектуальных сил страны, «ибо в нем, как в ядре живой клетки, сосредотачивается созидательный дух нации».

Все же в конце своей лекции Тагор высказывает сомнение в возможности скорого создания индийской системы образования в рамках сети школ и колледжей, контролируемых государством. Он призывает начать смелые эксперименты по созданию альтернативной системы, начав с небольших заведений, которые он предлагает даже не называть университетами, чтобы избежать попыток сравнения и подражательства. Он говорит о создании некоего подобия «духовного центра притяжения», который бы и стал очагом нового национального образования. Именно этой идее и соответствовал его международный «духовный центр притяжения» в Шантиникетоне, который при жизни Тагора ни в коей мере не был университетом в обычном смысле этого слова.

В мае 1920 года Тагор начинает свое путешествие по странам Европы и США для сбора средств для будущего университета в Шантиникетоне. В Страсбурге в новооткрытом университете он выступает с лекцией «Послание леса», в Женевском университете имени Руссо — с лекцией об образовании. Далее — лекции в Гамбурге и Берлине, в Карловом и Немецком университетах в Праге.

От имени известных интеллектуалов Германии Тагор получает щедрый дар — большую библиотеку немецких классиков для будущего университета. В июне 1921 года, проведя в путешествии четырнадцать месяцев, он возвращается домой.

В это время поэт работает над сборником стихов, посвященных детям — «Малыш Бхоланатх». В дневнике «Путешествия по Западу» Тагор пишет: «Недавно я побывал в пустыне американской взрослости, в каменной темнице отвратительного делячества. Вот когда я понял, что нет на свете занятия более пустого, нежели накопительство. Стяжатель, обуянный гордыней, стремится обуздать стремление к Игре, от века присущее миру... Вырвав-

шись из американской атмосферы, наполненный парами стяжательства, я принялся писать «Малыш Бхоланатх». Чувствовал я себя как узник, оказавшийся на свободе и спешащий к берегу моря — подышать свежим воздухом».

23 декабря 1921 года — день официального открытия Вишва-бхарати. В своей речи Тагор говорит: «Я основал университет как место, где могли бы учиться вместе люди разных цивилизаций и традиций. Идея эта велика, и я не боюсь того, что масштабы, в которых мы ее осуществляем, малы. Великие идеи рождаются, как малые дети, потом растут». Поэт передает университету право собственности на Шантиникетон и право на доходы от изданий его книг на бенгальском языке.

Университет, по замыслу Тагора, должен стать центром изучения и развития культурных достижений всех народов Индии, институтом ориентальных исследований и местом конструктивного диалога Востока и Запада. Следует отметить интернациональный характер нового учебного заведения, в котором учились не только индийцы, но и молодые люди из Китая, Бирмы, Ирана и Цейлона. Со временем сложился очень интересный педагогический коллектив, членами которого были многие известные ученые из-за рубежа: англичане Эндрюс, Пирсон и Элмхерст, французский ориенталист Сильвен Леви, востоковед из Немецкого университета в Праге Мориц Винтерниц, индолог из Карлова университета Винценц Лесны, знаток санскрита из Римского университета Карло Формичи и др.

В 1922 году Тагор начинает осуществлять еще один образовательный проект. В двух километрах от Шантиникетона, в деревне Шураль, он открывает Институт реконструкции сельского хозяйства, позднее названный Шриникетон. Главная цель — улучшить жизнь крестьян, применяя последние достижения науки, чтобы повысить продуктивность земли, повысить урожайность благодаря применению новых семян и современных агротехнических приемов. Для крестьян округа была открыта амбулатория, где можно было получить медицинскую помощь и недорого купить лекарства, постоянно работала передвижная библиотека. Было образовано около двухсот кооперативных обществ, основной задачей которых было объединить усилия крестьян для получения кредитов и эффективной обработки земли. Начались масштабные общественные работы по ремонту и строительству дорог, ирригации и водоснабжению деревень.

Но сердцевиной проекта стали мероприятия просветительного характера: ликвидация неграмотности, пропаганда современных способов ведения хозяйства и обучение местным ремеслам. В Шриникетоне Тагор открывает школу для сельских детей, главной задачей которой объявляет всестороннее их образование с целью улучшения всех аспектов сельской жизни. Дети должны были в обязательном порядке овладеть в совершенстве одним из ремесел, что позволит им в будущем зарабатывать на

достойную жизнь в гармонии с окружающей средой, природой и миром в целом.

В Шриникетоне работа и учеба должны приносить радость. Устраивались пикники, экскурсии, различные игры, театральные представления и праздники. Тагор был инициатором введения сезонных праздников, которые должны были знаменовать изменения не только в природе, но и в настроении педагогов и учащихся: Праздник первого дождя, Праздник прихода весны, Праздник нового риса, Праздник первой вспашки и Праздник посадки деревьев.

В мае 1926 года Тагор вновь отправляется в длительное путешествие по странам Европы. При встрече с ним в Берлине А.В.Луначарский официально приглашает поэта посетить Россию.

В этом же году публикуется чрезвычайно интересная статья — «отчет» о годах педагогических исканий Тагора, которую он назвал «Школа поэта». Начав с очень глубокого и образного анализа отрицательных сторон индустриально-урбанистической цивилизации, с ее культом перепроизводства и все возрастающего потребления, которое делает человека рабом вещей, Тагор приходит к выводу, что цена такого прогресса слишком высока. Он пишет: «Цивилизованный человек далеко отклонился от орбиты естественной жизни». Написано как будто сегодня!

Тагор подчеркивает, что природа человека — двойственна. И это не имеет права не учитывать педагогика: «Чтобы достичь совершенства, мы должны быть физически дикими и умственно цивилизованными; мы должны быть естественными среди естества и человечны среди человечества»... «А по сути дела, соотношение нецивилизованного и цивилизованного в человеке должно находиться в той же пропорции, что вода и суша на земном шаре, с преобладанием первого. Но школа ставит своей целью постоянное осушение нецивилизованного начала».

Именно на острове Робинзона Крузо хотел бы Тагор разместить идеальную школу для детей, где преподавать им «первый великий урок полного единения человека и природы не только через любовь, но и через активное общение». И главная цель такой школы должна заключаться «не просто в тренировке ума и тела на случай всяких неожиданностей, но в совершенной настройке человека, чтобы его голос сливался в единую симфонию с голосом жизни и мира; в постижении их гармонии и есть мудрость». Может, в этой «совершенной настройке человека» и есть главный секрет воспитания?!

Четверть века работы с детьми убедили Тагора в том, что они очень многое усваивают подсознательно, причем это справедливо как по отношению к миру природы, так и по отношению к культуре общества. «У детей, — пишет Тагор, — есть активное подсознание, которое, подобно дереву, черпает свои силы из окружающей атмосферы. Для них такая атмосфера стократ важнее, чем правила и методы, наглядные пособия, классные занятия и учебники».

Поэтому целевые установки и приоритеты должны быть изменены. «В учебных заведениях, — пишет Тагор, — наши умственные способности должны быть развиты так, чтобы дать нашему сознанию свободу в мире истины, ввести воображение в мир искусства, а нашу любовь — в мир человеческих отношений. Последнее куда важнее, чем, например, изучение географии зарубежных стран».

Предвидя дальнейшее сближение народов, Тагор предупреждает: «В наши дни сознание детей почти преднамеренно формируется так, что оно не в состоянии воспринимать другие народы, с их неведомыми нам языками и обычаями. Это принуждает нас, когда того требуют наши повзрослевшие души, искать друг друга ошупью в темноте, бессознательно ранить друг друга, страдать худшей формой слепоты нашего века».

В 1930 году Тагор совершает свою последнюю поездку за границу — в Англию, где выступает с лекциями в Оксфордском университете (позднее опубликованы под названием «Религия человека»), в Германию, Данию, Францию, Швейцарию и Чехословакию, и в сентябре приезжает в СССР.

Тагор приехал в страну, где его хорошо знали и любили. К этому времени были переведены и изданы его основные произведения, причем в хороших переводах. Отраднo, что эта традиция развивалась и далее. Следует заметить, что в разное время Тагора переводили К. Чуковский, Б. Пастернак, А. Ахматова, В. Тушнова, Д. Самойлов.

Тагор пробыл в Москве две недели, и его программа была невероятно насыщенной. Он встречается с писателями и учеными, студентами и профессурой, посещает Центральный Дом крестьянина, выставки и театральные представления. Но поскольку главной целью своего визита Тагор считал ознакомление с распространением образования и достигнутыми результатами, он находит время не только для чтения статистических отчетов, но и для живого общения с педагогами и учащимися.

Особое впечатление на него производит посещение 1-й пионеркоммуны им. А. Кингиной, где поэт провел почти целый день. Беседуя с пионерами, Тагор все больше убеждается в том, что их образование не ограничивается книжной премудростью, дети активно воспитывают характер в соответствии со своим жизненным идеалом. Но особенно Тагору нравится единство интересов воспитанников коммуны с жизнью всей страны, его впечатляет желание детей быть самыми активными участниками преобразований поистине исторического размаха.

Бесспорно, что для Тагора-педагога поездка в Россию была достаточно продуктивной, стимулирующей к новым экспериментам. Позднее он напишет: «С тех пор, как я побывал в России, я много думаю о просвещении у нас на родине. Я здесь кое-что узнал и в одиночку с моими слабыми силами попытаюсь хотя бы частично использовать это на практике». Нельзя не удивиться и прозорливости Тагора, прочитав у него: «Я не могу сказать, что все у них со-

вершенно, — серьезных просчетов немало, и когда-нибудь они приведут к затруднениям», или: «Если говорить коротко, основная ошибка заключается в том, что их система просвещения шаблонна, а людей нельзя воспитывать по шаблону. Если теория игнорирует свойства живого ума, неизбежно приходит время, когда либо шаблон начинает трещать по всем швам, либо человеческий ум мертвеет и человек превращается в заводную куклу».

В интервью газете «Известия», опубликованном почти через шестьдесят лет, в 1988 году, Тагор говорит: «Я должен вас спросить: Способствует ли осуществлению вашего идеала то, что вы внушаете людям злобу, классовую ненависть и мстительность по отношению к тем, кого считаете вашими врагами? ...Ради гуманности я надеюсь, что вы никогда не прибегнете к ужасной силе подавления, способной создать бесконечную цепь насилия и жестокости... Вы уже пытались избавиться от зол царизма. Почему бы не сделать то же самое и в этом случае?»

В октябре 1930 года Тагор отправляется в США. Коротая время на палубе парохода, он пишет письма друзьям и родственникам, в которых спешит поделиться впечатлениями от увиденного в СССР. Позднее они выйдут отдельной книгой под названием «Письма о России». Следует отметить, что перевод их на английский язык будет опубликован в Индии только после достижения независимости.

В мае 1931 года по всей Индии отмечается семидесятилетие со дня рождения Тагора. Во время торжеств поэту вручают «Золотую книгу Тагора», содержащую послания, полученные со всех концов мира. В 1932 году по просьбе администрации Калькутского университета Тагор становится профессором кафедры бенгальского языка, читает курс лекций для студентов. В это же время он руководит работой по составлению словаря технических и научных терминов на языке бенгали.

В распространении национального образования решающую роль Тагор отводит университетам, которые должны отказаться от элитарности и академической замкнутости и понести знания в народ через обширную сеть экзаменационных центров. Поэт предлагает весьма современно воспринимающуюся систему с элементами того, что сегодня называют очно-заочным образованием (или даже дистанционным), с модульной основой. Тагор обращается к университетскому сообществу со словами: «...я молю, чтобы дождевые тучи напитывались благодатью знаний над высоким куполом университета, излили свою влагу на всю страну и наполнили поля наши зерном, сады плодами, а цветники — цветами».

В начале января 1934 года Тагор принимает у себя Джавахарлала Неру и его жену Камалу. Поэт, очень высоко ценивший Неру как мыслителя и политика, устраивает большой прием в честь гостей, одной из причин визита которых, как выяснилось, было определиться с местом учебы дочери. Индира Ганди стала одной из наиболее известных выпускниц Шантиникетона.

В 1934 году выходит небольшая статья Тагора «Образование и культура», в которой он размышляет о цели и приоритетах образования. Тагор начинает с обсуждения увлечения людей только материальной стороной жизни, погоней за богатством, грубые формы которой он видел в Америке. Он не сомневается в преимуществе духовных ценностей над материальными. И если образование исходит из обратного, то «это не свет знаний, а свод ошибок и заблуждений». Приоритет духовного начала должен быть заложен в цели образования. Тагор подчеркивает: «Главная цель образования, по-моему, должна быть в том, чтобы учить уделять основное внимание своей внутренней сущности и прививать уважение к себе».

Университет в Шантиникетоне очень разросся и требовал все больше средств. В 1936 году семидесятипятилетний поэт отправляется в турне с балетным спектаклем по его драме «Читрангода». Основными исполнителями были студенты и преподаватели Вишвабхарати. Лето 1937 года поэт проводит в Гималаях, где пишет «Вишвапаричая» — своеобразное введение в современную науку для бенгальских читателей, состоящее из нескольких эссе по биологии, физике и астрономии.

В феврале 1940 года Махатма Ганди с женой Кастурбай навещают поэта в Шантиникетоне. При расставании Тагор вручает Ганди письмо, в котором просит оказать помощь университету: «Примите это учреждение под свою защиту, дав ему гарантию благополучия на будущее, если Вы считаете его национальным достижением. Вишвабхарати — корабль, который везет груз самых ценных сокровищ моей жизни, и я надеюсь, что он может претендовать на особую заботу со стороны моих соотечественников». В 1951 году правительство свободной Индии примет решение о финансировании университета Тагора как государственного.

В канун вторжения нацистской Германии в Россию, 14 апреля 1941 года в присутствии Тагора на празднике в университете зачитывают текст его выступления — «Кризис цивилизации». 7 августа 1941 года после тяжелой болезни Рабиндранат Тагор умирает. В «Гитанджали» есть строка: «В этом театре бесчисленных форм и у меня была своя роль...»

Р.Тагор написал свыше тысячи стихотворений, двенадцать романов, тридцать пьес и двести публицистических статей. Он автор более двух тысяч песен, две из которых стали национальными гимнами Республик Индии и Бангладеш. О разносторонности его гения рассказывают и две тысячи его картин и рисунков.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ — ПЕДАГОГИКА ТАГОРА?

Назвать ее системой или образовательной технологией, как стало модно сейчас говорить, вроде бы нет оснований. Р.Тагор не написал специальной работы или, не дай бог, трактата по педагогике с разделами и параграфами. «Россыпи» его педагогических

идей — в выступлениях, лекциях, статьях и письмах. Но самыми педагогическими, на наш взгляд, все же являются его «Воспоминания» и стихи для детей. И это не случайно. Ведь педагогика Тагора, наверное, самая поэтичная и образная в истории образовательных идей! Ключевые ее слова: гармония, душа, любовь, единение, радость и истина.

Как и поэзия, педагогика великого сына Индии не может быть уложена в строгие терминологические рамки сухих определений. Она ускользает, «музыку» не разять. Но в ее кажущейся недосказанности есть и большая возможность сопереживания и сотворчества. Она не отпугивает заумностью и однозначностью. Понимать, а может быть, и применять ее может каждый по своему разумению и усмотрению. Так, как мы это делаем со стихами.

На первый взгляд педагогика Тагора кажется очень непрофессиональной, авторской что ли. Нет ссылок на великих, и не очень, педагогов, нет четких рекомендаций и инструкций. Конечно же, при желании можно поискать и найти черты сходства в педагогических воззрениях Тагора и его предшественников и современников. Но сам поэт отрицал какое-либо серьезное влияние на него теоретиков образования. И все же педагогика и ее практическое осуществление не были для Тагора каким-то хобби, сопутствующим продуктом его творчества. Им отводилась главная роль в его видении мирного, эволюционного переустройства мира, создания «человеческих» условий для «развертывания» каждого человека как личности.

Тагора мало интересуют детали и подробности. Главное внимание в большинстве своих работ педагогического содержания он уделяет цели образования и способам ее достижения. При этом хотелось бы подчеркнуть, что для него истинно достойная цель образования (включающего и воспитание) — только формирование целостного человека с общечеловеческими чертами. И ничего больше. Все остальное второстепенно.

Говоря о путях достижения цели образования, Тагор не дает однозначных советов и рекомендаций, многое оставляя профессионалам и творчеству жизни. Ведь главное в осуществлении цели — настроение, тональность и эмоциональный фон. Делайте, что считаете правильным, но только помните, что ребенок — это дар Божий, неповторимая и уникальная индивидуальность со своим умом и душой, которая откликнется только на уважение, любовь и понимание. Помните, что ребенок — часть природы, ее сын, и не торопитесь отправить его «в люди», подалее от материнского дома, где дети растут и расцветают, как цветы.

Педагогика Тагора очень далека от официальности. Он не доверяет государству и его системе образования, колониальной по своей форме и сущности. Неоднократно он подчеркивает, что ему повезло и он вырвался из тенет официального образования еще в тринадцать лет. В его работах государственная школа того периода часто упоминается в одном ряду с богадельнями, тюрь-

мами и домами умалишенных. Идеалом для его новаций, как известно, служила негосударственная, независимая школа древней Индии — тапована, деятельность которой регулировалась традицией и общественным мнением, а не инспекторскими проверками и циркулярами чиновников от образования. Даже в самые трудные времена для его школы и университета в Шантиникетоне он не обращался к властям за поддержкой, а предпочитал «с сумой» ездить по всему миру.

Педагогика Тагора по-хорошему старомодна. В ее основе многовековая традиция индийского образования, с его акцентом на духовности и высоком предназначении человека, приоритете духовного общения гуру и воспитанника. Не раз Тагор говорил о том, что проблемы современного образования не в отсутствии вместительных помещений, хорошей школьной мебели или даже интересных учебников и пособий. Он говорил: «Мы ищем человека». Нужен гуру! Чтобы «усыновить» и спокойно, естественно повести ученика за руку через годы взросления и духовного созревания, увлекая примером собственной простой и возвышенной жизни.

Педагогика Тагора — очень индийская и одновременно принадлежит всему миру. Пожалуй, история образования еще не знала такого безоглядного интернационалиста, гуманизм которого всегда был выше национализма, классовости, сектантства и прочих порождений человеческой ограниченности. С прозорливостью художника Тагор еще на заре XX века формулирует идеал нового человека, вскормленного культурой своей страны, но всегда готового обнять весь мир. Фундаментальные основы жизни везде одинаковы, все религии едины в своей основе, а человек везде — человек. Чужих нет, есть только братья, с которыми еще не встретились.

И в заключение хотелось бы напомнить об еще одной особенности педагогики Тагора — она реализовывалась на практике и самим автором, и его последователями. Поэт не был кабинетным ученым, почти сорок лет он руководил масштабным экспериментом. Не все получалось и получилось, как было задумано.

С начала смелых опытов Тагора прошло более ста лет, более пятидесяти лет развивается детище поэта без него. Сегодня Шантиникетон — большой образовательный центр, в состав которого входят школа, колледж искусств и государственный Центральный Университет с тридцатью департаментами. Когда-то уединенный ашрам сегодня окружен со всех сторон многомиллионной Калькуттой, и тысячи туристов посещают университет и музей Тагора каждый день.

Забавно, что время от времени появляются исследователи, утверждающие, что от замыслов Тагора в Шантиникетоне почти ничего не осталось.

Интересно, как бы сам Тагор отнесся к таким выводам? Наверное бы обрадовался. Жизнь не стоит на месте, и вместе с нею

растет и развивается его начинание, доказывая свою жизнеспособность. И хорошо, что дитя вырастает из одежек своего детства. Ведь это так естественно.

Пусть, конечно же, проводятся и такие исследования, и совсем другие. Гений Тагора, его всесторонность и поистине богатое наследие, в котором, как в хорошей поэзии, больше скрытого, чем явного, еще не раз позволит пережить минуты открытий не одному поколению ученых. Главное ведь — истина, а не только форма, в которую она отлита. Важно не потерять свежесть восприятия, как в детстве. В книге поэта «Разлетевшиеся птицы» есть слова: «Великий человек — вечное дитя. Умирая, он оставляет свое великое детство миру».

В. Василенко

В данной книге использованы тексты произведений Р. Тагора из таких изданий:

I. *Тагор Р.* Сочинения: В 8-ми т. /Пер. с бенг. — М.: Художественная литература, 1955—1957.

II. *Тагор Р.* Собрание сочинений: В 12-ти т. /Пер. с бенг. и англ. — М.: Художественная литература, 1961—1965.

III. *Тагор Р.* Собрание сочинений: В 4-х т. /Пер. с бенг. — М.: Художественная литература, 1981—1983.

При наличии нескольких вариантов перевода приводится последний по изданию. В ссылках будет указываться порядковый номер издания римскими цифрами, том и страница.

ОТ ПЕРВОГО ЧИТАТЕЛЯ

Познать самого себя можно, лишь отразившись в другом. Не зря девизом древних было «Познай самого себя, и ты познаешь весь мир».

Знакомясь с творчеством Р.Тягора, я сделала для себя настоящее открытие. В моем представлении Р.Тягор был в образе маститого и знаменитого поэта, ученого-просветителя начала прошлого уже XX века из далекой экзотической страны.

Погружаясь в мир его мыслей, впечатлений и размышлений, я все больше и глубже осознавала, что это встреча с удивительно современным, уникальным, тонкой души и очень чутким педагогом. Вступая с ним во внутренний диалог, совершенно забываешь о том, что между мной и автором статей не только прошло сто лет сложной человеческой истории, но и жизнь далекой, незнакомой Индии, спрятанной от нас за Гималаями. Оказалось, что для силы Духа нет границ, времени и расстояния.

Многие проблемы, поднятые Р.Тягором в статьях, оказались невероятно актуальными именно в сегодняшнее, сложное для нашей страны и прежде всего для нашего образования время. Педагогическое кредо Р.Тягора «познание души душою» проявляется в полной мере в моей работе учителя искусства и потому принесло невероятное ощущение радости единения наших мыслей и чувств.

Думается, что педагогам эта книга окажет несомненную пользу в их педагогической практике, в сотворчестве с детьми.

М.Т.Ломоносова

ВОСПОМИНАНИЯ*

(О ДЕТСТВЕ)

Кто создает картину жизни на холсте памяти — я не знаю; но кто бы он ни был, он создает картины. Иначе говоря, он не для того держит кисть в руке, чтобы зарисовывать все, что происходит. Он отвергает или избирает, согласно своему вкусу. Часто он уменьшает большое и увеличивает малое. Он, не колеблясь, отодвигает вглубь то, что было спереди, или помещает спереди то, что было позади. Словом, он — живописец, а не историк.

Так, через внешнюю сферу жизни течет поток событий, а внутри одновременно возникает ряд картин. Оба ряда соответствуют друг другу, но они — не одно и то же.

Обычно у нас нет возможности подробно осмотреть скрытую в нас живописную мастерскую. Лишь иногда наш взор падает в тот или иной ее угол, но большая ее часть остается в непроницаемом мраке. Кто тот мастер, что непрерывно в ней живописует, каковы его замыслы, в какой галерее будут вывешены его картины, когда он закончит свое дело — кто скажет?

Несколько лет тому назад, когда меня расспрашивали о событиях моей жизни, я спустился в эту мастерскую за сведениями. Я полагал, что соберу некоторое количество материалов для истории моей жизни, и этим ограничусь. Но когда я раскрыв дверь, я увидел, что воспоминания о жизни не суть история жизни, что они — самостоятельное произведение незримого мастера. Пестрые краски, рассыпанные по его холстам, не являют нам отражения внешней действительности; они взяты с его собственной палитры и пропитаны страстью его сердца — вот почему повесть его холстов непригодна для показаний на суде.

Но хотя попытка собрать точную историю в сокровищнице памяти и не может привести к цели — есть очарование в ее картинах, очарование, завожжившее и меня.

Дорога, по которой шагает странник, придорожный дом, в котором он отдыхает, — не картины, пока он еще в пути; они слишком необходимы, слишком осязательны. Но когда нужда в них исчерпана, когда странник оставил их позади, они обращаются в картины. Когда мы, перед тем как войти в вечернюю обитель отдыха, оглянемся на города и поля, реки и горы, пройденные нами

* Первоначально публиковались в журнале «Пробаши» (1911—1912). В 1912 г. вышли отдельной книжкой (III, т. 12, с. 7—167).

в утро жизни, тогда, в свете уходящего дня, они — настоящие картины. Так, когда пришел мой черед, я оглянулся и был захвачен открывшимся мне зрелищем.

Но, может быть, оно было привлекательно для меня исключительно вследствие естественного интереса к своему прошлому? Некоторое личное чувство тут было неизбежно... В моих воспоминаниях нет чего-либо достойного увековечения. Но художественное значение изображений не зависит от достоинства изображаемого предмета. Всякое подлинное чувство, если только его удастся передать другим, будет для них ценно. Если то, что приняло форму картины в памяти, может быть воплощено в словах, то оно достойно занять место в литературе.

Я предлагаю эти картины, созданные моей памятью, как литературный материал. Было бы ошибкой принимать их за автобиографию. Для этой цели они и слишком отрывочны и бесполезны.

НАЧАЛО УЧЕНИЯ

Мы, трое мальчиков, воспитывались вместе. Оба мои товарища были на два года старше меня. Когда к ним стал ходить учитель, началось и мое ученье. Но из того, чему я учился, ничего не осталось в моей памяти.

Вспоминается лишь: «Дождь падает, лист дрожит». Я только что выбрался на берег, пересекши бурные области складывания первых слогов, и первое, что я читаю: «Дождь падает, лист дрожит». Это для меня первое знакомство с Верховным поэтом.

Когда радость того дня овладевает мной, даже еще и теперь, я вновь каждый раз постигаю, почему столь необходима рифма в поэзии. Благодаря ей слова приходят к концу, но не кончаются; смысл исчерпан, но не исчерпано звучание; и ухо и сердце продолжают игру рифм. Так, с того дня дождь продолжал капать и лист все вновь и вновь трепетать в моем сознании всю жизнь.

Другой эпизод из моего раннего детства прочно удержался в моей памяти. У нас был старый кассир, по имени Койлаш Муккерджи, сделавшийся как бы членом нашей семьи. Он был большой остряк и постоянно шутил со всеми, особенно досажая колкостями недавно женившимся зятям, только вступившим в наш дом.

Этот Койлаш Муккерджи часто декламировал мне для моего удовольствия длинную нескладную балладу, сочиненную им самим. Героем ее был я, и в балладе ярко изображалось страстное ожидание грядущего появления героини. Я слушал, увлекаясь все больше по мере исполнения изображением этой очаровательной невесты, озаряющей лоно будущего, где она царила. Описание драгоценностей, которыми она была усыпана с ног до головы, и неслышанная роскошь приготовлений к свадьбе могли бы вызвать головокружение и у более взрослого и рассудительного слушателя; но для того, чтобы восхитить мальчика и наполнить его вооб-

ражение волшебными пестрыми блаженными видениями, достаточно было быстрой смены рифм и колыхания размера.

Эти первые литературные наслаждения все еще живы в моей памяти. Вспоминаются и эти строки: «Дождь весело барабанит, река выходит из берегов». А эта баллада — словно «Облако-Вестник» моего детства.

Следующее воспоминание относится к началу моей школьной жизни. Однажды я вдруг вижу, что мой старший брат и сын моей сестры Шотто, который тоже был несколько старше меня, отправляются в школу, а я, как неподходящий по возрасту, остаюсь дома. Кроме громкого плача, у меня не было другого способа защиты своих прав. До тех пор я ни разу еще не ездил в коляске и вообще не выходил из дому; поэтому, когда Шотто стал изо дня в день невыносимо увлекательно рассказывать об их приключениях по дороге в школу, я уже совершенно был не в силах оставаться дома. Наш учитель, чтобы рассеять мои иллюзии, хлопнул меня по плечу и изрек: «Теперь ты плачешь, чтобы тебя пустили в школу, но тебе придется еще больше плакать, когда ты в ней побываешь». Я не помню ни его имени, ни лица, ни характера, но воспоминание о его веском совете и еще более веской руке не изгладилось и сейчас. Никогда более не слышал я столь верного пророчества.

Своим плачем я добился преждевременного принятия в Восточную семинарию. Чему я там учился — я не помню, но один из применявшихся там способов наказания мне запомнился. Мальчика, который не знал урока, ставили на скамейку с протянутыми руками, а на его ладони клали несколько грифельных досок. Дело психологов установить, насколько такое развитие физической выдержки может способствовать укреплению памяти.

Так началось мое учение в самом раннем детстве. Мое посвящение в литературу произошло в это же самое время при помощи книг, бывших в ходу у наших слуг. Среди них выделялись бенгальский перевод изречений Чанакьи и «Рамаяна» Криттибаша. Я отчетливо вспоминаю картину одного из чтений этой «Рамаяны».

День был облачный. Я играл на длинной наружной веранде, выходящей на улицу. Внезапно Шотто, не помню, по какому поводу, вздумал напугать меня возгласами: «Полицейский! Полицейский!» Мое представление об обязанностях полицейского было до крайности смутно, но в одном я был уверен, как в некоем законе природы: стоит лишь человека, обвиняемого в преступлении, отдать в руки полицейского, и последний, схватив жертву, навеки исчезнет с нею в бездонной глубине полицейского участка, — подобно крокодилу, который, сжимая свою добычу в зазубренных зубах, погружается в воду. Не зная, как невинному мальчику избежать безжалостного закона, я бросился бежать во внутренние покои; по моей спине бегали мурашки от страха перед преследующим меня полицейским. Прибыв к матери, я сообщил ей об угрожающей мне беде, но это известие ее, видимо, не очень взволновало. Все же я решил, что будет более осторожно не показываться наружу, и, сев на пороге, взялся за

чтение истрепанной «Рамаяны» с мраморного цвета обложкою; книга эта принадлежала ее тетке. Передо мною была веранда, обегавшая четырехугольник внутреннего двора, освещенная бледным полуденным светом пасмурного неба. Найдя меня плачущим над одной из грустных глав эпоса, тетка подошла и отняла у меня книгу.

NB *Как ярко воспоминания детства у Р. Тагора, которому к моменту их написания уже исполнилось 50 лет. Не здесь ли скрыта тайна гениальности?*

В каждом из нас живет память первых ярких впечатлений детства — память фантазий о разных мирах, где нет жестких рамок, уз и шор. Эти впечатления дают ощущения полноты свободы, счастья. Фантазии и впечатления детства могут питать человека всю его жизнь, однако с возрастом их сила теряет свою яркость.

Вдумаемся в само слово «впечатлительность». Как будто что-то впечатывается в наше сознание, отпечатывается в нем. Чем сильнее наша впечатлительность, тем больше чувств участвует в этом процессе. На этом основании действуют все искусства. Чтобы впечатлительность как ценное качество чувств не ослаблялась, ее постоянно нужно подпитывать встречей с прекрасным, с необычным, с информационной новизной. Природа и искусство как раз и являются таким питанием для чувств.

ВНУТРИ И СНАРУЖИ

В нашем обиходе не было и следа роскоши в дни моего детства. Уровень жизни был тогда гораздо скромнее, чем теперь, и наше время, увидев, как мы тогда жили, постыдилось бы признать свое родство с тогдашним временем. Особенностью нашего дома было то, что за детьми почти совершенно не смотрели. Присмотр за детьми иногда может быть занятен для окружающих; для детей же большего мучения нет.

Нами обычно управляли слуги. Чтобы облегчить свою задачу, они почти совершенно лишали нас свободы движения. Но это стеснение, как бы оно ни было чувствительно, уравновешивалось тем, что нас не баловали и дух наш был свободен; нас не кормили, не одевали, не наряжали и не сковывали ни нежничаньем, ни муштровкой.

Наша еда отнюдь не напоминала лакомств. Одежда была настолько проста, что перечисление ее предметов вызвало бы лишь презрение у мальчика наших дней. Не было случая, чтобы до десятиго года жизни мы хоть раз надели чулки. В холодную погоду мы удовлетворялись простой белой курткой поверх обычной. Нам и в голову не приходило жаловаться из-за этого на свою судьбу. И лишь, когда старый Нэямот, портной, забывалшить в куртку карман, мы были недовольны, ибо и в самом бедном доме не рождался еще мальчик, которому нечем было бы наполнить свои карманы: по милости божьей нет большей разницы между богатыми и бедными мальчиками в отношении этого рода имущества. Обычно у каждого из нас была пара туфель, но они далеко не все-

гда были на ногах. Во время ходьбы мы при каждом шаге забрасывали их вперед, и гораздо больше внимания уделяли такому транспортированию туфель, нежели ходьбе, каковое обращение вряд ли соответствовало их назначению.

Взрослые члены нашей семьи были во всем далеки от нас: своим образом жизни, одеждой, пищей, беседой и развлечениями. За всем этим мы наблюдали, но лишь издали. Современным детям взрослые стали чрезвычайно доступны; у них ни в чем нет стеснения, и они получают без труда даже то, чего им вовсе не нужно. Нам же ничто не доставалось так легко. Многие из обычных вещей были для нас редкостью. «Когда мы вырастем, мы их когда-нибудь получим», — так вручали мы отдаленному будущему попечение о наших надеждах. Вследствие этого мы до конца исчерпывали все возможное наслаждение тем немногим, что мы получали: от шелухи до сердцевины — ничто не отбрасывалось в сторону. Современный ребенок в состоятельной семье едва ли даже пробует половину тех вещей, которые ему подносятся; большая часть его мира совершенно бесцельно растрачивается на него.

Дни наши мы проводили среди слуг в юго-восточном углу наружной части дома, на втором этаже.

Одним из наших слуг был Шьям, смуглый, полный мальчик, с длинными волосами, родом из округа Кхульна. Он ставил меня в указанном им месте комнаты, мелом рисовал на полу круг и с важным видом, подняв палец, предупреждал, что со мной случится беда, если я переступлю черту. Я не отдавал себе ясного отчета, угрожала ли мне естественная или сверхъестественная опасность, но мною овладевал сильный страх. Я читал в «Рамаяне», какие несчастья постигли Ситу после того, как она переступила черту, проведенную вокруг нее Лакшманой, и не мог поэтому отнестись скептически к предупреждению Шьяма.

Как раз под окном этой комнаты находился пруд с каменной лестницей, спускавшейся к воде. На его восточном берегу, у стены сада, росло огромное баньяновое дерево; а на южном берегу высился ряд кокосовых пальм. Узник мелового круга, я проводил целый день, рассматривая сквозь жалюзи этот пейзаж, словно книжку с картинками. Ранним утром наши соседи один за другим приходили и совершали омовение в пруду. Я знал, когда каждый из них должен прийти, и знал в точности, как каждый из них будет вести себя при купании. Один затыкал уши пальцами и, спешно погрузившись несколько раз, удалялся; другой не решался погрузиться целиком и лишь многократно выжимал над своей головой воду из мокрого полотенца; третий разгонял руками грязь на поверхности воды и затем внезапно погружался. Один из купальщиков без всяких приготовлений самоотверженно бросался в воду с верхней ступеньки лестницы; другой медленно сходил по ступенькам, бормоча утреннюю молитву. Один постоянно торопился и, наскоро окунувшись, поспешно уходил домой. Другой несколько не торопился, медленно совершал омовение, растирал

тело, менял влажное белье на сухое, причем старательно собирал складки на своей одежде и, нарвав цветов, покачиваясь, медленно брел домой, распространяя в воздухе прохладную негу освеженного тела. Так продолжалось до полудня, после чего наступал перерыв, берег пустел, и все замолкало. Оставались на пруду лишь фламинго и утки, которые весь день плескались, ловя водяных улиток, или заботливо чистили перья.

Когда пруд пустел, мое внимание приковывали тени под баньяновым деревом. Его воздушные корни, спускаясь со всех сторон вокруг ствола, образовали у подножья темную сеть спутанных изгибов. Казалось, что в это зачарованное место, в этот таинственный уголок мира, законы природы, словно заблудившись, не нашли доступа, — словно чудом некое предмирное царство сна укрылось от божественного дозора и сохранилось до светлого Сегодня.

Кого там видело мое воображение и что эти существа там делали, я теперь не могу выразить на понятном языке. Об этом баньяновом дереве я писал позже:

Так ты стоишь и в погожие дни, и в туман.

Помнишь об этом ребенке, о старый баньян?

Увы! Этого баньяна нет больше; нет и пруда, в котором отражался величественный царь деревьев. Многие из тех, кто купался там, последовали за тенью этого исчезнувшего баньянового дерева. А тот мальчик вырос и считает свет и тени жизни, проникающие сквозь сплетения, которыми окружали его пущенные во все стороны корни.

Выходить из дому нам было запрещено; мало того, мы не имели даже права свободного доступа во все части дома. Наблюдать природу нам приходилось поэтому из-за ограды. Снаружи было бесконечное нечто, недоступное для меня, посылавшее мне отовсюду, сквозь отверстия окон и дверей, мгновенные касания своих красок, звуков и запахов. Оно словно подавало мне сквозь ограду знаки, что хочет со мною играть. Но оно было свободно, а я связан; встреча была невозможна, но тем сильнее было влечение. Сегодня меловой линии уже нет, и все же круг не исчез. Далекое все еще вдаль, внешнее все еще вовне. Мне вспоминаются стихи, написанные мною, когда я стал старше:

Пленница в клетке жила золотой.

Вольная птица — в глуши лесной.

Не знали друг друга, судьбой разлученные.

И вот повстречались они весной.

«Умчимся, — лесная птица вскричала, —

Будем вдвоем в небесах кружить».

«Останься, — ей пленница отвечала, —

Будем вдвоем в этой клетке жить!»

Лесная птица сказала: «Нет!

Я в клетке и дня прожить не могу».

Ответила пленница ей: «Увы!

А я в небесах кружить не могу!»

Перила верхних террас были выше моей головы. Когда я подрос, когда власть слуг ослабела, когда в доме появилась новая невестка и я получил признание в качестве сотоварища ее досугов, — тогда я стал часто выходить на террасу в полдень. К этому времени все в доме заканчивали свою трапезу. Наступал перерыв в домашних работах; внутренние комнаты погружены были в тишину полуденного отдыха; на перилах развешаны были влажные сари; вороны выбирали остатки из мусорной кучи в углу двора. В безлюдье этого досуга ручная птица, сквозь отверстия в ограде, беседовала с вольной — клюв к клюву. Я стоял и смотрел. Взгляд падает прежде всего на ряд кокосовых пальм вдоль края нашего внутреннего сада; сквозь их ветви виднеется Шингир Баган с его грудой хижин и прудом; на берегу пруда — ферма нашей молочницы Тары; далее, попеременно с вершинами деревьев, вплоть до бледной лазури восточного горизонта, тянутся различной формы и высоты террасы на калькуттских домах, отсвечивающие яркой белизной полуденного солнца. На каждой крыше, словно неподвижно поднятый указательный палец, высится «соколиный домик» — кажется, будто этот домик, подмигивая, намекает на сокрытые в нем тайны. Как нищий у ворот дворца, грезящий о фантастических богатствах, хранящихся в сундуках царских подвалов, я не могу выразить в словах все то богатство чудесной жизни и свободы, которых те неведомые жилища казались мне исполненными. Из отдаленнейших глубин неба, залитого горячим солнечным сиянием, над моею головой — вдруг еле слышный тонкий крик коршуна достигает моего уха, а из улицы, прилегающей к Шингир Багану, долетает через молчаливые дома, погруженные в полуденную дрему, песенка бродячего торговца: «Кому браслеты! Кому игрушки!» И весь я пронизан властью цепенящих чар.

Мой отец почти никогда не жил дома, а все время проводил в путешествиях. Его комнаты на третьем этаже обычно оставались закрытыми. Я приподнимал жалюзи, просовывал руку, отодвигал засов, открывал дверь и затем проводил пополуденное время, лежа неподвижно на его софе в южном углу комнаты. Эта комната бывала подолгу закрыта, и туда запрещено было входить. Во всем этом было что-то таинственное. Кроме того, передо мною было широкое пустое пространство террасы, пылающее в лучах солнца: оно погружало меня в мечтательное оцепенение. Было еще нечто, что влекло меня в эту комнату. В Калькутте тогда впервые начал действовать водопровод и в своей первозданной щедрости одинаково обслуживал северные и южные кварталы города. В тот золотой век водоснабжения вода поднималась и до купальной комнаты отца на третьем этаже. Отвернув кран душа, я досыта наслаждался неурочными омовениями, — не столько, впрочем, самими омовениями, сколько моей свободой делать то, что вздумается. Блаженное чувство свободы, перемежавшееся с опасением быть застигнутым, вызывало во мне радостное содрогание, когда я стоял под струями муниципальной воды.

Быть может, именно потому, что соприкосновение с внешним миром было для меня затруднительно, оно доставляло мне каждый раз такую радость. Благодаря изобилию, дух приучается к лени, к полной зависимости от внешнего, забывая о том, что для

ВВ *Какое глубокое и точное наблюдение! К сожалению, пророческое. Сегодня у нас на одном полюсе изобилие игрушек, на другом — безпризорщина. Какие дети несчастнее?*

обретения радости гораздо важнее внутренние условия, чем внешние. Это — главный урок детства человека. В детстве он обладает лишь немногими и обычнейшими вещами, но для счастья ему не нужно большего. Несчастен ребенок, обремененный неограниченным количеством игрушек: его игра

неизбежно потеряет для него всякий смысл.

Наш внутренний сад вряд ли заслуживал этого названия. Все его богатство состояло из апельсинового дерева, нескольких сливовых деревьев и ряда кокосовых пальм. В центре его находилась круглая вымощенная площадка, в расщелинах которой самочинно поселились и водрузили победные стяги травы различных видов. Лишь те цветы, которые отказались умереть от отсутствия ухода, скромно выполняли, по мере сил, свои обязанности, не жалуясь на садовника. В северном углу находился навес для очистки риса, где обитательницы внутренних комнат собирались, когда этого требовали хозяйственные надобности. Признав полную победу города, этот последний пережиток сельского быта, закрыв лицо свое, однажды бесшумно исчез. Я не думаю, однако, чтобы сад Адама в раю был лучше украшен, чем наш, ибо и он и его рай были наги; им не нужно было вещественных облачений. С тех пор как человек вкусил плод с дерева познания, — и пока он не научится полностью переваривать его, — его потребность во внешней обстановке и украшениях будет увеличиваться. Наш внутренний сад был моим раем, мне не надо было ничего лучшего. Я прекрасно помню, как осенними утрами, едва только проснувшись, я сразу бежал туда. Навстречу мне несся аромат травы и листьев, покрытых росой, и утро с его прохладным, свежим солнечным светом выглядывало из-за края восточной стены сада из-под трепещущих кистей кокосовых пальм.

К северу от нашего дома расположен пустырь, который мы до сих пор называем «голабари» (житница). Это название свидетельствует о том, что в некоем отдаленном прошлом там находилась житница, в которой хранился богатый урожай. В ту пору сходство между городом и деревней, как между братом и сестрой в детстве, было явно заметно. Теперь уже трудно было бы обнаружить сходство между ними.

В свободные часы я, улучшив удобный момент, отправлялся на голабари. Вряд ли правильно будет сказать, что я ходил туда для игр: самое место привлекало меня больше, чем игры. Трудно сказать, чем оно меня к себе влекло. Может быть, тем, что на нем был какой-то отпечаток таинственности. Ведь оно примыкало к нашему дому и, при своей обширности, было все же совершенно забро-

шено. На нем не жили и не работали; оно было в стороне от жилья и ни для чего не нужно; не было ничем украшено и совершенно запущенно, на нем не сеяли даже цветов. Именно потому этот пустырь не сковывал свободной игры моего воображения. Как только мне удалось ускользнуть от бдительности моей стражи и убежать туда, я чувствовал, что для меня пришел настоящий праздник.

Было еще одно место в нашем доме, но его мне до сих пор не удалось разыскать. Маленькая девочка, моя сверстница по играм, называла его «царским дворцом». Часто она мне говорила: «А я сегодня была там». Но благоприятный миг, когда она могла бы взять меня с собой туда все как-то не подворачивался. То было чудесное место, и игрушки там были столь же волшебные, сколь чудесные игры. Мне все казалось, что оно где-то очень близко, где-то в первом или во втором этаже, только никак не удавалось туда попасть. Часто спрашивал я мою поружку: «Правда, царский дворец у нас в доме? Или он снаружи?» — А она отвечала: «Нет, в самом доме». Я никак не мог понять. «Ведь я же знаю каждую комнату нашего дома, — думал я, — где же дворец?» Я не задумывался о том, кто царь; где его дворец — неизвестно и поныне. Ясно было лишь одно: этот дворец царя — в нашем доме.

Когда я оглядываюсь на мое детство, мне больше всего бросается в глаза таинственность, которой преисполнены были и мир и жизнь. Что-то небывалое, невообразимое таилось повсюду, а когда мы встречаемся с ним — неизвестно: вот что занимало каждый день наши мысли. словно природа держала что-то в зажатой руке и спрашивала, улыбаясь: «А ну ка отгадай, что у меня здесь». Что у нее было в руке мы не знали, но предполагать могли все что угодно.

Ясно вспоминаю, как однажды я посеял в углу южной веранды семя дерева ата и затем поливал его водою каждый день. Мысль о том, что из семени может вырасти дерево, наполняла меня изумлением и трепетным ожиданием. Семена ата прорастают теперь, как и прежде, но им не сопутствует уже росток изумления в душе. В этом повинны, однако, не они, а дух наблюдателя.

Мы однажды украли несколько камней с горки, устроенной моим старшим кузеном Гунендро, и в углу нашей классной комнаты соорудили такую же маленькую горку. Растениям, которые мы на ней посеяли, мы доставляли столько беспокойства избытком нашего ухода, что только их растительною покорностью может быть объяснено их молчание до самой их преждевременной смерти. Слова не могут передать бесконечной радости и изумления, которые вызывала у нас эта горка. Мы не сомневались, что наше создание не в меньшей степени восхитит и взрослых; но в день, когда мы попытались проверить свои ожидания, горка, со всей ее растительностью, исчезла. Поучение о том, что пол классной комнаты не место для горки, преподано было нам с такою резкостью и неожиданностью, что мы были болезненно потрясены. Каменная тяжесть, от которой был освобожден пол, давила на наши души, когда мы думали о пропасти, отделяющей наши желания от воли взрослых.

Как близко чувствовали мы в те дни жизнь природы вокруг нас! Земля, вода, листья и травы, небо — все говорило с нами и требовало ответного внимания. Как часто нас пронизывала мучительная мысль о том, что мы видим лишь верхний этаж земли и ничего не знаем о нижних этажах. Мы придумывали разные планы, как бы заглянуть под пыльноцветный покров. Если вставлять, думалось нам, бамбуковые трости в землю, одну за другою, — когда их будет вставлено много, — то мы, быть может, сумеем достичь этих нижних этажей. Во время праздника в месяце магх вокруг наружного двора воздвигали ряд деревянных столбов, поддерживавших светильники. Уже с первого числа этого месяца во дворе начинали рыть для них ямы. Приготовления к празднествам всегда увлекательны для детей. Но меня больше всего влекли к себе эти ямы. Хотя я год за годом наблюдал, как их роют, — видел, как яма все более углублялась, пока землекоп не скрывался в ней с головой, но ничего неожиданного, что могло бы оправдать подземное путешествие принца или рыцаря, не появлялось, — все же каждый раз чудилось, будто вот-вот откроется крышка волшебного сундука. Мне все думалось, что стоит вырыть лишь немного глубже, и тайна будет раскрыта. Но год шел за годом, а я так и не мог докопаться до клада. Словно лишь тянули за занавес, но не решались его отдернуть. Ведь старшие, думалось мне, могут сделать все, что они захотят, почему же они удовлетворяются такой малой глубиной? Если бы мы, дети, могли распоряжаться, то тайная весть земли не томилась бы в пренебрежении под своими тяжкими покровами. Точно так же подстегивала наше воображение и мысль о том, что за лазурью небесного свода скрыта тайна неба. Когда наш пандит, в пояснение к одной из глав нашего учебника естествознания, сказал нам, что голубой свод не замыкает пространства, это показалось невообразимо чудесным. «Ставьте лестницы на лестницы, — говорил он, — как бы высоко вы ни поднимались по ним, вы никогда не ударитесь головой о свод». «Почему он скупится на лестницы?» — подумал я, и учинил ему допрос с пристрастием: «А если мы поставим еще лестницы, и еще, и еще?» Когда же я, наконец, понял, что увеличение числа лестниц ни к чему не приведет, я был глубоко поражен и впал в задумчивость. Такая изумительная новость, решил я, может быть известна только тем, кто является учителями всего мира, а больше никому.

НОРМАЛЬНАЯ ШКОЛА

Во время моего обучения в Восточной семинарии я нашел способ избавиться от униженного положения ученика. Я открыл свою собственную школу в одном из углов нашей веранды. Моими учениками были деревянные столбики веранды; я разыгрывал учителя, сидя перед ними на стуле с палкой в руке. Я сразу же отыскал среди них и хороших и плохих учеников; мало того, ясно отличал послушных от непослушных и умных от глупых. Непослушных я довел своими побоями до такого состояния, что они

могли бы найти избавление только в смерти, если бы они были живы. И чем более они обезображивались от моих ударов, тем больше я на них сердился, никак не умея придумать для них достаточное наказание. Из этих моих бессловесных учеников ни один не дожил до нынешнего дня, чтобы засвидетельствовать, как свирепо я их истязал. Деревянные столбики заменены были с тех пор чугунными, и никто из молодого поколения не брал на себя бремени их воспитания; к тому же, прежние способы воздействия не могли бы уже производить никакого впечатления.

NB *Вот доказательство гипнотического воздействия взрослых на малышей, вне зависимости от того, знают те и другие об этом или нет — это происходит всегда. Как надо помнить об этом!*

Я отчетливо видел, что ученики не торопятся усваивать преподносимые им знания, но с легкостью перенимают зато манеры своих учителей. Без всяких усилий я воспринял от моих учителей всю их несправедливость, нетерпение, вспыльчивость и пристрастность. — все, кроме того, чему они учили. Хорошо еще то, что в столь раннем возрасте я не мог применить этих приобретений ни к кому, кроме моих деревянных учеников; но, несмотря на все различие между столбиками веранды и живыми мальчиками, моя психология ни в чем не отличалась от психологии наших узколобых учителей.

По-видимому, я недолго пробыл в Восточной семинарии, ибо еще в очень юном возрасте я отдан был в Нормальную школу. Мне вспоминается, что перед началом занятий мальчики, сидя в галерее, должны были хором петь какие-то стихи, — это было, как видно, попыткой внести элемент веселья в школьную жизнь. Но на беду, слова были английские, и мелодия столь же чужестранная; мы не имели даже и представления о том, какие мы распеваем заклипания или какой выполняем обряд; нечего и говорить, что ежедневное выполнение этой бессмысленной нудной церемонии не доставляло нам никакого удовольствия и не вызывало в нас веселья. Но наше школьное начальство твердо держалось некоей импортированной педагогической теории и несколько не сомневалось в том, что осчастливило детвору; ему и в голову не приходило применить действие этого метода на практике: дети просто-напросто обязаны были наслаждаться, согласно их теориям; обратный результат они сочли бы за дерзкое непослушание. Как бы то ни было, они удовлетворялись песнями в том виде, в каком нашли их со словами и мелодией в той же английской книге, из которой позаимствовали и самое свое педагогическое новшество. То превращение, которое претерпел английский язык в наших устах, не может не заинтересовать лингвиста. Я вспоминаю только одну строку:

Колоки нулоки сингиль мелалинг, мелалинг, мелалинг.

После долгих размышлений, мне удалось восстановить первоначальный смысл части этой строки. Я до сих пор теряюсь в догадках, из чего произошло слово «колоки». Остальное же, вероятно, гласило:

...full of glee, singing merrily, merrily, merrily

Там, где мои воспоминания о Нормальной школе выплывают из тумана и проясняются, они ни в малейшей степени не могут быть названы приятными. Если бы я мог сблизиться с другими мальчишками, то тяготы учения не были бы для меня столь невыносимыми. Но это оказалось невозможным — столь отвратительны были манеры и поведение большинства из них. Перемены я поэтому проводил, сидя на втором этаже у окна, выходящего на улицу. Я все считал про себя: год, два года, три года; сколько таких лет придется мне еще провести?

Из учителей я помню только одного: его способ выражения был настолько непристойен, что из презрения к нему я никогда не отвечал на его вопросы. Так я молча сидел целый год на задней скамье, и во время уроков занимался обыкновенно разрешением сложных мировых вопросов. Один из них я помню до сих пор: как победить врага без оружия? О нем я размышлял глубоко и настойчиво; мне до сих пор ясно вспоминается, как я обдумывал его, сидя в одиночестве среди шумного класса. Если бы я мог надлежащим образом приручить множество собак, тигров и других свирепых животных и выставить их в несколько рядов на поле битвы, это было бы недурной подготовкой к сражению, думалось мне; если же мы потом пустим в ход наши кулаки, то победа не так уж недостижима. Чем яснее рисовалась моему воображению эта картина, тем менее я сомневался в победе. Пока я еще не знал настоящей работы, мне не трудно было придумывать легкие способы для выполнения сложнейших задач, но с тех пор, как я принялся за работу, я вижу, что то, что трудно, — трудно поистине. Это, быть может, не очень утешительный вывод, но гораздо горестнее его — разочарования, неизбежно следующие за его непризнанием.

После того, как я провел год в этой школе, нам устроили экзамен по бенгальскому языку: экзаменатором был второй учитель Модхушудон Бачошпоти. Я выдержал экзамен лучше всех. Учитель уведомил школьную администрацию о том, что экзаменатор обнаружил пристрастие ко мне. Тогда меня проэкзаменовали вторично; сам старший инспектор школы сидел рядом с экзаменатором, но и на этот раз я, волею судеб, получил наивысшую отметку.

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Мне в то время было не более семи-восьми лет. Мой племянник Джоти Прокаш был значительно старше меня. Он тогда впервые ознакомился с английской литературой — и с большим пафосом декламировал монолог Гамлета. Почему ему вдруг пришло в голову обучать стихосложению такого ребенка, как я, сказать не могу. Однажды в полдень он вызвал меня к себе в комнату и заявил: «Ты должен писать стихи». Вслед за тем он объяснил мне принципы построения четырнадцатисложного размера, называемого пояр.

До того мне приходилось видеть стихи лишь в печатных книгах, без подчеркнутых ошибок, без следов труда, без малейших

признаков человеческих несовершенств. Я не осмеливался даже мечтать о том, чтобы самому сочинить что-либо подобное. Однажды в нашем доме был пойман вор. Увлекаемый любопытством, дрожа от страха, я отважился пойти взглянуть на него. Оказалось, что в действительности это самый обыкновенный человек. И когда наш слуга принялся его тузить, мне было его очень жаль. Нечто подобное я испытал и в отношении поэзии.

Когда я, написав несколько слов по своему произволу, заметил, что у меня получился пояр, прежнее мое благоговение перед тайнами стихосложения исчезло без следа. А на бедную поэзию и поныне сыплются удары. Много раз приходилось мне испытывать сострадание к ней, — но чешутся руки и нет сил удержаться. Воры вряд ли претерпели столь много и от столь многих.

После того, как исчезла моя робость, я не знал удержу. Я раздобыл у одного из наших служащих синюю тетрадку, собственноручно разлиновал ее карандашом — не особенно искусно, впрочем, — и принялся писать стихи огромными детскими каракулями.

Подобно молодому оленю, который стучается повсюду своими прорезывающимися рогами, я досаждал всем своей прорастающей поэзией, а еще больше это делал мой старший брат, который, гордясь моими талантами, в поисках слушателей рыскал по всему дому. Мне вспоминается, как однажды мы оба вдвоем вышли из нашей конторы в первом этаже после успешного похода на тамошних служащих и встретились с редактором «National rare», Нобогопалом Миттро, который как раз входил в наш дом. Мой брат задержал его и сразу приступил к делу: «Нобогопал-бабу, Раби написал стихотворение, не хотите ли послушать?» Декламации дожидаться не пришлось. Собрание моих сочинений тогда еще не было объемисто. Слава поэта умещалась в карманах его куртки, сопровождая его повсюду. Я был автором, наборщиком и издателем в одном лице; единственным моим помощником был брат, взявший на себя рекламное дело. Я сочинил стихотворение о лотосе и тут же прочитал его Нобогопалу-бабу у подножия лестницы, голосом, столь же высоким, как мое вдохновение. «Молодец, — сказал он с улыбкой. — Но что такое двирепх?». Где я выкопал это слово — не помню. Слова «двирепх» и «бхромор» имеют одинаковое количество слогов. Обыкновенное название пчелы — «бхромор» в не меньшей степени подошло бы к размеру. Но все мои надежды на успех стихотворения связаны были со словом «двирепх», и впечатлением, произведенным на наших служащих, я, несомненно, обязан был ему. Однако на Нобогопала-бабу оно нисколько не подействовало, даже напротив — он улыбался. Я твердо решил, что он ничего не смыслит в поэзии, и больше никогда не читал ему стихотворений. С тех пор прошло много лет, но мне кажется, что я до сих пор не научился отличать понимающего слушателя от непонимающего. Но как бы ни улыбался Нобогопал-бабу, слово «двирепх», подобно опьяневшей от меда пчеле, неподвижно застыло на своем месте.

РАЗНООБРАЗНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Нилкомол Гхшал, один из учителей Нормальной школы, давал нам частные уроки на дому. Это был худощавый, иссушенный человек, с пронзительным голосом; он походил на трость, принявшую человеческий образ. Он должен был заниматься от шести до половины десятого утра. Мы проходили у него все, начиная от легких литературных хрестоматий «Чарупатх», «Бостубичар» и «Пранибриттонто» и вплоть до поэмы Майкла Модхушудона Дотто «Смерть Мегханада».

Мой третий брат старался расширить наши знания во всех возможных областях. Поэтому нам дома приходилось изучать гораздо больше того, что требовалось школьной программой. Мы вставали перед восходом солнца, когда еще было темно, препоясывали чресла и начинали свой день несколькими схватками с одноглазым борцом. Затем мы набрасывали куртки на наши запыленные тела и приступали к чтению «Смерти Мегханада», к занятиям физиком, геометрией, арифметикой, историей и географией. Когда мы возвращались из школы, мы попадали в распоряжение учителей рисовании и гимнастики. Вечером приходил Огхор-бабу, чтобы обучать нас английскому языку. Освобождались мы лишь после девяти часов вечера.

В воскресенье утром учитель по имени Вишну давал нам уроки пения. Кроме того, по воскресеньям часто приходил Шитонатх Дотто и показывал физические опыты. Эти опыты меня очень интересовали. Я отчетливо вспоминаю то ощущение чудесного, которое охватило меня, когда он однажды нагрел в пробирке воду с опилками и мы видели, как легкая вода поднимается снизу вверх, а тяжелая вода сверху опускается вниз и как, в конце концов, вода закипает. Очень обрадован я был также, когда узнал, что вода есть отделяемая составная часть молока, которая при кипячении выделяется в виде пара, вследствие чего молоко уменьшается в объеме. То воскресенье не было для меня воскресеньем, когда не приходил Шитонатх-бабу.

Был также определенный час, когда студент кэмпбеллской медицинской школы обучал нас остеологии. Для этой цели приобретен был скелет, скрепленный проволокою, и повешен в нашей классной комнате.

Наконец, в промежутках, находилось время и для господина Херомбо Тотторотно, который заставлял нас выучивать наизусть санскритские фразы вроде «Мукунданг саччидананданг» и сутры санскритской грамматики Вопадаевы. Трудно сказать, что было более неудобоваримо: названия ли костей или грамматические сутры. Мне кажется, впрочем, что, скорее, последнее.

Когда мы значительно продвинулись в бенгальском, мы стали брать уроки английского языка. Наш учитель, Огхор-бабу, был студентом медицинского колледжа, поэтому он мог давать уроки только по вечерам. В книгах говорится, что открытие огня было

величайшим достижением человека. Оспаривать этого я не намерен, но я не могу не думать о том, как счастливы маленькие птички тем, что их родители не могут зажигать огня вечерами. Языку они обучаются по утрам, и вы заметили, должно быть, с каким наслаждением они это делают. Правда, следует вспомнить, что ведь тот язык, которому они обучаются, — не английский.

Этот студент-медик обладал настолько несокрушимым здоровьем, что даже объединенные горячие пожелания его трех учеников ни разу не были в силах помешать его приходу. Лишь однажды, во время схватки между англо-индийскими и бенгальскими студентами медицинского колледжа, враги запустили ему в голову стул, и ему пришлось несколько дней пробыть дома. То было грустное событие, но нам никак не удавалось заставить себя рассматривать его, как таковое, и нам даже показалось, что его выздоровление произошло несообразно скоро.

Настает вечер. Дождь льется струями, напоминающими копы; на улице — вода по колено. Пруд выступил из берегов, и пушистые вершины деревьев возвышаются над водой. Все наше существо в этот свежий дождливый вечер пронизано восторгом, подобно цветку кадамбы, раскрывающему свои лепестки. Наш учитель опоздал уже на несколько минут. Но еще не известно, что будет. «В ожидании любимого» мы сидим на веранде, выходящей на улицу, и с жалостным видом всматриваемся в угол переулка. Внезапно кажется, будто сердце остановилось в груди. Увы! Удар судьбы не предотвращен: показался знакомый черный зонтик. Может быть, это кто-нибудь другой? Нет, это невозможно. Где-нибудь у Бхавабхути, может быть, и найдется подобный ему, но в этот день, вечером, и в нашем переулке, появление другого, похожего на нашего учителя, совершенно невозможно.

Вспоминая об уроках Огхора-бабу, я не могу сказать, чтобы он принадлежал к разряду бессердечных учителей. Он никогда не применял силы, и даже в его выговорах никогда не было брани. Но при всех его достоинствах, его временем был вечер, его предметом — английский язык. Я не сомневаюсь в том, что даже ангела бенгальский мальчик принял бы за посланца Ямы, если бы он явился к нему вечером после тягостного школьного дня и зажег тускло мерцающую лампу, чтобы учить его английскому языку.

Мне ясно вспоминается, как однажды Огхор-бабу пытался доказать нам привлекательность английского языка, для чего он восторженно продекламировал что-то по-английски — прозу или стихи, мы не могли понять. Нам же его декламация показалась нелепо забавной, и мы так расхохотались, что ему пришлось на этом прервать урок. Он, должно быть, понял, что его задача нелегка и что не один год пройдет прежде, чем ему удастся добиться благоприятного оборота дела.

Иногда Огхору-бабу хотелось, чтобы свежий ветерок извне освежил затхлую атмосферу наших книжных занятий. Однажды он

вдруг вынул из кармана какой-то таинственный предмет, завернутый в бумагу, и сказал: «Сегодня я покажу вам чудесное создание творца!» С этими словами он развернул бумагу и, вынув модель человеческого органа речи, принялся объяснять нам чудеса его устройства. Я до сих пор вспоминаю, какое потрясение я тогда испытал. Я думал, что говорит весь человек, мне и в голову не приходило, что процесс речи можно рассматривать в таком оторванном от целого виде. Как бы ни были изумительны детали механизма, они не представляют большого интереса в сравнении с целым. Я, разумеется, не мог бы тогда объяснить это чувство столь же отчетливо, но именно оно было причиной моего уныния, и я не мог разделить восторга моего учителя. Как видно, он, на этих анатомических занятиях, позабыл о том, что действительная тайна речи — во всем человеке, а не в его гортани: вот почему в тот день его увлечение устройством гортани не нашло отклика в сердце его ученика. В другой раз он взял нас с собой в анатомический театр медицинского колледжа. На столе лежал труп старой женщины. Это не произвело на меня сильного действия, но что меня совершенно вывело из равновесия, — это был вид отрезанной ноги, валявшейся на полу. Рассматривать человека по кусочкам казалось мне столь нелепым и столь страшным, что я долго не мог забыть об этой темной бессмысленной ноге. Когда мы кое-как одолели первую и вторую части английской хрестоматии Пирри Саркара, нам вручены были «Уроки чтения» Мак Кулоха. К вечеру мы чувствовали усталость во всем теле; вся душа тянулась во внутренние покои; переплет книги был грубый и черный, язык ее труден, а содержание до крайности непривлекательно: в те дни материнская заботливость богини Сарасвати еще не проявлялась, и детские книги не снабжались иллюстрациями, как теперь. Перед каждой главой стояли на страже ряды вокабул, разделенных на слоги, а знаки ударений грозилась, словно острые штыки, запирая вход уму ребенка. Мы не раз тщетно атаковывали эти непреступные форты английского языка.

Наш учитель ежедневно пытался подстегнуть нас рассказами об успехах какого-то другого своего ученика. Этот «сравнительный метод» вызывал у нас лишь неприязнь к тому успевающему ученику. В то же время нам было, конечно, и стыдно, но это не рассеивало мрака, который царил внутри этой черной книги.

Мать-природа из сострадания к людям снабдила снотворными чарами все скучные вещи. Едва начинался урок английского языка, как наши головы клонились вниз.

Учитель заставлял нас побрызгать себе воды в лицо и побегать по веранде, но это помогало ненадолго. Если случайно в это время мой старший брат проходил по веранде мимо классной комнаты и замечал нашу мучительную борьбу со сном, он освобождал нас от продолжения урока. Не проходило мгновения, как от нашей сонливости не оставалось и следа.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ВНЕШНИМ МИРОМ

Однажды, когда в Калькутте свирепствовала эпидемия тропической лихорадки, часть нашей многолюдной семьи, и мы в том числе, спасались на прибрежной вилле Чхату-бабу, и Пенети.

То было мое первое знакомство с внешним миром. Берег Ганги принял меня на свое лоно, как друг из прежнего рождения. Перед домом для слуг росла рошица гуав. Я проводил целые дни, сидя на веранде в их тени и глядя на струящийся поток сквозь промежутки между стволами. Каждое утро, когда я просыпался, мне казалось, что день, — словно полученное мною новое письмо с золотыми краями; что за неслыханные известия ожидают меня, когда я вскрою конверт! Чтобы не потерять ни мгновения, я, наскоро покончив с туалетом, мчался к своему стулу на веранде. Каждый день приносил с собою прилив и отлив на Ганге, я наблюдал различную повадку многочисленных судов, движение теней деревьев с запада на восток, и, — над каймою тенистых деревьев на другом берегу, — неисчерпаемые потоки золотой крови из пронзенной груди заката. Некоторые дни были облачными с самого утра; деревья на том берегу черны; черные тени носились над поверхностью реки; затем вдруг набегал голосистый ливень, застилавший горизонт; темная полоса по ту сторону, словно в слезах, скрывалась из виду; река тяжело вздымалась, а влажный ветер вольно играл с листвою деревьев.

Я чувствовал, что из недр балок, стропил и стен я вновь родился во внешний мир. При этом новом знакомстве с вещами оболочка привычности и повседневности соскальзывала с мира. Сахарная патока с холодными лучи, составлявшая мой завтрак, не могла отличаться по вкусу от амриты, которою Индра наслаждается в своем раю; ибо бессмертие — не в самом нектаре, а в той радости, которую он дает; тем же, которые его ищут, его не найти.

Позади дома находился огороженный стенами пруд с каменной лестницей, около которой возвышалось громадное джамболановое дерево; вокруг росли различные плодовые деревья, в густой тени которых ютился пруд. Скромная красота этого спрятанного от глаз, тенистого внутреннего садика привлекала меня по контрасту с раздольем речного берега. То была как бы невеста, лежащая в одиночестве полуденного отдыха на покрывале, расшитом ею зелеными узорами, и тихо шепчущая о тайнах своего сердца. Сидя в безлюдный полдень на берегу пруда в тени джамболана, я часто грезил о страшном царстве Куберы, таящемся в глубине пруда.

Мне очень хотелось посмотреть как-нибудь поближе бенгальскую деревню. Гроздья ее хижин, молельни, ее улицы и купальные места, ее игры и сборища, ее луга и рынки, ее жизнь в целом, как я видел ее в своем воображении, — все это неудержимо влекло меня к себе. Как раз такая деревня лежала за нашей виллой, но ходить нам туда было запрещено. Мы уехали из дома, но все еще не были свободны. Раньше мы были в клетке, теперь — на жерди, но все еще на цепочке.

Однажды двое старших вышли рано утром побродить по деревне. Не в силах сдержать любопытство, я тайком последовал за ними, держась на некотором расстоянии. Проходя по густо затененной улице мимо пруда, покрытого зелеными водяными растениями и окруженного густыми зарослями севара, я с наслаждением впивал в себя картину за картиной. До сих пор помню одного мужчину, сидевшего на берегу пруда нагишом и занятого запоздалым туалетом: он чистил зубы обглоданным концом ветки. Внезапно мои невольные спутники взрослые заметили, что я следую на ними. «Домой, тотчас же ступай домой», — закричали они. Они нашли, что я вышел из дому в чересчур домашнем костюме. Я был без чулок и поверх своей куртки не надел полагающейся накидки — вот в чем они видели мою вину. Но ни с чулками, ни с другими, на мой взгляд, излишними предметами одежды я до того вообще никогда не имел дела. Все же мне пришлось смириться и вернуться домой; мало того, у меня не было надежды искупить свой грех и еще раз когда-либо получить разрешение выйти из дому.

Итак, назад мне не было пути, но спереди раздолье Ганги снимало с меня все пути. Я мог, не платя за проезд, усесться на любое из плывущих под парусом судов и унести в страны, донные не названные ни в какой географии.

То было лет сорок тому назад. С тех пор я ни разу не вступал более на берег этой виллы, приютившейся в тени чампаков. Те же деревья, тот же дом по-прежнему, должно быть, стоит там, но я знаю, что всего того, что создано было свежим и радостным любопытством мальчика, там уже нет. Откуда мне теперь почерпнуть былую силу воображения?

Мы вернулись в наш городской дом в Джорашанко. И дни мои, как ежедневная порция корма некоего чудовища, вновь потекли в зияющую пасть Нормальной школы.

УПРАЖНЕНИЯ В ПОЭЗИИ

Голубая тетрадь заполнилась вскоре, словно улей, кривыми линиями и тонкими и толстыми черточками букв. Под усердным и неловким нажимом карандаша юного поэта ее листы стали загibasья и, будучи к тому же разорваны по краям, напоминали согнутые пальцы чьей-то руки, словно старавшейся удержать написанное внутри, пока, в конце концов, волею милосердной богини забвенья, они не увлечены были водами не знаю какой Вайтарани. Так они избавлены были от родовых мук печатания и могут не опасаться рождения в эту юдоль печали.

Не могу сказать, чтобы я был равнодушным свидетелем распространения моей поэтической славы. Хотя господин Шаткори Дотто не был учителем в нашем классе, он ко мне очень благоволил. Он был автором книги о жизни животных, — но я надеюсь, что ни один язвительный юморист не усмотрит в теме этой книги причину его расположения ко мне. Однажды он подозревал меня и

спросил: «Ты, говорят, пишешь стихи?» Я не утаил от него правды. С тех пор он в целях поощрения время от времени давал мне закончить начатое им стихотворение. Одно из них я запомнил. Оно начиналось так:

Солнце припекало без пошады.
Хлынул дождь — и все безмерно рады.

Из продолжения я помню только две строки; пользуясь случаем, привожу их в качестве доказательства, что мои стихи того времени ни в коем случае нельзя было назвать бессмысленными:

Все пруды наполнились до края,
Рыбы плещутся в воде, играя.

Стихотворение это явно замечательно по своей логике.

Привожу еще четыре строки, написанные о самом себе. Лыщу себя надеждой, что стилисты обнаружат в них простоту языка, равно как и ясность мысли.

В молоко вливаю я сок манго,
А потом кладу кусок пизанга.

Съем я все, добавки попрошу,
Капли не оставив мурашу.

Гобиндо-бабу, старший инспектор нашей школы, был темнокожий, низкорослый и толстый человек. Он сидел в своем черном сюртуке, со своими бумагами в канцелярии на втором этаже. Мы все боялись его, ибо он был судьбою-жезлоносцем нашей школы. Однажды, спасаясь от преследования забияк, я невзначай вбежал к нему в комнату. Гнались за мною пять-шесть старших мальчиков. Единственным, что свидетельствовало в мою пользу, были слезы. Дело было выиграно, и со времени этого знакомства Гобиндо-бабу смотрел на меня с нежностью.

Однажды во время перемены я внезапно вызван был к нему. Я явился в страхе и трепете, но не успел я войти, как услышал вопрос: «Ты, говорят, пишешь стихи?» Я не колеблясь отвечал утвердительно. Он поручил мне написать стихотворение на некую высокоморальную тему — какую, я уже не помню. Сколько приветливости было в подобном поручении от этого мрачного, серьезно-го человека, может оценить только тот, кто был его учеником.

Когда я на следующий день принес ему стихи, он повел меня в старший класс, поставил перед мальчиками и сказал: «Читай!». Я громко прочел свое произведение...

ШРИКАНТХО-БАБУ

В то время у меня был слушатель, какого я никогда больше не встречу. Он обладал столь необычайной способностью приходить к восторг, что уж никак бы не мог занять пост критика в каком-нибудь ежемесячном журнале. Этот старик был похож на спелый плод манго — в его существе начисто отсутствовали кислые или грубые волокна. У него не было и следа волос на голове, доброе лицо было гладко выбрито, рот совершенно свободен от зубов, а его большие

глаза постоянно сияли радостью. Когда он говорил своим мягким глубоким голосом, его руки, рот и глаза тоже говорили. Он был старой персидской школы и не знал ни слова по-английски. Он не расставался с хуккой и ситарой, а из его уст непрерывно текли песни.

Независимо от степени знакомства с ним, никто не мог противиться действию его обаяния. Мне вспоминается, как однажды он повел нас к какому-то фотографу-англичанину, чтобы сняться вместе. Он так наивно убеждал фотографа на смешанном хинди-бенгальском наречии, словно своего старого знакомого: «Нет, я не могу платить такую цену за фотографию, я — бедный человек; нет, нет, сахиб, это совершенно невозможно», — что сахиб, смеясь, согласился понизить цену. Даже в этом гордом английском предприятии его столь несообразные просьбы не звучали неподобающе — настолько чистосердечно было его отношение ко всякому человеку; ему и в голову не приходило кому-либо не доверять, ибо в нем самом не было и следа того, что может вызывать недоверие.

Иногда он посещал вместе со мною одного европейского миссионера. Он пел, играл на ситаре, возился с маленькими дочками миссионера, изумленно восхвалял обутые маленькие ножки его жены, и так веселил всех, как этого не мог бы сделать никто иной. Всякий другой, веда он себя таким образом, показался бы бесцеремонным и навязчивым, но его прозрачная простота нравилась всем, и всех заражало его веселье.

Шрикантхо-бабу был недостижим для грубости или дерзости; оскорбления он не воспринимал как таковые, и они теряли по отношению к нему всякий смысл. Наши наняли однажды известного певца. Когда он бывал навеселе, он грубо издевался над Шрикантхо-бабу. Тот невозмутимо переносил все, даже не пытаясь защищаться. В конце концов, певец был уволен из-за своего грубого обращения с Шрикантхо-бабу. Тот был страшно расстроен и всячески заступался за своего обидчика. «Виноват не он, виновато вино», — повторял он.

Он совершенно не мог выносить страдания других, ни даже рассказа о них. Когда кто-либо из мальчиков хотел поддразнить его, достаточно было почитать ему вслух грустные места из книги Биддашагора «Сита в лесу» или из «Шакунталы». Шрикантхо-бабу протягивал руки, запрещал, просил, умолял прекратить чтение.

Этот старик был одновременно другом моего отца, моих старших братьев и нас, мальчиков: он был сверстником всякого из нас. Трудно было бы найти другого такого любителя стихов. Как любой камешек подхватывается струями водопада и быстрым вращением доводится до восторженной пляски, так и ему доста-

точно было малейшего повода, чтобы преисполниться бурного восхищения. Однажды я сочинил два гимна богам, в которых, как и полагается, не забыл упомянуть о страданиях земной жизни. Шрикантхо-бабу не сомневался в том,

NB *Умение радоваться радости другого и готовить эту будущую радость — не в этом ли секрет счастливого учителя?*

что приведет моего отца в восторг, если продекламирует ему столь совершенный образец поэтического благочестия. С превеликим энтузиазмом он вызвался лично прочесть эти стихи отцу. К счастью, меня в то время не было дома; как я узнал по возвращении, отца очень насмешило, что страдания жизни столь рано стали тревожить его младшего сына, и он даже сочиняет пояры на эту тему. Серьезность их содержания на него несколько не подействовала. Я не сомневаюсь, что, будь на его месте наш старший инспектор Гобиндо-бабу, он сумел бы оценить эти мои два гимна.

Я был любимым учеником Шрикантхо-бабу в пении. Он научил меня песне: «Не слышать мне волшебной флейты Кришны», водил меня по комнатам всех обитателей нашего дома и заставлял меня петь ее им. Я пел, а он аккомпанировал на ситаре, и каждый раз, когда повторялся рефрен «Не слышать мне волшебной флейты Кришны», он восторженно присоединялся ко мне и неумоимо все вновь и вновь повторял припев, кивая головой, и в упоении заглядывал в лицо каждого из слушателей, словно побуждая их к восхищению.

МЫ КОНЧАЕМ ИЗУЧАТЬ БЕНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

В училище мы были тогда в предпоследнем классе. Дома мы прошли по-бенгальски гораздо больше, чем наши товарищи по классу. Мы прошли «Физику» Оккхой-кумара Дотто и закончили чтение «Смерти Мегханада». Физику мы изучали по книге, в полном отрыве от практики, поэтому знания наши были весьма смутными. Время, затраченное на их приобретение, было, в сущности, потеряно. Мало того, я даже уверен, что оно было бы в меньшей степени потеряно, если бы мы просто ничего не делали. «Смерть Мегханада» тоже не доставила нам особого удовольствия. То, что является лакомым кушаньем на тарелке, вряд ли будет вами оценено по достоинству, будучи брошено вам в голову. Читать настоящую поэзию ради изучения языка все равно, что бриться мечом: унинительно для меча и небезопасно для подбородка. Поэзию следует изучать с точки зрения поэтического чувства, именно как поэзию; если же искусственно превращать ее в какое-то соединение грамматики со словарем, то это вряд ли способно убоготворить божественную Сарасвати.

В это время наше обучение в Нормальной школе внезапно прервалось. Произошло это следующим образом. Однажды учителю нашей школы захотелось почитать биографию моего деда, написанную Кишоримохоном Миттро на английском языке. Мой одноклассник и племянник Шотто Прошад набрался мужества и вызвался достать эту книгу у моего отца. Он решил, что для изложения его просьбы не подойдет обычное бенгальское словоупотребление. Поэтому он составил фразу в столь «высоком штиле», что мой отец, как видно, понял, что наши занятия бенгальским языком зашли слишком далеко и могут привести к утрате нами всякого живого чувства языка. Поэтому, когда на следующее утро мы, по обыкновению, поставили на южной веранде стол, повеси-

ли около него классную доску и дожидались нашего учителя Нилкома-бабу, мы все трое вдруг вызваны были к отцу на третий этаж. «Вам незачем больше заниматься бенгальским языком», — сказал он. Наши сердца запрыгали от радости.

В это время нас уже дождался внизу Нилкомол-бабу; на столе лежала раскрытая геометрия на бенгальском языке, и он, по-видимому, собирался приступить с нами к вторичному чтению «Смерти Мегханада». Но как на смертном одре для человека утрачивает реальность уклад повседневной жизни, так и для нас в одно мгновение все, начиная от пандита и вплоть до гвоздя, на котором висела классная доска, сделалось пустым, как мираж. Нас заботило только одно: как сообщить весть о нашем освобождении Нилкомолу-бабу с сохранением должной серьезности. Все же нам удалось это сделать с достаточной сдержанностью, меж тем как геометрические фигуры на доске смотрели на нас в немом изумлении, а прежде враждебные строки «Смерти Мегханада» так смиренно распростерлись на столе, что вся наша неприязнь к ним сразу исчезла.

На прощание пандит сказал нам: «Повинуясь долгу, я не раз бывал резок с вами — об этом забудьте! То, чему я вас научил, вы оцените в будущем!»

Он оказался прав: мы могли успешно развиваться потому, что учились в детстве именно на бенгальском языке. Обучение должно, насколько возможно, подражать процессу принятия пищи. Если с первого же куска вы начинаете чувствовать вкус пищи, деятельность желудка пробуждается раньше, чем он наполнен, и его пищеварительные соки получают полную свободу игры. Но совершенно обратное происходит, когда бенгальского мальчика обучают по-английски: первый же кусок способен переломать ему оба ряда зубов — нечто вроде небольшого землетрясения. Когда же он откроет, что во рту у него не камень, а конфета, прошла уже половина положенного ему срока жизни. Пока ученик давится правописанием и грамматикой и по щекам у него текут невольные слезы, во внутрь ему ничего не попадает. Когда же наконец после долгих трудов он может приступить к еде, аппетит уже пропал. Если с самого начала не вовлечен в работу весь дух, полнота его сил останется нераскрытой до самого конца. В то время, как всюду кругом стоял крик о необходимости английского воспитания, мой третий покойный брат был достаточно тверд, чтобы дать нам бенгальское. За это ему благодарная память навеки!

Когда мы перестали учиться в Нормальной школе, нас отдали в Бенгальскую академию. То было англо-индийское учебное заведение. Мы почувствовали, что у нас прибавилось достоинства, что мы доросли, по крайней мере, до первого этажа свободы. И в самом деле, единственным преимуществом этой Академии для нас была свобода, которой мы пользовались. Того, чему нас там обучали мы не понимали; уроков мы не готовили; но никто об этом особенно и не заботился. Мальчики там были надоедливые, но не противные; я был очень обрадован, когда это заметил. Они писали

на своей ладони английское слово «Ass» в обратном порядке букв и с дружеским «hello» хлопали нас по спине, запечатлевая на ней таким образом наименование этого презируемого людьми четвероногого; или они, идя рядом с нами, неожиданно хлопали нас по голове бананом и бесследно исчезали, быстро ударив нас сзади, с невинным лицом смотрели в другую сторону, принимая вид безупречной добродетели. Все это нам досаждало, но ненадолго, ибо ничего оскорбительного в этом не было. Мы словно выбрались из болота на твердую почву; идти, возможно, еще трудно, но грязи уже больше нет. Эта школа имела одно большое преимущество: никто в ней не поддерживал тщетной надежды на то, что обучение может к чему-нибудь привести. Школа была маленькая, доходы ничтожны, и нам нетрудно было очаровать школьные власти аккуратными месячными взносами. В результате даже латинская грамматика не была для нас камнем преткновения, и при самых серьезных ошибках наши спины оставались неповрежденными. Происходило это отнюдь не из гуманности, просто школьное начальство заблаговременно предупредило учителей.

При всей своей безобидности, это все-таки была школа. Классные комнаты были тоскливы; их стены стояли на страже, как полицейские. Здание походило более на продырявленную коробку, чем на человеческое жилье. Не было нигде ни украшений, ни картин, ни красок; не было и следа стремления привлечь сердце мальчика. Не было обращено ни малейшего внимания на то, как много это все значит для детей. Понятно, что мы чувствовали себя подавленными, когда через ворота входили в узкий школьный двор, и это отвращение к школе не раз приводило к пропускам занятий.

Скоро мы нашли себе пособника. Мои старшие братья брали уроки персидского языка. Имя их учителя я позабыл, но все называли его Мунши. Он был средних лет и весь — кожа да кости, словно его скелет обернут был темном оболочкой, без всякого заполнения кровью или мускулами. Он, вероятно, хорошо знал персидский язык и вполне сносно — английский, но он не искал славы в этих областях. Он был убежден, что с одинаковым совершенством владеет фехтованием на палках, как и искусством пения. Он стоял на солнце, посреди нашего двора, и выполнял ряд необычайных приемов, сражаясь со своею тенью. Излишне упоминать, что его тень никогда не одерживала победы, и, когда он с радостными возгласами, смеясь, оглушал ее ударами по голове, она покорно и безмолвно лежала у его ног. Его пение — чересчур в нос, и к тому же фальшивое — звучало, словно смесь стенаний и причитаний, доносившихся из мира привидений. Наш учитель пения, Вишну, иногда говорил ему: «Послушай, Мунши, этак ведь ты лишишь меня куска хлеба!» — на что тот отвечал лишь презрительной улыбкой.

Из вышеизложенного явствует, что доставить удовольствие Мунши было делом нетрудным. Поэтому не стоило большого труда уговорить его написать школьной администрации письмо с оправданием нашего отсутствия. А школьная администрация не

производила особого расследования по поводу этих писем; ей было прекрасно известно, что в наших познаниях не произойдет никакого изменения оттого, придем ли мы или нет.

Теперь у меня есть своя собственная школа, в которой ученики также обнаруживают склонность к самым разнообразным нарушениям дисциплины; такова их природа, равно как природа учителей — проявлять строгость. Когда кто-нибудь из учителей рассердится на их шалости и предлагает, ради блага школы, назначить строгое наказание, проступки моих школьных дней обступают меня со всех сторон и улыбаются мне.

В При таком мудром подходе к детям пресловутые ЗУНы оказываются большим самообманом взрослых: от учителя до министра.

Я теперь ясно понял, что, измеряя проступки детей мерилom взрослых, мы забываем о том, что ребенок подобен быстро текущему потоку: не следует приходить в отчаяние, если на его поверхности обнаруживаются какие-либо недостатки, ибо само его движение — лучшее противоядие против них. Опасность появляется лишь с застоem — вот когда необходимо пристальное внимание. Бояться ошибок должен не столько ученик, сколько учитель...

ОТЕЦ

Еще за несколько лет до моего рождения отец начал беспрепятственно путешествовать по Индии. В детстве я его, можно сказать, совсем не знал. Время от времени он неожиданно приезжал домой и привозил с собой слуг, но большей части не бенгальцев, с которыми мне всегда очень хотелось познакомиться поближе. Однажды он привез с собой молодого пенджабца, по имени Лену, встретившего у нас теплый прием, который был бы достоин самого Ранджита Сингха. Он был представителем другой нации, и какой нации — пенджабской! Не удивительно, что мы были в восторге. Мы так же преклонялись перед всеми пенджабцами, как перед образами Бхимы и Арджуны в «Махабхарате». Они были воинами, и если иногда проигрывали сражение, в этом можно было винить только их врагов, но не их. Мы были страшно горды тем, что в нашем доме живет представитель этого славного племени. У моей невестки был игрушечный военный корабль под стеклянным колпаком; когда заводили механизм, то шелковые голубые волны приходили в движение, и корабль плавно качался на них под звуки музыки. После долгих просьб мне удавалось получать у нее и показывать это чудо глубокоизумленному Лену.

Для меня, замкнутого в доме, словно в клетке, все, напоминавшее о дальних странах, таило в себе особое очарование. Это была одна из причин, почему мне так понравился Лену. По той же причине меня всегда волновал приход еврея Габриеля, с его украшенным большими пуговицами сюртуком, продававшего благовония и душистые масла; а огромные кабулийцы, с их пыльными,

мешковатыми панталонами и заплечными мешками и узлами, вызвали в детском уме очарование, смешанное со страхом.

Когда приезжал отец, мы удовлетворялись тем, что не отходили ни на шаг от его слуг, — непосредственно с ним мы не имели дела.

Однажды, когда мой отец был в Гималаях, все вдруг стали оживленно говорить о якобы угрожавшем русском нашествии — этом давнишнем пугале британского правительства. Одна благонамеренная дама, знакомая моей матери, поведала ей об этом со всею обстоятельностью богатого воображения. Ведь нельзя было предугадать, через какой из горных проходов Тибета могут внезапно, как роковая комета, появиться русские войска.

Мать моя была не на шутку встревожена. Очевидно, другие члены семьи не разделяли ее опасений, и, отчаявшись в сочувствии со стороны взрослых, она искала поддержки у меня. «Не напишешь ли ты отцу о русских?» — спросила она.

Это письмо, извещавшее о беспокойстве матери, было моим первым письмом к отцу. Я не знал, как надо начать и как кончить письмо и как вообще пишут письма. Я обратился к Моханондо, служащему нашей канцелярии. Получилась, несомненно, вполне корректная форма обращения, но чувства, выраженные в письме, не могли не отдавать запахом пыли, неотделимым от литературы канцелярского происхождения.

На письмо свое я получил ответ. Отец просил меня не бояться; если русские явятся, он сам отгонит их прочь. Это самоуверенное заявление вряд ли успокоило мою мать, но я совершенно забыл о своих опасениях. После этого у меня ежедневно являлось желание писать отцу, и я постоянно надоедал Моханондо. Не в силах противиться моей назойливости, он самолично изготовлял мне письма, которые переписывал. Но я ничего не знал о том, что за пересылку требуется платить. Я не сомневался в том, что письма, сданные на руки Моханондо, достигнут назначения и что заботиться о них более нечего. Вряд ли нужно упоминать о том, что мои письма преспокойно оставались в канцелярии.

Когда, после долгого отсутствия, приезжал мой отец, он, казалось, переполнял собой весь дом. В известные часы он имел свидания со взрослыми членами семьи; для этого случая они надевали свои чоги и приходили к нему с серьезным и сдержанным видом, выплюнув кусочки бетеля, который они жевали. Все были как бы настороже. Мать сама наблюдала за приготовлением кушаний, чтобы быть уверенной в том, что все делается исправно. Старый слуга Кину, в своей белой ливрее и хохлатом тюрбане, стоял у дверей отцовской комнаты и предупреждал нас, чтобы мы не шумели во время его полуденного отдыха. Мы должны были ступать тихо, говорить шепотом и не осмеливались хотя бы украдкой заглянуть внутрь.

Однажды отец приехал домой, чтобы посвятить нас троих в брахманство при посредстве священного шнура. С помощью пандита Бедантобагиша он восстановил для этой цели древние ведиче-

ские обряды. В течение нескольких дней Бечарам-бабу, друг отца, учил нас правильно произносить тексты «Упанишад», собранные в молитвеннике «Брахма Дхарма», изданном моим отцом. При этом мы сидели вместе с Бечарамом-бабу в молельне. Над нами совершили обряд посвящения в брахманы по всем правилам древнего ведического ритуала. Затем мы, трое молодых брахманов, с бритыми головами и золотыми кольцами в ушах, должны были провести в уединении три дня в одном из помещений третьего этажа.

Я прекрасно помню, как я пытался расширить рамки своего сознания при помощи начального обращения к «Земле, тверди и небу». Трудно объяснить в точности, что я в эти минуты думал или чувствовал, но ясно одно: отчетливое понимание смысла слов отнюдь не есть важнейшее условие постижения. Обучение должно ставить себе целью стучаться в двери духа, а не объяснять смысл. Если спросить мальчика, что проснулось в нем при подобном стуке, он вряд ли сможет ответить что-либо вразумительное. Ибо то, что происходит внутри, гораздо глубже того, что может быть выражено на словах. Те, кто считает университетские экзамены достаточной проверкой плодов образования, не принимают этого во внимание. Я могу вспомнить о многих вещах, которых я не понимал, но которые производили на меня глубокое впечатление.

Однажды, когда мы находились на крыше нашей прибрежной виллы в Муладжоре, мой старший брат, увидев, что внезапно набежали тучи, произнес вслух несколько строчек из «Облака-Вестника» Калидасы. Я не понимал, да и не нуждался и понимании санскрита: с меня довольно было его восторженной декламации и звучного размера.

Другой раз мне в руки попало обильно иллюстрированное издание «Лавки древностей». Английского языка я тогда еще почти не знал. Я «прочел» эту книгу целиком, хотя по крайней мере девять десятых ее слов были мне неизвестны. Но из тех неопределенных представлений, которые я извлекал из остальных, я соткал пеструю нить, на которую мог нанизывать иллюстрации. Любой университетский экзаменатор поставил бы мне круглый нуль за такое знание, но все же подобного рода «ознакомление» с книгой вовсе не было для меня столь бесплодным, как это могло бы показаться.

Однажды мы вместе с отцом катались по Ганге в лодке. Среди взятых им с собою книг была «Гитаговинда» Джаядевы в старом издании Форта Уильяма, напечатанном бенгальским шрифтом. Стихи в нем были напечатаны не отдельно по строкам, а сплошь — как проза. Я тогда еще совершенно не знал санскрита, но благодаря моему хорошему знанию бенгальского языка многие слова были мне понятны. Трудно сказать, сколько раз я потом перечел эту «Гитаговинду». Я прекрасно помню следующую строчку:

Ночь прошла в одиноком приюте лесном...

Она дышала для меня смутно угадываемой красотой. Мне вполне достаточно было уже одного сложного санскритского слова, означающего «одинокий лесной приют». Мне пришлось самому от-

крыть для себя сложный размер Джаядевы, что было сильно затруднено слитностью строк. Это открытие доставило мне громадное наслаждение. Конечно, я не вполне понимал содержание поэмы. Вряд ли можно даже сказать, что я постиг его хотя бы частично. Но звучание слов и биение размера наполняли мой дух образами чудесной красоты, что побудило меня переписать себе всю книгу для собственного пользования.

То же самое произошло, несколькими годами позже, с одним стихом «Рождения бога войны» Калидасы. Стих этот произвел на меня очень сильное впечатление, хотя единственные слова, смысл которых я уловил, были следующие: «Ветер, несущий брызги падающих вод священной Мандакини и сотрясающий листья деодаров». После этого отрывка мне страстно хотелось постигнуть остальное. Когда, позже, некий пандит сообщил мне, что в следующих двух строчках тот же ветер «расщепляет павлиньи перья на голове ревностного охотника за оленями», я был разочарован надуманностью и скудостью этого образа. Когда я его меньше понимал, стих мне гораздо больше нравился.

Всякий, кто вспомнит о своем раннем детстве, согласится со мною в том, что наиболее ценные духовные приобретения несколько не были тогда соразмерны полноте понимания. Наши сказители хорошо это знают. В их рассказах постоянно встречается

NB *Идеальные, возвышенные образы прямо воздействуют на душу ребенка, минуя его пока слабую логику. И это замечательно! Как учитель искусства я всегда пользуюсь этой тайной художественной педагогики. Только предчувствие таинственного, неведомого может выманить душу из ее внутренних покоев. Посмотрите на маленького ребенка — для него не существует жестких границ, для него весь окружающий мир — это огромная возможность исполнения всех его желаний и интересов. Маленький мячик в его руках может превратиться в огромную планету, по которой он может путешествовать. Играя, фантазируя, дети постигают законы бытия и поэтому так быстро растут и развиваются.*

множество звучных санскритских слов и туманных выражений, которые действуют как намеки и отнюдь не рассчитаны на полное понимание со стороны простодушных слушателей. Значение подобных намеков не следует недооценивать. Те, кто измеряет результаты воспитания мерою фактических приобретений и утрат, требуют подсчета итогов и точного выяснения того, какая часть преподаваемого урока может быть воспроизведена. Но дети и те, кто не перевоспитан, обитают в том раю, где человек может знать, даже и не понимая всецело. И только когда этот рай потерян, настает злосчастный день, когда все необходимо понимать. Путь, ведущий к знанию не через безрадостный процесс понимания, — вот царский путь. Если он закрыт, то — хотя бы мировое торжище и продолжалось по-прежнему — открытое море и вершины гор становятся недоступными... то, что происходит во внутренних тайниках сознания, не всегда известно обитателю поверхности.

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ В ПУТЕШЕСТВИЕ С ОТЦОМ

После церемонии посвящения в брахманы я не знал, как мне показаться в школу с обритой головой. Как бы юноши смешанного англо-индийского происхождения ни чтили корову, но почтение к брахманам у них явно отсутствует. Понятно поэтому, что наши бритые головы служили мишенью для всякого рода колкостей, если не для других метательных снарядов. Однажды, когда я с грустью размышлял о предстоящих неприятностях, за мною прислал отец. Хотел ли бы я поехать с ним в Гималаи? Хочу ли я? Если бы от моих радостных криков треснуло небо, это дало бы, пожалуй, точное представление о том, как я хотел. Только подумайте: Бенгальская академия — и вдруг Гималаи!

В день отъезда отец, согласно своему обыкновению, собрал всю семью в молельне. Взяв прах от ног старших членов семьи, я вошел в экипаж вместе с отцом. В первый раз в моей жизни я был в одежде, сшитой на заказ. Отец сам выбрал фасон и цвет материи. Вышитая золотом круглая бархатная шапочка довершала мой наряд. Втайне опасаясь ее несоответствия моей бритой голове, я держал шапочку в руке. Но когда мы уселись в экипаж, отец, который не терпел небрежности в одежде, настоял на том, чтобы я ее надел, и мне пришлось это сделать. В поезде, каждый раз, как он отворачивался, я ее снимал, но он тотчас же снова поворачивался ко мне, и шапочка водворялась на прежнее место...

Поезд мчался вперед; широкие поля, окаймленные зелено-голубыми деревьями, и деревни, гнездящиеся в их тени, текли мимо вереницей картин, таявших одна за другою, как поток миражей. Был уже вечер, когда мы достигли Болпура. Войдя в паланкин, я закрыл глаза. Мне хотелось, чтобы чудесная картина Болпура сразу развернулась передо мною в утреннем свете. Я опасался, что свежесть впечатлений будет нарушена смутностью образов, схваченных во мраке...

Хотя я был еще ребенком в то время, отец не стеснял моих странствий. В углублениях песчаной почвы дождевая вода вырыла глубокие борозды и намыла миниатюрные горные цепи, усеянные песком и камнями различной формы, между которыми текли тонкие струйки, — в целом пейзаж страны лиллипутов. Я набрал в полу моей куртки множество странных камешков и принес коллекцию моему отцу. Он никогда не обнаруживал пренебрежения к моим стараниям; напротив, он и сам пришел в восторг.

— Замечательно! — воскликнул он. — Где ты набрал все это?

— Там есть еще гораздо больше камешков, тысячи и тысячи! — выпалил я. — Я мог бы приносить каждый день столько.

— Это было бы неплохо, — ответил он. — Почему бы не украсить ими мой холмик?

В саду нашего дома начали рыть пруд, но оказалось, что подпочвенная вода слишком глубоко расположена; работа не была доведена до конца и брошена; от нее осталась вырытая земля, сложенная холмиком. На вершине этого холмика отец обычно садился для со-

вершения утренней молитвы; и в то время, как он сидел, солнце поднималось над краем волнистой равнины, простиравшейся перед ним до восточного горизонта. Этот-то холмик он и поручил мне выложить камешками. При отъезде из Болпура я был очень опечален тем, что не мог взять с собою собранных мною камешков. О том, что перевозка такого груза повлечет за собою затруднения и расходы, я не имел тогда представления. Мне и до сих пор трудно понять, почему я не имею безусловного права поддерживать тесную связь с вещами уже на одном том основании, что я их собрал. Если бы судьба даровала мне исполнение моего желания, о котором я так горячо молился тогда, и устроила так, чтобы я мог всегда иметь при себе эту коллекцию камней, я вряд ли посмел бы смеяться над этим сегодня.

В одном из оврагов я нашел углубление, полное ключевой воды, вытекающей из него ручейком, в котором играли крошечные рыбки, бойко пробиваясь против течения.

— Я нашел такой миленький родник, — сказал я отцу. — Нельзя ли нам брать оттуда воду для купания и для питья?

— Прекрасно, — согласился он, разделяя мое восхищение, и, ради поощрения исследователя, отдал распоряжение о том, чтобы нам носили воду из того источника.

Я неутомимо бродил среди этих миниатюрных холмов и долин в надежде наткнуться на что-нибудь дотоле невиданное. Я был Ливингстоном этой неисследованной страны, которая имела такой вид, как будто ее наблюдали через обратный конец телескопа. В ней решительно все — ее карликовые финиковые пальмы, жалкие дикие сливы, малорослые джамболаны — гармонировало с миниатюрными горными хребтами, маленьким ручейком и крошечными рыбками, которых я открыл, — не говоря уже о самом исследователе.

Желая, должно быть, научить меня аккуратности, отец стал давать мне мелкие деньги и велел вести им счет. Кроме того, он вменил мне в обязанность заводить вместо него его драгоценные золотые часы. Стремясь развить во мне чувство ответственности, он забывал о возможном ущербе. Когда мы выходили вместе на утреннюю прогулку, он поручал мне давать милостыню каждому нищему, который попадался нам навстречу. Но я никогда не умел представить ему точного отчета в конце прогулки. Однажды мой баланс оказался больше того, что следовало ожидать по расчету.

— Мне остается только назначить тебя моим кассиром, — заметил отец. — Деньги каким-то образом умножаются в твоих руках!..

Отец отчеркнул любимые стихи в своем экземпляре «Бхагавадгиты». Он попросил меня переписать их для него, совместно с бенгальским переводом. Дома на меня мало обращали внимания, но здесь, когда на меня были возложены столь важные обязанности, я чувствовал себя польщенным...

Мы покинули Болпур и, после кратких остановок в Сахибгандже, Динапуре, Аллахабаде и Канпуре, прибыли в Амритсар.

Золотой храм в Амритсаре вспоминается мне как сон. Много раз по утрам я сопровождал отца к этому расположенному по-

среди озера храму сикхов. В нем беспрерывно звучало священное пение. Мой отец, сидя среди толпы молящихся, иногда присоединял свой голос к хвалебным гимнам, а они, видя, что инорец участвует в их молебне, приходили в восторг и всячески выражали ему свое почтение; мы возвращались домой, нагруженные освященными приношениями сахарных леденцов и других сластей...

Когда наступал вечер, отец садился на веранде, выходящей в сад, и приглашал меня петь ему.

Взошла луна; ее лучи, сквозь чашу деревьев, падают на пол веранды; я пою в ладе бехага:

Если не ты, — кто спасет от беды,

В сумраке ночи отыщет следы?

Отец, склонив голову и сложив руки, внимательно слушает. Я отчетливо вспоминаю эту вечернюю сцену и посейчас.

Я рассказывал о том, как развеселила отца моя детская попытка писать стихи на религиозную тему, о которой рассказал ему Шри-конто-бабу. Я вспоминаю, что позже я все-таки взял свое, и мне хочется рассказать об этом здесь. К одному из праздников месяца магх ряд гимнов был сочинен мной. Один из них начинался так:

Не зрит наш глаз тебя: ведь ты зрачок в глазу.

В то время отец находился в Чинсуре. Он послал за мною и моим братом Джоти и попросил брата аккомпанировать мне на фисгармонии, а меня — пропеть ему все мои новые гимны, один за другим. Некоторые из них мне пришлось повторить. Когда я кончил, он сказал:

— Если бы владыка нашей страны знал бенгальский язык и мог оценивать его поэзию, он, несомненно, вознаградил бы певца. Но раз это не так, я чувствую себя обязанным сделать это. — С этими словами он протянул мне чек на пятьсот рупий.

Отец взял с собою несколько томов из серии рассказов Питера Парли, чтобы учить меня. Он выбрал для начала биографию Франклина. Он думал, что она будет читаться как роман и будет интересна и поучительна зараз. Но как только мы приступили к чтению, он заметил свою ошибку. Франклин был слишком прозаическим человеком. Узость его рассчитанной морали вызвала отвращение у моего отца. Иногда его настолько возмущали поучения «жизненной мудрости» Франклина, что он не мог удержаться от резких замечаний по его адресу.

До тех пор я почти не занимался санскритом, если не считать немногих выученных наизусть грамматических правил. Отец сразу засел со мною за вторую часть «Риджупатха», книги для чтения. Мое хорошее знание бенгальского языка сослужило мне тогда службу. Отец с самого же начала побуждал меня сочинять по-санскритски. Из слов, заученных мною во время чтения, я составлял грандиозные сложные слова, обильно снабженные звонкими носовыми, превращая язык богов в какую-то дьявольскую мешанину. Но отец никогда не упрекал меня за мою самонадеянность.

Кроме того, мы читали с ним «Популярную астрономию» Проктора, которую отец объяснял мне на легком языке и которую я затем излагал по-бенгальски...

В ГИМАЛАЯХ

Около месяца мы пробыли в Амритсаре, а к середине чойтро выехали по направлению к холмам Далхузи. Последние несколько дней в Амритсаре тянулись нескончаемо долго: так могущественно влекли меня к себе Гималаи.

Когда мы поднимались вверх в джампане, уступчатые горные склоны горели красотою песенного расцвета. Каждое утро после завтрака, состоявшего из молока и хлеба, мы двигались в путь и перед заходом солнца останавливались на ночь на ближайшей станции. Мои глаза целый день не знали отдыха, — так сильно боялся я что-либо пропустить. Каждый раз, когда дорога вступала в ущелье и громадные густолиственные лесные деревья сдвигались теснее, а из глубины их прохладной тени выбегал водопад, — точно маленькая дочь пустыни, играющая у ног седовласых мудрецов, погруженных в созерцание, — и с журчанием прыгал по черным обомшенным скалам, носильщики ставили джампан на землю и отдыхали. «Почему, о, почему мы покидаем такие места, — кричало мое жаждущее сердце, — почему мы не можем остаться здесь навсегда?»

В этом — великое преимущество первого узрения: дух тогда еще не знает, что встретит много столь же заманчивого. Когда же это становится известным расчетливому существу, оно всячески сокращает трату внимания. Лишь когда дух считает что-либо редким, он перестает скупиться на оценки. Так иногда на улицах Калькутты я воображаю, что я иностранец, и только тогда я открываю, как многое достойно быть отмеченным и теряется, пока на него не обращена вся полнота заслуженного внимания. То, что гонит людей путешествовать, это — голод по настоящему видению.

Отец передал в мое ведение свою денежную шкатулку. У него не было оснований думать, что я наиболее подходящий хранитель тех довольно значительных сумм, которые он держал в ней для нужд путешествия. Он, несомненно, чувствовал бы большую уверенность в ее судьбе, если бы она была в руках его приближенного, Кишори Чатерджи. Я могу только предположить, что он стремился развить во мне чувство ответственности. Однажды, когда мы ночевали в станционном здании, я забыл передать ее ему и оставил на столе. За это я получил выговор.

Каждый раз, когда мы прибывали на очередную станцию, мы усаживались на стульях снаружи, подле здания. Наступал мрак, звезды ярко пылали сквозь ясный горный воздух; отец показывал мне созвездия и вел разговоры на астрономические темы.

Дом, который мы заняли в Бакроте, стоял на самой высокой из окрестных вершин. Приближался бойшах, но здесь было еще

очень холодно, — настолько, что затененный склон холма был еще застлан белым покровом.

Отец спокойно позволял мне бродить, сколько вздумается.

Несколько ниже нашего дома находилась гора, густо заросшая деодарами. В их чашу я часто отваживался проникать один, со своей палкой, снабженной железным наконечником. Эти царственные лесные деревья, с их огромными тенями, высящиеся, как толпа великанов, — какие долгие жизни прожили они в веках! А этот мальчик, живущий со вчерашнего дня, бродит беспрепятственно между их стволами. Мне казалось, что, вступая в их тень, я ощущаю тяжкий холод, идущий от какого-то допотопного ящера, сетка же света и теней на усеянной листьями земле — его чешуя.

Моя спальня была в конце дома. Лежа на постели, я мог видеть сквозь незанавешенные окна удаленные горные вершины, тускло белеющие в звездном свете. Иногда — в котором часу, я не мог сообразить — я, полупроснувшись, видел отца, который, накинув красную шаль, держа в руке зажженный фонарь с восковой свечой, тихо проходил мимо к застекленной веранде, где он предавался молитвам.

Я снова засыпал, но, вторично проснувшись, находил его у своей постели; он будил меня легким толчком, когда было еще совсем темно. То был час, назначенный мне для заучивания санскритских склонений. Как мучительно было вылезать из-под ласкающего тепла одеял!

Между тем солнце всходило; отец, после молений, кончал со мною наш молочный завтрак и затем пел, стоя рядом со мною, тексты из «Упанишад».

Потом мы выходили на прогулку. Но как мне было поспеть за ним? Этого не могли бы и многие из взрослых. Через некоторое время я отставал и кратчайшим путем спускался назад по горному склону.

Когда отец возвращался, мы час занимались английским. После десяти часов следовало купание в ледяной воде; бесполезно было бы просить слуг разбавить ее хотя бы кружкой горячей воды без позволения отца. Чтобы приободрить меня, отец рассказывал мне о невыносимо холодных купаниях, которые он совершал в молодости.

Другим подвигом самоумерщвления было для меня питье молока. Отец очень любил молоко и мог пить его много. Но у меня, к прискорбию моему, отсутствовала любовь к молоку — потому ли, что я не унаследовал отцовской склонности, или же под влиянием неблагоприятной обстановки, о которой я говорил. К несчастью, мы пили молоко вместе. Мне пришлось отдать себя на милость слуг, и их человеколюбию (или молоколюбию) я обязан тем, что мой стакан с тех пор более чем наполовину бывал наполнен пеной.

После полуденной закуски опять начинались уроки. Но это было уже не под силу моему организму. Мой прерванный утренний сон требовал реванша, и на меня напала непреодолимая сонливость. Отцу становилось жалко, но как только он отпускал

меня, моей сонливости — как не бывало! А затем — прочь, к «божественным царям гор»!

С палкой в руке я после полудня часто уходил далеко в горы. Отец никогда не противился этим странствиям. До самого конца своей жизни он ничем, видно, не хотел ограничивать нашу независимость. Не раз я говорил или делал вещи, неприемлемые как для его вкуса, так и для его воззрений; он одним словом мог бы остановить меня, но он никогда этого не делал; он предпочитал дожидаться, чтобы мы одумались сами. Его не удовлетворяло пассивное соблюдение нами пристойного и должного; он желал, чтобы мы полюбили истину всем сердцем; он знал, что простое повиновение без любви — бесплодно. Он знал также, что истина, даже будучи утрачена, может быть найдена вновь, но что насильственное или слепое принятие ее извне закрывает к ней путь.

С ранней молодости я мечтал о том, чтобы проехаться по главной дороге, вплоть до самого Пешавара, в повозке, запряженной быками. Никто не поддерживал этого плана, и, несомненно, можно было бы многое возразить против него с практической стороны. Но когда я обсуждал его с отцом, он нашел, что это блестящая идея: путешествие по железной дороге вообще не заслуживает названия путешествия. После этого замечания он принялся рассказывать мне о своих отважных странствиях пешком, верхом и т.д. О неудобствах или опасностях моего плана он не обмолвился ни словом...

Как он позволял мне блуждать по горам, сколько и куда мне вздумается, так и в поисках истины он предоставлял мне находить собственный путь. Его не утрашали возможные мои ошибки, его не тревожили угрожающие мне беды. Он водружал перед нами образец жизни, а не жезл власти.

Я часто говорил с отцом о том, что делается дома. Когда я получал письмо от кого-либо из домашних, я спешил показать его отцу. Я убежден, что он от меня узнавал таким образом о многих подробностях, о которых ему помимо меня не от кого было узнать.

Он же давал мне читать письма, получаемые им от моих старших братьев. Таким путем он учил меня, как следует писать ему, — ибо он отнюдь не пренебрегал внешними формами вежливости.

И вспоминаю, как в одном из писем, полученных от моего второго брата, тот жаловался, в чрезмерно санскритизированном стиле, на то, что смертельно устает от работы, прикованный как бы цепями к своему делу, диктуемому долгом. Отец попросил меня разъяснить ему содержание одного места письма. Я объяснил его по-своему, но отец не согласился и истолковал его иначе. Самомнение побудило меня принять вызов, и я пустился с ним в длинные споры. Другой на его месте остановил бы меня сердитым замечанием, но отец терпеливо выслушал и взял на себя труд оправдать передо мною свой взгляд.

После того, как я таким образом провел с отцом несколько месяцев, он отослал меня в Калькутту в сопровождении своего приближенного Кишори Чатерджи.

МОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда я расстался с отцом, цепи сурового режима, сковывавшие меня до того, наконец отпали. Вернувшись, я сделался полноправным членом семьи. Самая моя близость ранее делала меня незаметным; пробыв некоторое время в отсутствии, я вновь приобрел интерес для наших домашних.

Некоторое предвкушение этого я испытал еще на обратном пути. Я путешествовал один, со слугою, был полон цветущего здоровья и бодрости, на голове сверкала шапочка, вышитая золотом; не удивительно, что англичанки, с которыми я сталкивался в пути, не оставляли меня в покое.

Мое возвращение было не только возвращением домой после путешествия, но также возвращением из общества слуг — во внутренние покои, двери которых раскрылись передо мной. Когда домочадцы собирались в комнате моей матери, я занимал почетное место, и та, которая была тогда самой молодой невесткой в доме, щедро одаряла меня вниманием и любовью.

В детстве любящая забота женщины принадлежит нам без нашей просьбы; она такая же необходимость, как свет и воздух, и мы ее принимаем без сознательной благодарности, как нечто естественное и должное: подрастающее дитя склонно даже обнаруживать нетерпение освободиться от окружающей его сети женской заботы. Но несчастный, лишенный ее в том возрасте, когда она необходима, есть истинно нищий. Таков именно был мой удел. И вот теперь, после того, как я вырос в обществе слуг, внезапно получил в дар всю щедрость женской любви, я не мог остаться к ней бесчувственным. В те дни, когда внутренние покои были для меня недоступны, они были для моего воображения раем; женская половина дома, которая обычно считается местом заключения, мне казалась обиталищем свободы. Там не было ни школы, ни учителя; никто там не обязан делать то, чего не хочет; уединенность и праздность, царившие на женской половине, казались мне таинственными; там играли, делали, что хотели, и не должны были никому давать отчета в своих действиях. В особенности так обстояло с сестрой, которой, хотя она вместе с нами училась у пандита Нилкомола, было совершенно безразлично, знала ли она уроки хорошо или плохо. Между тем как мы в десять часов должны были, проглотив наскоро завтрак, собираться в класс, она беззаботно уходила на женскую половину, потряхивала косичками и вселяла в нас мучительное смятение. Когда же в дом вошла новая невестка в золотом ожерелье, тайна внутренних покоев сгустилась. Она пришла извне и стала одной из нас; незнакомка — и стала своей: я горел желанием подружиться с нею. Но когда я пытался, улучив момент, проникнуть в глубь дома, сестра выталкивала меня: «Вам, мальчикам, нечего здесь делать, ступай прочь!» Я преисполнился чувством безнадежности и обиды. Сквозь стеклянные двери их комнат можно было уловить очертания странных предме-

тов из фарфора и стекла великолепной окраски и орнаментовки. Нас не считали достойными даже прикоснуться к ним, у нас не хватило бы духу и попросить об этом. Эти редкие и прекрасные предметы служили только для того, чтобы окрасить еще большей привлекательностью чары внутренних покоев.

Так дни за днями проходили в изгнании. Как внешняя природа — так недоступимы для меня были и внутренние покои; поэтому мои редкие впечатления были ярки, как картины. В десятом часу вечера, когда уроки с Огхором-бабу кончены, я возвращаюсь к себе спать. Тускло мерцающий фонарь висит в длинном, крытом на венецианский лад коридоре, ведущем во внутренние покои. Миновав его, я спускаюсь на четыре-пять ступенек, которых не достигает свет, и направляюсь на веранду, окружающую первый внутренний дворик. Луч лунного света падает с восточной части неба на западный угол этой веранды, оставляя большую часть ее во мраке. В этой полоске света собрались служанки; они сидят, тесно прижавшись друг к другу, на полу, вытянув ноги; скручивая фитили для светильников, они вполголоса болтают о своих семьях в деревне на родине. Много таких картин неизгладимо отпечаталось в моей памяти.

После ужина — мытье ног на веранде, перед тем как растянуться на широком просторе нашей кровати, где мы, мальчики, спали втроем. Одна из нянек, Шонкори, Пери или Тинкори, садится тогда в головах и тихо рассказывает сказку о принце, который ехал пустынной дорогой. Сказка кончается, и в комнате воцаряется тишина. Лицом к стене, я смотрю на еле видные в тусклом свете белые и черные полосы, образованные отпавшей штукатуркой.

Я вызываю из них множество причудливых образов и понемногу засыпаю. Иногда среди ночи я слышу крики старого Шорупа — сторожа, обходящего дозором веранду за верандой.

И вот из этого неведомого, фантастического мира внутренних покоев изошло то признание, по которому я так долго томился; внезапно было мне выплачено полностью с накопившимися недоимками то, что должно было выплачиваться постепенно день за днем. Должен признаться, что голова моя закружилась.

Маленькому путешественнику приходилось обходить комнату за комнатой с рассказами о своем странствии, но с каждым повторением рассказ становился все менее связан, пока он вовсе не перестал удовлетворительно связывать события. Увы! Как и все прочее, отвечает и рассказ, а заодно и слава рассказчика; ему приходится всякий раз освежать краски.

После возвращения домой я был главным рассказчиком на собраниях, происходивших у моей матери по вечерам на верхней террасе, под открытым небом. Трудно устоять против соблазна прославиться в глазах матери, тем более что этой славы достигнуть нетрудно.

В Как актуально это звучит! Основное противоречие современной системы образования — это противоречие между быстрым темпом приращения знаний в современном мире и ограниченными возможностями их усвоения человеком.

Это противоречие заставляет педагогическую теорию отказаться от абсолютного образовательного идеала (всесторонне развитой личности) и перейти к новому идеалу — максимальному развитию способностей человека к саморегуляции и самообразованию.

Познать сущность, самую суть из множества дисциплин и обилия информации в каждой дисциплине — вот цель обучения, если заглядывать в завтрашний день.

детская литература недоступна им. К тому же эта литература описывает чужую, незнакомую жизнь, она настолько своеобразна, что иной раз ставит в тупик даже взрослых бенгальцев, имеющих степень магистра или бакалавра искусств.

По воле злой судьбы у бенгальского ребенка нет никаких книжек, кроме грамматики, словаря и географии. Несчастнее его, верно, нет никого на свете. Сердце сжимается, когда увидишь, как он сидит на школьной скамье, болтая своими худенькими ножками. В то время как детей других стран угощают конфетами, бенгальского ребенка угощают ударами палки. Приправой к этому угощению служат «ругательства» учителя.

Такая грубая пища может испортить самый хороший желудок. Бенгальские дети лишены подвижных игр, питаются они впроголодь; не удивительно, что они отстают в своем умственном и физическом развитии. Хотя многие из нас получают степени бакалавра и магистра искусств и даже пишут собственные сочинения, мы до сих пор так и не достигли зрелости. Мы не можем создать ничего законченного, ничего прочного. Мы говорим, думаем, поступаем не как взрослые, а как дети; нищету своей души мы пытаемся прикрыть преувеличениями, чванством и самым беззастенчивым бахвальством.

здоровье. То же самое верно и в отношении образования. Если учить детей лишь самому необходимому, их способности никогда не получат полного развития. Ребенок должен читать не только учебники, но и другие книги, по своему выбору. Если он будет лишен этой возможности, его умственное развитие застынет на месте, он так никогда и не сделается взрослым.

На нашу беду, у нас совсем нет времени для настоящей учебы. Ведь мы должны как можно скорей выучить иностранный язык, получить диплом и устроиться на службу. Поэтому дети торопливо зазубривают учебники. Вперед, вперед! Нечего глазеть по сторонам. Тут уже не до художественных произведений! Да и где они, эти произведения? На бенгальском языке нет почти ничего, кроме переводов «Рамаяны» и «Махабхараты». Дети не настолько хорошо владеют родным языком, чтобы они могли сами, без чужой помощи, почувствовать красоту бенгальской поэзии. Плохо знают они и английский язык, поэтому английская

В Как актуально это звучит! Основное противоречие современной системы образования — это противоречие между быстрым темпом приращения знаний в современном мире и ограниченными возможностями их усвоения человеком.

Это противоречие заставляет педагогическую теорию отказаться от абсолютного образовательного идеала (всесторонне развитой личности) и перейти к новому идеалу — максимальному развитию способностей человека к саморегуляции и самообразованию.

Познать сущность, самую суть из множества дисциплин и обилия информации в каждой дисциплине — вот цель обучения, если заглядывать в завтрашний день.

детская литература недоступна им. К тому же эта литература описывает чужую, незнакомую жизнь, она настолько своеобразна, что иной раз ставит в тупик даже взрослых бенгальцев, имеющих степень магистра или бакалавра искусств.

По воле злой судьбы у бенгальского ребенка нет никаких книжек, кроме грамматики, словаря и географии. Несчастнее его, верно, нет никого на свете. Сердце сжимается, когда увидишь, как он сидит на школьной скамье, болтая своими худенькими ножками. В то время как детей других стран угощают конфетами, бенгальского ребенка угощают ударами палки. Приправой к этому угощению служат «ругательства» учителя.

Такая грубая пища может испортить самый хороший желудок. Бенгальские дети лишены подвижных игр, питаются они впроголодь; не удивительно, что они отстают в своем умственном и физическом развитии. Хотя многие из нас получают степени бакалавра и магистра искусств и даже пишут собственные сочинения, мы до сих пор так и не достигли зрелости. Мы не можем создать ничего законченного, ничего прочного. Мы говорим, думаем, поступаем не как взрослые, а как дети; нищету своей души мы пытаемся прикрыть преувеличениями, чванством и самым беззастенчивым бахвальством.

здоровье. То же самое верно и в отношении образования. Если учить детей лишь самому необходимому, их способности никогда не получат полного развития. Ребенок должен читать не только учебники, но и другие книги, по своему выбору. Если он будет лишен этой возможности, его умственное развитие застынет на месте, он так никогда и не сделается взрослым.

На нашу беду, у нас совсем нет времени для настоящей учебы. Ведь мы должны как можно скорей выучить иностранный язык, получить диплом и устроиться на службу. Поэтому дети торопливо зазубривают учебники. Вперед, вперед! Нечего глазеть по сторонам. Тут уже не до художественных произведений! Да и где они, эти произведения? На бенгальском языке нет почти ничего, кроме переводов «Рамаяны» и «Махабхараты». Дети не настолько хорошо владеют родным языком, чтобы они могли сами, без чужой помощи, почувствовать красоту бенгальской поэзии. Плохо знают они и английский язык, поэтому английская

Причина заключается в том, что с самого детства мы не получаем никакой радости от образования. Мы только выучиваем самое необходимое. В результате работа у нас кое-как идет, но развитие топчется на месте. Для утоления голода необходима еда, а не воздух, хотя без него желудок тоже не работает. Нельзя освоить учебники, если читать только их, и больше ничего. Здесь требуется художественная литература: она прививает любовь к чтению; под ее воздействием ребенок развивается легко и естественно, учится наблюдательности, тренирует сообразительность и память.

Как же избежать этого безрадостного, уродующего души детей образования? Ответить на этот вопрос не так-то легко.

Первая трудность, с которой мы сталкиваемся, — английский язык. Язык этот совершенно чужой для нас, его синтаксический строй резко отличается от бенгальского. Вторая, быть может, еще большая трудность состоит в том, что мы не знаем ни жизни, ни образа мышления англичан. Мы вынуждены зубрить без понимания, проглатывая неразжеванную пищу. Представьте себе, что в английском школьном учебнике рассказывается о сенокосе или о том, как Чарли поссорился с Кэтти, играя в снежки. И тот и другой рассказы вполне могут заинтересовать английских детей, потому что близки и понятны им. Но они ничего не говорят нашим детям, в их воображении они не вызывают никаких ярких картин. Читая их, наши дети как бы ошупью бродят в потемках.

Положение усугубляется тем, что учителя начальных классов плохо подготовлены для своей работы. Некоторые из них даже не имеют аттестата зрелости. Они сами не знают как следует ни английского языка, ни английской жизни и литературы. А ведь они должны заложить основы знаний английского языка. Ко всему еще они не знают и своего родного языка. Их спасает только то, что дети не могут уличить их в невежестве. Преподавать они не умеют, умеют только обманывать: в этом умении они достигли большого искусства.

Но можно ли во всем обвинять бедняг-учителей? Отсутствие точных эквивалентов при переводе с английского языка на бенгальский неизбежно приводит к искажению смысла. Как, например, перевести предложение «Horse is a noble animal?» Сказать ли: «Лошадь — сильное животное», «Лошадь — полезное животное» или «Лошадь — очень хорошее животное»? Здесь по-бенгальски нет и не может быть адекватного перевода. И сколько таких смысловых неточностей при изучении элементарных основ английского языка! Нет ни числа! Нетрудно понять, почему дети не проявляют интереса к английскому языку. Никто даже и не пытался привить им этот интерес, потому что это бесполезно. Ученики и учитель заявляют в один голос: «На что нам любовь к языку? Лишь бы кое-как понимать смысл: этого достаточно, чтобы сдать экзамены и поступить на службу». Как тут не вспомнить известное изречение Шанкарачарьи о «бессмысленном смысле», от которого нет ни радости, ни пользы?

Но этим не исчерпываются бедствия наших детей. Знай они свой родной язык, они хотя бы могли читать «Рамаяну» и «Махабхарату». А если бы они не ходили в школу, то проводили бы время в веселых забавах: играли бы в разные игры, лазали по деревьям, плавали в пруду и реке, собирали букеты цветов, словом, близко общались бы с природой и набирались сил. Мы учим английский язык, но не приобретаем знаний. У нас не было досуга ни для развлечений, ни для того, чтобы наслаждаться красотой реальной природы или литературы, являющейся плодом воображения. Человек — детище двух миров: внутреннего и внешнего; в них он черпает все свои жизненные силы. Эти миры сочетают в себе красоту формы, цвета и запаха, ритма и музыки, радости и любви. Но наши несчастные дети изгнаны оттуда; они томятся, заключенные в темницу английского языка. Они не знают сладости родительской любви, их не обнимают нежные руки матерей. Хотя дети и малы ростом, для их игр не хватает большого дома. Их заставляют проводить детство в узком мирке грамматик и словарей, где нет жизни, веселья, движения. Поэтому дети вырастают бледными, хилыми, малокровными. Разве так надо развивать ум, воспитывать сердце и волю? Человек, который получил такое образование, не сможет твердо стоять на своих ногах, не сможет сам преодолеть препятствия, он будет только способен к зубрежке, слепому подражанию и раболепию.

Человеческая жизнь — в постоянном движении! Детство переходит в юность, юность сменяется возмужалостью. Едва наша молодежь начинает делать первые самостоятельные шаги, как сразу выясняется, что у нее нет некоторых навыков, совершенно необходимых в жизни. Навыки эти вырастают постепенно, как руки и ноги, их нельзя купить в магазине, как готовое платье.

Чтобы жить, человек должен обладать мышлением и воображением. Он не может обойтись без этих двух способностей, которые, собственно говоря, и делают его человеком. Давно известно, что мышление и воображение надо развивать с самого детства, ибо когда мы станем взрослыми, будет уже слишком поздно.

Между тем наша система образования закрывает путь к развитию этих способностей. Многие годы уходят у нас на изучение английского языка, который, как я уже говорил, глубоко чужд нам по своей структуре и который мы изучаем с помощью людей, как правило, непригодных для этой цели. Зубрить язык еще не значит усваивать образ мыслей. Пока мы усваиваем чужой образ мыслей, наше мышление бездействует и, стало быть, не развивается. Пока мы получаем среднее образование и проходим промежуточный курс, еще можно с грехом пополам пользоваться разговорным английским языком. Но для того чтобы получить степень бакалавра искусств, надо изучать труднейшие книги, требующие глубокого осмысления. Для этого у нас нет ни сил, ни времени. Поэтому мы глотаем эти книги большими порциями, спеша и давясь; нетрудно угадать, что в голове у нас образуется каша.

Читать, не вникая в содержание, все равно что копить строительные материалы, но ничего не строить. Мы сваливаем в одну огромную кучу все, что получаем: кирпичи, цемент, балки, песок, известь. И вдруг приходит строгий приказ немедленно закончить строительство дома. Мы тотчас влезаем на гору сваленных материалов и утрамбовываем их, создавая подобие плоской крыши. Но у кого повернется язык назвать домом это хаотическое нагромождение? Может ли оно, лишненное воздуха и света, служить жилищем? Может ли защитить от палящего зноя и дождя? Где у него строгая красота и гармония?

Бесспорно, мы накопили уже много необходимого для возведения величественного дворца духовной жизни. Никогда еще, за всю нашу историю, у нас не было столько материалов для этой цели. Но собирать материалы — еще не значит уметь строить. Работа идет только тогда, когда материалы употребляются в дело, а не лежат на строительной площадке.

Прежде чем строить дворец, надо знать свойства материалов, знать, как их применяют. Вот тут и должно пригодиться образование. Пока же в нашей стране происходит нечто странное, уму непостижимое: человек у нас сам по себе, знания сами по себе; кладовые ломятся от избытка продуктов, а желудки пусты, их разъедает выделяемый сок.

Если мы хотим, чтобы наши дети стали взрослыми, нужно следить за их ростом, не то они навсегда так и останутся детьми. Наряду с развитием памяти следует развивать мышление и воображение. Мало пахать и бороновать целину. Для того чтобы получить богатый урожай, надо, чтобы в почве было достаточно жизненных соков. Точно так же мало только наказывать учеников и натаскивать их к экзаменам. Рисовые поля нуждаются во влаге. Если долго не было дождей, потом уже ничто не спасет урожая. И, повзрослев, человек нуждается в живости ума и пылкости воображения. Однако юность зачахнет, если ее не оросит благодатный дождь литературы. Вот из мрака земли выбиваются первые нежные побеги человеческой души. С любопытством, удивлением и восторгом взирают они на новый для них мир. Если их озарит свет любви и радости, они будут быстро расти и набираться сил. Но если их засыплет сухая пыль и горячий песок, они неминуемо завянут и погибнут. Их не сможет оживить даже сияние правды, богатство идей и величие мысли, присущие европейской литературе. Для чего же лишать детей жизненной силы, скрытой в литературе?

В нашем образовании обычно упускается самый благоприятный момент. Все свое детство и юность, до самой зрелости, мы неторопливо тащимся по дороге, сгибаясь под бременем немногих выученных английских слов. Когда же наконец мы достигаем царства английских идей, они оказываются чуждыми нам. Мы едва понимаем их и не можем проникнуть в их суть. Хотя мы и щеголяем знакомством с ними, мы убеждаемся, что они неприменимы в наших практических делах.

В течение двадцати—двадцати двух лет мы приобретаем знания, не связанные органически с жизнью. Это накладывает странный отпечаток на наши умы. Знания отсюда постепенно выветриваются, остаются лишь немногие, да и те бесполезны. Это не мешает нам разгуливать с гордостью дикарей, которые испортили красоту и блеск своей кожи красками и татуировкой. Вожди дикарей не сознают, как смешно они выглядят в европейской одежде, увешанные дешевыми стеклянными побрякушками. Так и мы, усвоив несколько ходячих английских выражений, преисполняемся гордости и начинаем употреблять их к месту и не к месту, сами не сознавая, какой у нас при этом жалкий вид. Всякого, кто посмеет улыбнуться, мы осаживаем, приводя тьму примеров из европейской истории.

Если б мы смолоду усваивали идеи вместе с изучением языка и следовали им на практике, мы могли бы выработать в себе глубоко верные воззрения и стать настоящими людьми, могли бы внести подлинную гармонию в свою жизнь. Но, как я уже говорил, наше обучение совершенно оторвано от жизни. В наших книгах не найти картинки, которая изображала бы Дом нашего Будущего, нет в них и высоких общественных идеалов. Они молчат о самом дорогом для нас: о наших отцах и матерях, братьях и сестрах, друзьях и подругах. В них не показан наш повседневный труд, не звенят песни нашего ясного неба и широкой земли, сияющего утра и прекрасного вечера, песни плодородных полей и рек, которыми судьба щедро одарила наш народ. Вот почему между нашим образованием и жизнью был и остается разрыв, мешающий преодолению наших слабостей и недостатков. Наши корни ушли далеко в сторону от места, орошаемого живительными потоками Знания; скудные брызги, все же долетающие до нас, недостаточны для того, чтобы напоить наши корни. Наши знания позволяют нам только быть чиновниками или торговцами; мы складываем их в тот же сундук, где пылится наша одежда, ибо они ни на что не пригодны. Винить в этом должно нашу систему образования, а не учеников и студентов, которые разрываются между тем, чему их учат, и правдой жизни. Единственное связующее звено здесь — грамматика и словарь. Не удивительно поэтому, что среди нас встречаются люди, которые проштудировали европейскую философию, науку и логику, но упорно цепляются за кастовые ограничения и вековые предрассудки. На словах проповедуя благородные идеалы свободы, они живут в рабском подчинении; мало того, они хотят, чтобы и другие жили как они. Они хорошо изучили лучшие творения классики, но даже не думают следовать ее высоким идеям, а заняты низменным стяжательством. И это естественно, ибо между знаниями и их применением — непреодолимая преграда.

Разрыв не сокращается, а, пожалуй, даже увеличивается. У нас постепенно зарождается недоверие и даже презрение к знаниям, противоречащим всему, что мы видим вокруг себя. Всюду

нам мерещится ложь, и мы начинаем думать, что европейская цивилизация целиком основана на лжи, в то время как индийская цивилизация зиждется на правде, и что, таким образом, английское образование указывает путь лишь в царство обмана, ложно именуемое цивилизацией. Мы не задумываемся над тем, почему наше образование не приносит никакой пользы, и думаем, что оно само виновато в своем бесплодии. Чем меньше мы верим в наше образование, тем меньше становится его влияние на нас. Не в силах захватить наши души, оно все более отделяется от реальности. Уродливое образование приводит к уродливости жизни. Как два шута, осыпают они друг друга язвительными насмешками.

Треть нашей жизни уходит на получение образования, которое оторвано от действительности, и у нас не остается времени для самообразования. Как же мы можем добиться каких-то успехов?

Сблизить образование с реальной жизнью — вот наша насущнейшая задача. Осуществить ее можно только с помощью бенгальского языка и литературы. Журнал «Бонгодоршон», который издавал Бонким-бабу, появился на нашем небосклоне, как заря. Все наше образованное общество было чрезвычайно обрадовано его появлением. А знаете почему? Не потому, что «Бонгодоршон» сделал новые открытия, еще неизвестные европейской науке — философии, истории; с помощью «Бонгодоршона» могучий гений сломал перегородку между нашим образованием и душой, идеалы и жизнь воссоединились после долгой разлуки. Блудный сын наконец возвратился домой; и в его честь засияли праздничные огни. В те дни, когда Кришна владычествовал в Матхуре, посланцы его возлюбленной Радхи долго умоляли привратника, чтобы он пропустил их. «Бонгодоршон» выслал своих послов и возвратил Кришну в наш Вриндаван. Наши дома, наше общество, наши сердца — все озарилось ярчайшим сиянием. В каждой женщине мы увидели Шурджомукхи и Комолмони. Чондрошекхор и Протап стали идеалом бенгальского мужчины. Наша скромная повседневность заблистала в лучах Величия.

«Бонгодоршон» дал мощный толчок развитию нашей духовной жизни — благодаря ему наши образованные люди стали смелее выражать свои мысли на родном языке. Они поняли, что английский язык пригоден только для деловых целей, но не для литературы. Несмотря на все усердие, с которым мы изучаем английский язык, то немногое, что есть подлинно долговечного в нашей литературе, написано на бенгальском языке. Это очевидная истина. Бенгалцы никогда не будут знать английский язык настолько хорошо, чтобы свободно выражать свои мысли в литературе. И даже если они в совершенстве овладеют английским языком, они не смогут живо передать на нем мысли и чувства, характерные для бенгалцев. Неповторимая красота, воспоминания, которые мы стремимся запечатлеть в литературе, наши духовные черты, складывавшиеся на протяжении долгих веков, — все это не может найти живого выражения на чужом языке.

Понятно, что наша интеллигенция стремится выражать свои чувства и мысли на бенгальском языке. Но, увы, где он — наш гордый язык? Откроются ли его красота и величие тому, кто чванится своим английским образованием?

О, высокоученый педант! Не тебе оценить всю чистоту и нежность этой юной девушки — нашей речи! Понимал ли ты когда-нибудь глубокий ум, тонкий юмор, затаенную печаль, нежную любовь и преданность, что светятся в ее глазах? Ты думаешь: «Я прочитал Милля и Спенсера и сдал все экзамены на ученую степень. Я молод, неглуп и независим. Несчастные отцы, у которых много дочерей на выданье, обивают мой порог, предлагая богатое приданое. Эта ничтожная бенгальская речь, которая звучит в устах невежественных мужланов, пусть скажет мне спасибо за то, что я обратил на нее внимание. По одному моему знаку она должна броситься мне на шею, осчастливленная. Ведь я знаю английский язык и все же снисхожу до того, чтобы писать на бенгальском. Может ли быть для него большая честь? Я мог бы стяжать славу, если бы писал на английском языке, но я приношу себя в жертву этой обездоленной стране. Так пусть же все препятствия исчезнут с моего пути, как оборванные нищие, поспешно расступающиеся при появлении царя. Подумайте только, как много добра я могу сделать своим соотечественникам! Я могу научить их политической экономии, могу рассказать все, что я знаю о теории эволюции, начиная с возникновения жизни и кончая появлением человеческого общества и духовного мира. Я не утаю ничего. В своих исторических и философских статьях я могу привести цитаты и примеры, заимствованные из трудных английских книг; мои соотечественники узнают, что говорил такой-то английский критик о таких-то английских книгах. Но если этот убогий и дряхлый бенгальский язык не будет слушаться каждого моего слова, пусть пеняет на себя! Я сделаюсь адвокатом или судьей и буду писать передовые статьи в английских газетах. Страшно даже подумать, какая это будет потеря для нашей страны!»

Увы, потеря эта не страшит бенгальский язык. Пока еще застенчивый и не проявляющий своей полной силы, но быстро развивающийся, этот язык не уважает «милейших молодых людей», и рассерженные молодые люди отвечают ему непризнанием: по возможности они избегают его как в своих письмах, так и в дружеских беседах. Книги на бенгальском языке они пренебрежительно третируют как «женское чтиво». Сей грех, может быть, и невелик, но за него последует тяжкое наказание.

Я уже упоминал о том, что в детстве и юности мы изучаем язык в отрыве от идей, которые он выражает. Когда же мы становимся взрослыми, то, наоборот, нашему усвоению идей мешает недостаточное знание языка. Не в силах постичь идеи, содержащиеся в английской литературе, многие наши интеллигенты проникаются отвращением ко всей западной мысли. В то же время они презирают и родной язык, с которым у них нет кровной свя-

зи. Конечно, они не признаются в том, что плохо знают родной язык; нет, они говорят: «Какие мысли можно выражать на бенгальском языке? Он слишком примитивен для таких умных людей, как мы». Виноград висит слишком высоко для них, поэтому они делают вид, будто пренебрегают им.

Нарушена всякая гармония между нашим языком, нашей мыслью и нашей жизнью. Вне общества человек не может принести пользы; он лишается внутреннего единства и силы и не получает того, что ему требуется.

Где-то я читал рассказ о нищем, который побирался всю зиму, чтобы купить себе теплую одежду. Но тут приходило лето. Пока нищий копил деньги на летнюю одежду, наступал месяц огрохайон. Наконец Бог сжалился над ним. «Скажи, чего ты хочешь, и я исполню твое желание!» — пообещал он. «О Боже! — ответил нищий. — У меня к тебе одна-единственная просьба: сделай так, чтобы я получал зимнюю одежду к зиме, а летнюю к лету. Больше мне ничего не надо».

О том же молим и мы. Зимнюю одежду мы хотим получать к зиме, а летнюю — к лету. Все необходимое у нас есть, но мы не можем получить его своевременно. Пусть же Всевышний насыщает нас, когда мы голодны, дарует одеяние, когда мы замерзаем от холода. Пусть соединит он наш язык с нашей мыслью и образование — с жизнью.

Я припоминаю следующее двустишие:

Веселым смехом рассмеется каждый,

Узнав, что мы в воде томимся жаждой.

Вода у нас есть, но мы все-таки томимся жаждой. У других это вызывает смех, а у нас самих — слезы. Но пить мы так и не научились.

ОБРАЩЕНИЕ К СТУДЕНТАМ*

Было время, лет пятьдесят тому назад, когда мы нигде не могли спастись от засилья английского языка — он преследовал нас не только в аудиториях, но и дома. По-английски мы здоровались с друзьями, по-английски писали письма родным, в английских стихах выражали сокровеннейшие мысли, и даже на собраниях обращались к своему собственному народу на чужом языке.

Куда же нам направиться сейчас, когда мы освобождаемся из плена английского языка? Не к священному ли очагу нашей Матери? Увы, вместо этого, выполнив все учебные задания, мы с победным видом спешим на крикетные площадки. Что же потом? Неужели отблеск пламени вечернего светильника, зажженного руками Матери в окне, останется незамеченным? Можно ли презирать светильник за то, что он сделан из глины? Ведь в его пламени сияет величие нашей Матери. Да и кто виноват, что светильник глиняный? Почему бы нам не поставить золотой светильник в покоях нашей Матери? Там мы отпразднуем день радостного торжества, и не все ли равно, какой светильник будет нам сиять — золотой или глиняный. Если же нам суждено горе, мы перенесем его у себя дома — не будем же мы лить слезы, стоя на главной улице.

Покинув аудитории и спортивные площадки, мы собрались сегодня по зову Бенгальской литературной академии, именно здесь горит перед нами светильник нашей Матери. Настало время на родном языке напомнить вам о родном доме. Для этого вас и собрала академия.

Не следует забывать о величии Родины, лежащей за стенами колледжей. Нужно установить естественную связь между колледжами и страной.

В других странах нет нужды об этом заботиться: учебные заведения там неотъемлемы от самой страны. Они не отделены от нее стеной, а являются закономерным результатом развития. У нас же нет такого естественного и полного единства.

Вот почему столь важно создать такую систему образования, которая была бы независима от колледжей, где хозяйничают

* Текст выступления Тагора в марте 1905 г. в Калькутте, опубликованный в журнале «Бонгодоршон» в том же месяце (II, т. II, с. 102—113).

иностранны, и которая обеспечивала бы всем учащимся возможность свободного развития. Если мы не сделаем этого, об истинном образовании и мечтать нечего, образование так и останется книжным.

Образование тогда не знает застоя, когда оно находится в руках людей творческих, ищущих и созидających. Наилучшие формы обучения — беседа и спор; они развивают остроту ума, воспитывают стремление к общепользительной деятельности и в то же время являются надежным средством в борьбе с недугом начетничества. Любыми способами надо покончить с властью книг над нашими умами. Да одержит верх разум!

Я призываю Литературную академию создать условия для развития истинного образования, лишь тогда студенты найдут применение своим способностям, почувствуют беспредельную силу разума и смогут раскрыть полностью свои дарования.

Наша академия изучает не только литературу, но и историю, язык и обычаи бенгальцев — словом, все достойное изучения.

Стремление овладеть науками во всей их полноте должно стать для нас естественным. Не удивительно, что мы не проявляли к ним достаточного интереса, — ведь наши школьные учебники написаны для английских детей; через них мы знакомимся с чужой страной, но не со своей собственной. И винить в этом некого. До сих пор мы не удосужились подготовить для самих себя

В Сразу чувствуется, что написать так мог вовсе не чиновник от образования, а поэт и художник. Вот и в нашем образовании такие же требования предъявляются к учебе лишь в программах по искусству. Есть у нас программа «Изобразительное искусство и художественный труд», разработанная под руководством Народного художника России Б.М.Неменского, которая, учитывая потребности развития общества, отдельной личности, целого коллектива учащихся, дает эффективные ориентиры на то, чтобы дать учащимся ясные представления о системе взаимодействия искусств с жизнью человека и общества, ставит задачи сформировать у них

достоверное описание своей страны. Мы живем в Индии, но почти ничего не знаем о ней! И это мешает нам по-настоящему служить своей родине, не говоря уже о том, что в обучении следует идти от близкого к далекому, от известного к неизвестному, только тогда оно будет действенным. Знания, основанные лишь на том, что безмерно далеко от нас, не будут ни глубокими, ни основательными. Только изучив все то, что непосредственно касается нашей жизни, мы сможем заняться вещами, более далекими и чуждыми нам.

Наши иноземные учителя говорят, не скрывая иронии: «Сколько времени мы преподаем в ваших школах, и хоть бы в ком-нибудь обнаружили склонность к самостоятельному мышлению. Единственное, на что вы способны, — это заучивать наизусть уроки».

Даже если это обвинение справедливо, объяснить его можно лишь одним: отсутствием связи между образованием и окружающей действительностью.

способность и готовность к личному активному участию в этом взаимодействии.

Никогда еще в практике современной школы не акцентировались так четко задачи общекультурного, духовного развития детей средствами искусства.

Введение в художественную культуру происходит постепенно и последовательно от урока к уроку, от четверти к четверти, от класса к классу — через осмысление и прочувствование связей пластических искусств с окружающей жизнью, через постоянный диалог художественных культур разных народов России, земли, разных эпох и стран. Основными и ведущими при этом становятся принципы «от родного порога в мир общечеловеческих ценностей», «от жизни — через искусство — в жизнь», «учитывающие личностный и эмоционально-ценностный опыт каждого ребенка».

ла; мы изучаем научные труды, но не можем отказаться от самых нелепых фантазий, как будто и они относятся к области науки. Ни в религиозной, ни в общественной жизни, ни даже в литературной критике мы не знаем чувства меры. Пренебрежение действительностью истощает и уродует наш разум, душу и воображение. Возьмите наш патриотизм — вы не найдете в нем и капли заботы о соотечественниках. Болезни, смерть, нищета, невежество и предрассудки окружают нас, но мы не боремся с этими бедствиями, и все еще мним себя патриотами, изображая героев, известных нам по европейской литературе и истории. Вот почему нам до сих пор незнакомо чувство истинного самопожертвования. В странах, где патриотизм обусловлен самой действительностью, а не слепым подражанием книгам, люди с готовностью отдают свою жизнь во имя родины. Мы же не хотим пожертвовать даже малой толикой денег или времени и не чувствуем ни малейшего желания близко познакомиться с народом. Все, я полагаю, слы-

стью. Факты и примеры, которые нам приводят на уроках, касаются совершенно незнакомых вещей. Мы учим книжную историю и забываем настоящую, ту, что открывается нам в жизни нашего народа, в бесчисленном множестве реликвий и примет прошлого, в наших домах и за их стенами. В конце концов мы перестаем понимать, что такое история.

Мы вызубриваем филологию и лингвистику, чтобы получить высокую оценку на экзамене, но мало интересуемся эволюцией нашего родного языка, теми изменениями, которые он претерпевает на каждом этапе своей истории. Тайны его до сих пор не раскрыты для нас. Наверное, ни в одной другой стране мира нет стольких социальных укладов и религий, как в Индии. Терпеливое и тщательное их изучение обогатит наши знания об обществе и религии во сто крат больше, чем изучение трактатов о социальных и религиозных особенностях далеких стран.

О каком самостоятельном мышлении можно говорить, если мы смутно и неясно представляем себе окружающую действительность. Странно, я бы сказал даже — нереально смотрим мы на вещи. Мы читаем книги по истории, но не способны постичь ее смысла.

шали о японском патриоте Иосида Торахио. Много лет подряд бродил он со своими скудными пожитками по всей стране и, лишь глубоко изучив свой народ, занялся преподаванием. Жизнь свою он пожертвовал Японии. Смысл такого патриотизма ясен. Он зиждется на истинном знании Родины и бескорыстном служении на благо ей и потому дает хорошие плоды, он — как дерево, крепко связанное корнями с почвой. Если верно, что без связи с реальной жизнью наши знания и мысли не приносят никакой пользы, они мертвы, то совершенно необходимо перестроить наше образование.

Мы принадлежим Бенгалии, и неудивительно поэтому, что наша академия уделяет особое внимание языку, литературе, истории и социологии этой провинции. Хотелось бы, чтобы академия привлекла к своей работе студентов. Это разовьет их разум и наблюдательность, пробудит интерес к Родине, к окружающей жизни, — словом, создаст серьезную основу для изучения самых различных предметов, не говоря уже о том, что в стремлении глубже узнать Родину проявляется истинная любовь к ней.

В Калькутту съезжаются студенты со всех концов Бенгалии. Почему бы не воспользоваться этим? Они помогут собрать интересные сведения о различных районах нашего края. Разрешите высказать несколько соображений по этому поводу.

Одна из основных задач академии — составление грамматики бенгальского языка. Задача, надо сказать, непростая. Научная грамматика бенгальского языка должна дать тщательное сравнение различных его диалектов, а собирать материалы чрезвычайно трудно. Тут-то и могут оказать помощь студенты.

Наша интеллигенция и не подозревает о том, что время от времени в Бенгалии среди простого народа складываются многолюдные религиозные общины. Неведомыми путями, в безмолвии движутся они вперед; не стоять же им на месте из-за нашего презрения. Эти общины изменяются под влиянием новых веяний. А без знания форм и смысла этих перемен невозможно глубоко узнать Родину.

Я вовсе не утверждаю, что узнать Родину — конечная цель образования. Но мы должны ясно представлять себе, какие силы оказывают воздействие на народ и каково противодействие народа этим силам. Для того чтобы проникнуть в сердце современников, мало знаний, которые мы черпаем в книгах, надо не только познавать, но и совершенствовать возможности нашего познания, а это неосуществимо при книжном обучении. Собирая, под руководством академии, материалы о различных религиозных сектах среди низших слоев населения, студенты воспитывают в себе наблюдательность и в то же время приносят пользу Родине.

Нельзя сказать, чтобы мы не читали книг по этнографии. Но стоит лишь убедиться, что эти книги не пробуждают ни малейшего интереса к живущим рядом с нами рыбакам, чистильщикам и людям из касты дом, чтобы понять, сколь сильно мы заблуждаем-

ся, преувеличивая значение этих книг и презирая тех, о ком эти книги написаны. Если же, преодолев свою инертность, мы войдем в царство подлинных знаний, в самую жизнь, нашему энтузиазму не будет границ. Пусть студенты займутся изучением людей, их окружающих. Сам этот труд будет им наградой.

Тематика, по которой можно собирать материалы, достаточно широка. Религиозные обряды и празднества в нашей стране весьма разнообразны, то же можно сказать и про обычаи. А стихи для детей, а народные песни, поэзия — что может быть достойнее исследования? Нет такой области в жизни страны, которая не представляла бы интереса для ее граждан, — об этом следует помнить Литературной академии при определении круга своих занятий. Пользуясь тем, что Литературная академия приняла мое предложение привлечь к своей работе студентов, я пригласил их на это собрание.

Призывая вас возложить на себя этот труд, я вспоминаю дни своей юности. Время моей молодости, может быть, и не столь отдаленно с точки зрения истории, но оно представляется мне совершенно иным. Не знаю, виноват ли в этом мой возраст или настолько разительны происшедшие перемены. Старики любят сравнивать прошлое с настоящим, причем не в пользу настоящего, потому что прошлое для них — пора юности и надежд, а настоящее — время подведения итогов. Старики забывают, что и нынешняя молодежь начинает жизнь с надеждой в сердце и ей пока рано надеплять очки на нос и подводить итоги. Поэтому трудно судить о том, действительно ли произошли столь серьезные изменения, как это мне кажется; решайте сами.

Я не могу настаивать на своей абсолютной правоте, но, по-моему, в наше время мы были гораздо моложе теперешних молодых людей. Можно спорить, хорошо это или плохо, однако молодость давала нам несомненные преимущества. Надежды наши были беспредельны, мы не видели для себя ничего невозможного. Наши собрания, общества, планы вызвали бы у вас лишь улыбку. Именно поэтому, видимо, в некоторых произведениях нашей литературы мы выведены в комическом свете.

Вы были бы сильно удивлены, расскажи я вам, что в те дни к молодежи причисляли себя люди различного возраста: седовласые были полны надежд и энтузиазма, как самые юные. Я никогда не забуду, как всем нам, и молодым и старым, удалось полностью изжить в себе страх, робость, пессимизм. С тех пор мы, несомненно, продвинулись во многих направлениях, но свет надежды, струившийся с небес, словно померк, и нет той жизнерадостности, какая должна быть у людей, стремящихся вперед.

Почему так случилось? Виноваты в этом, боюсь, не нынешние времена, а мы сами. Разве не ощущаем мы сейчас пустоты оттого, что где-то в пути растеряли багаж надежд, с которым отправились в дорогу? Беспредельная надежда и энтузиазм — главное богатство молодежи. Этим богатством одаряет каждого человека в начале

жизни святая Мать, благословляя в дорогу. Но подобно тому, как деньги сами по себе еще не еда, а лишь средство, чтобы купить ее, так и надежда еще не есть ее осуществление, и чтобы достичь успеха, нужно немало потрудиться. Мы, однако, в наше время довольствовались одной надеждой. Младенец в колыбели шевелит руками и ногами — эти на первый взгляд бессмысленные движения имеют смысл; со временем он научится ими управлять, если ему не помешает какая-нибудь болезнь.

Так и каждое наше раннее начинание — плод нашей жизнерадостности — вызывало много ненужного шума, однако тогда это не казалось неестественным или смешным. Шло время, а мы продолжали лежать в постели и дрыгать ногами, считая это наилучшим способом движения вперед. Не удивительно, что у нас возникли серьезные сомнения и радость наша поутихла.

В дни нашей юности обрели новый смысл слова *Мать-Индия* и *Лакшми-Индия*. Они поразили наше воображение. Но мы не задумывались над тем, каков истинный лик нашей Матери, а Лакшми так далека была от нас, что даже ее золотой совы мы ни разу не видели. Мы читали стихи Байрона и биографию Гарибальди, опьяняясь патриотическими чувствами. Как алкоголик предпочитает вино еде, так и мы предпочли патриотические чувства самой Родине. Мы считали себя патриотами несмотря на то, что забыли язык родной страны, пренебрегали ее историей и обычаями, чуждались ее печалей.

Поскольку истинной связи с Родиной у нас не существовало, мы смотрели на двор иностранного владыки как на единственное поле деятельности для нашего патриотизма. Но надеяться на успех в подобных условиях — не значит ли это обманывать Всевышнего?

Сколь бы велика ни была идея, надо сначала попытаться осуществить ее в чем-то малом. Тогда по крайней мере ложный шаг будет замечен уже в самом начале пути. Единственный способ приблизить далекое — пойти ему навстречу. Не самообман ли думать, что Мать-Индия восседает на неприступной вершине Гималаев и наигрывает томную мелодию на своей вине! Нет, она сидит на берегу затянутого тиной деревенского пруда с большим, измученным лихорадкой младенцем на коленях и в отчаянии глядит на пустой амбар, зная, что ей нечем накормить ребенка. Легко склоняться, почтительно сложив руки, перед Матерью-Индией, поливающей деревья шами в священном лесном уединении мудрецов Вьясы, Васишты и Вишвамитры. Но одними поклонами не сможешь той одетой в лохмотья, изможденной Матери-Индии, которая, сама голодная, трудится на чужой кухне, стремясь выучить сына в английской школе, чтобы потом он познал всю унижительность положения мелкого служащего.

В сущности, нам пока ничего не удалось добиться. Мы выступили в поход как гордые победители, но оказались нищими просителями у чужих дверей и кончили тем, что обзавелись семьями и, сидя на веранде, изучаем свои счета в банке. Жизнь показала,

что семья и пустой желудок намного реальнее, чем Мать-Индия и Лакшми-Индия, раскрашенные поэтами во все цвета радуги, но обитающие в стране иллюзии. Неопровержимо также, что звон монет, получаемых правительственными чиновниками, более приятен для слуха, чем печальная мелодия, которую наигрывает Мать-Индия на своей вине.

Человек, окрыленный великими идеями и благородными порывами, терпит поражение, если не знает, как воплотить их в жизнь. Когда человек готов пожертвовать всем, но не может решить, во имя чего, он, по существу, только тешится добрыми намерениями и со временем настолько ожесточается, что, едва завидев умирающих с голоду соотечественников, торопится захлопнуть дверь: как бы у него не попросили милостыню. Это неизбежно, ибо даже великая идея, оставаясь голой абстракцией, гибнет при малейшем соприкосновении с действительностью.

Итак, повторяю: идеи, почерпнутые из книг, — для нас невольительная роскошь, средство тешить собственное самолюбие; следуя им, мы погрязаем в сентиментальной косности, клонимся все ниже и ниже под бременем усталости и отчаяния. Только труд во имя достижения великой и реальной цели может излечить нас. Бессмысленно все время мечтать о великом, выпрашивать милости и предаваться пустословию; мы должны заняться пусть небольшими, но близкими нам делами. Рыдать у дворцов иноземных правителей бесполезно; надо пойти на свои собственные поля и выполоть все сорняки. Только тогда мы обретем силу, проложим дорогу к свободе, а свобода всегда несет в себе огромную радость.

Я уже не могу читать в душах молодежи и поэтому не способен постичь ваши надежды, идеалы и стремления во всей их полноте. Но память о юности все еще тлеет под сединами. Я уверен, что сокровенные струны ваших сердец не успели заржаветь от бездействия: стоит коснуться их — и они откликнутся мелодией великих порываний; они дрожат и сверкают, как паутина, сотканная в воздухе лучами восходящего солнца. Я знаю также, что не погибло в вас естественное для человека стремление целиком и без колебаний посвятить себя великому делу; ни бесконечные неудачи, ни мелкие препятствия не смогли убить его. И когда Родину подвергают насмешкам и оскорблениям, ваши сердца вспыхивают подобно разворошенному костру.

Вас не поглотили мелочные заботы и эгоистические желания, ни днем ни ночью не покидает вас мысль о том, как избавить Родину от нищеты и унижений. И еще я знаю, что когда пример великих людей мировой истории, сумевших окружить сверкающим ореолом скорбь и страдания, презревших себялюбие и победивших самую смерть, позовет вас, вы не отмахнетесь со скептической улыбкой умудренного опытом человека. Именем лучших просвещенных умов нашей Родины я призываю вас, юных и чистых, не к роскоши и наслаждениям, но и не к нищете, а к напряженному труду. Пусть вход в мастерскую мало похож на величествен-

ные врата дворца. Зато в мастерскую вы войдете сами, вам не надо, словно нищим, унижаться, выпрашивать разрешение стражи на вход, вы войдете туда, повинувшись лишь велению Всевышнего. Ни перед чем не должен человек склоняться — лишь перед собственными высокими идеалами, Родиной или перед самим Всевышним, вознаграждающим смирение.

Любой призыв всегда находил отклик в вашей душе. Вы не стояли в стороне, когда Родина отправлялась просить милостыню под звуки иноземного марша. Вы приходили к королевскому двору, который древнее санскритское изречение приравнивает к погребальным кострам, и считали, что добились успеха. Сегодня к вам обращается Литературная академия, так неужели оставите вы без внимания ее призыв лишь потому, что он звучит на вашем родном языке, потому что вас призывают потрудиться на благо Матери-Родины? Народные песни, народная поэзия, стихи для детей, развалины древних храмов, старинные рукописи, деревенские обычаи и празднества, сельские хижинки — во всем этом академия пытается снова открыть Родину. Подобные мелочи не привлекают любопытного взгляда чужеземцев, о них не трубят в заморских газетах, занятие это не сулит вам никаких материальных благ. Но если материнское благословение значит для вас больше, чем обедки с королевского стола, тогда вы займете место в рядах тех, кто посвятил себя служению Матери-Родине, не требуя ни наград, ни славы. Тогда вы поймете, что энергия всегда найдет для себя поле деятельности, а любовь, так или иначе, отыщет способ выразить самое себя. Не надо ждать от правительства реформ или проводить дни и ночи перед запертой дверью, выклянчивая, как милостыню, те или иные права.

Боюсь, что моя речь затянулась не в меру. Ведь я хотел сказать совсем немного: старайтесь развивать родной язык, учите его грамматику, составляйте словари, ищите в деревнях материалы, необходимые для глубокого знания Родины. Кто-то может высказать недоумение — зачем столь пространно и высокопарно я излагал такие простые истины. Упрек будет справедлив, но, увы, и я сам — печальный пример подобного несоответствия, неизбежного в нынешнее время в нашей стране. Если бы я сказал: «Собирайте собрания, произносите речи, организуйте обсуждения и дискуссии», — мои слова встретили бы полное понимание. Но я заметил, что до людей с трудом доходит смысл призыва: «Сначала узнайте свою страну, а затем послужите ей». Поэтому прошу простить мне необычную для подобных обстоятельств многоречивость.

Густой предутренний туман не должен вызывать у нас уныния или нетерпения, потому что яркие лучи солнца рассеют его и озарят все вокруг. Я не жду сейчас многого, но с надеждой и радостью заглядываю в просветы, виднеющиеся в тумане, — солнечные лучи, словно острые клинки, рассекают завесу перед нашими глазами. Нам нечего страшиться; скоро у самых дверей нашего дома

мы увидим путь, по которому следует идти, и тогда мы больше не будем сидеть по домам, рассуждая, какую избрать дорогу. Каждый пойдет своим путем в соответствии со своими способностями, оставив далеко позади бесконечные споры и затхлую атмосферу книг. Мы уже не будем пренебрегать предстоящей нам работой; пусть она лишена величия — она очень важна и отнюдь не заслуживает презрения.

Я твердо верю в счастливое будущее и не стану отчаиваться, если вы не сразу поймете, как важно узнать свою Родину, и откликнетесь на призыв академии несколько позднее. Я заверю Родину, что ее сыны, которых она так долго ждала, скоро возвратятся. «Мать, — скажу я Родине, — час близок. Школы закрылись, собрания окончились, уже слышна твердая поступь твоих детей — они идут к родной хижине. В знак приветствия воструби в раковину, затепли свой светильник и будь готова даровать свое благословение, орошенное святыми слезами, нам, старикам и юношам, братски обнявшимся на твоей безгранично широкой и прохладной циновке».

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ *

Люди, читающие газету, хорошо знают, что сейчас в Англии и Франции очень много говорят об образовании. Точно так же каждому известно, что и в нашей стране большое внимание уделяется с некоторых пор проблемам образования.

Выходящий на английском языке ирландский журнал «Спикер» опубликовал статью, посвященную вопросам образования. Эта статья о многом заставляет задуматься.

В тот тяжелый период истории Европы, когда нашествия варваров погасили свет, шедший из Рима, только в Ирландии продолжал гореть светоч знаний. Тогда студенты из разных стран Европы отправились учиться в Ирландию: в VII веке нашей эры, когда много иностранных студентов находилось в Ирландии, им было обеспечено бесплатное жительство, питание и образование. Было создано нечто вроде пансионной системы.

В большинстве стран Европы именно ирландские священники вновь зажгли угаснувший было огонь знаний и христианской религии. В VIII веке нашей эры французский король поручил ирландскому ученому Клеменсу создание Парижского университета. Известен ряд подобных фактов, говорящих о роли, которую сыграли ирландцы в развитии европейской культуры.

Хотя в древней Ирландии в учебных заведениях и учили латынь, греческий и древнееврейский языки, но преподавание всех остальных предметов велось на ирландском языке. Математика, астрономия и те науки, которые были распространены тогда, — все это преподавалось на ирландском языке. Надо думать, что это был достаточно богатый и гибкий язык, для того чтобы с полнотой передавать все тогдашние знания.

Когда англичане и норманны напали на Ирландию, они сожгли все эти учебные заведения, уничтожили книги, которые были собраны там, разогнали преподавателей и студентов. Однако в местах, которые не были затронуты этими нападениями и находились до XVI века под властью местных королей, продолжалось обучение на ирландском языке и сохранялись ирландские традиции. В конце концов, в период царствования королевы Елизаветы, когда началась война между Англией и Ирландией, все куль-

* Опубликовано в 1906 (I, т.8, с. 323—331).

турные богатства страны были разграблены, и с тех пор высшие учебные заведения и само дело образования пришли в упадок.

Так Ирландия лишилась своего научного образования. Ирландским языком стали пренебрегать, считая его языком, который недостойн того, чтобы на нем говорили в обществе. В конце XIX века в Ирландии все-таки была создана так называемая «национальная школа». Молодые люди, жаждавшие знаний, не обращая внимания на недостатки системы преподавания, с энтузиазмом стали приобщаться к науке.

Только один человек — Туамский архиепископ Джон Мекхель — возражал тогда против существовавшего метода образования и объяснял, к каким пагубным результатам в будущем должно привести применение этой системы.

Цель системы образования, которая известна под названием «национальная школа», сводилась к тому, чтобы отливать души ирландцев в саксонские формы и штамповать из них англичан, то есть совершать операцию, подобную той, которую делают в цехах завода. Однако природа не напрасно для каждой нации создала различные условия. Поэтому, если одну нацию поставить на место другой нации, это будет ни то ни се.

Когда метод образования, о котором мы говорим, стал проводиться в жизнь, восемьдесят процентов жителей Ирландии говорили на ирландском языке. Если бы единственной целью этого метода было стремление дать образование народу, тогда прежде всего следовало бы обучать детей их родному языку и уже затем посредством родного языка — учить иностранному. Однако родной ирландский язык не только не преподавался, но и был под запретом. Под запретом был не только ирландский язык, но и история и даже география Ирландии. Дети хорошо знали историю и географию иностранных государств, со своей же страной они были совершенно не знакомы.

Результат был таким, какого и следовало ожидать. Интеллектуальная лень распространилась по всей стране. Когда ирландские дети приходили в начальную школу, у них были и ум и запросы. Когда же они кончали ее, души у них были надломлены, а к знаниям они питали глубокое отвращение.

Причина этого в том, что метод образования, который применялся в школах, был механическим методом. Этот метод не терпел того, чтобы в какое-то дело вкладывали душу, — он просто заставлял детей зубрить и повторять вы зубреное, подобно попугаям.

За этим следовало среднее образование. В течение двадцати восьми лет в Ирландии пытались выделить среднее образование в качестве отдельной системы. Результатом этого было то, что обучение шло по нисходящей линии. В колледжах заставляли заниматься с усердием только для того, чтобы результаты экзаменов были хорошими. С этой целью там заставляли учеников зубрить необходимый материал. Результатом этого было только то, что тысячи ирландских учеников теряли свое здоровье и

опустошали ум. Из-за такого перенапряжения они начинали чувствовать непреодолимое отвращение к знаниям, они не испытывали ни малейшей любви к науке. Где же видят ирландцы выход из этой проблемы? Они не хотят совершать революцию в этой области. Они просто намерены взять в свои руки дело образования в стране.

Власти страны не приходится беспокоиться о расходах, необходимых для образования: та сумма, которая выделяется в бюджете на образование в Ирландии, — ничтожна. В Англии расходы на образование в восемь раз больше, чем расходы на полицию и судебный аппарат. А в Ирландии на образование идет только 3/4 того,

что идет на содержание полиции и судебного аппарата.

Сравнивая какую-то страну с другой, нельзя ставить между ними знак равенства. Нельзя утверждать, что Индия идет по тому же пути образования, по которому в свое время шла Ирландия. Однако если сопоставить образование, существующее в Ирландии, с нашим, то мы увидим, что его трудности и наши довольно схожи и восходят к тем же причинам.

Наши души точно так же стремятся к знаниям, а метод образования, который господствует у нас, так же имеет чисто механический характер. Мы плохо знаем язык, на котором мы должны учиться. Мы изучаем английский язык, и это подобно тому, как если бы мы стояли у чужих дверей и стучали в них; но когда двери открываются, оказывается, что мы совершенно выбились из сил. Наши души раскрываются в 13—14 лет. Именно тогда они бывают больше всего расположены отведать вкус мысли и цвет знаний. Если именно в этом возрасте на наши раскрывшиеся души будет падать каменный дождь со страниц учебников, разве наши души смогут развиваться и расти? Почти после двадцатилетней жестокой войны с английским языком мы, наконец, одолев, овладеваем им. Однако то, что в течение долгого времени ум наш питался скудной пищей, не может не наложить своего отпечатка. О чем могли размышлять мы в тот

NB *По всей видимости то, о чем пишет Р. Тагор, имеет универсальный характер при смене основной идеологии в стране. Так, изменения в наших общественно-культурных ориентирах вызывают необходимость переоценки сложившихся ценностей и в образовании, делают актуальным новое самоопределение школы, личностных возможностей, способностей, своего профессионального опыта. Меняется мотивация не только отношения к жизненным явлениям, к культуре, но и в целом к личностному развитию. Ведь негативные отношения к природе, обществу, другим людям, народам могут серьезно осложнить или ограничить творческое развитие личности.*

В настоящее время, когда с особой остротой ставится задача формирования духовного мира человека третьего тысячелетия, возрождения и расцвета культурных традиций народов России, педагогической общественностью осознается необходимость перемены образовательных ориентиров.

период? Какой вкус могла воспитать в себе наша душа? Что получило наше воображение, для того чтобы развивать в себе творческое начало?

Если бы мы, получив какие-то знания, могли сразу же применить их на практике, тогда наше представление о предмете было бы полным и твердым. А чужим языком овладеть так же трудно, как и систематически применять его. Так что мало только запомнить что-то; если мы не имели возможности применить это на деле, то знание остается бесполезным. Мы зубрим формулы, храним их в памяти и только потом узнаем, что они обозначают, что за ними скрывается.

Если же мы получаем знания в зрелом возрасте, эти знания уже не приносят плодов. Только в молодом возрасте, когда наша душа получает пищу незаметно для себя самой, знания и мысли входят в нашу плоть и кровь. Тогда наш ум в молодости бывает особенно живым и сильным, он очень легко и глубоко воспринимает все. Но это драгоценное время уходит у нас на то, что мы бродим по огромному полю, которое называется «английский язык». Поле это представляет собой бесплодную и безводную равнину, где ничего не растет. Кто скажет, сколько здоровья и ума растратили мы в этой борьбе с английским языком.

Благодаря подобному методу обучения наш ум остается незрелым. Душа наша не имеет никакого стимула. Как ни горько, но это нужно признать. Правда, это несколько увеличивает наши знания, но наши творческие силы останавливаются на полпути. Мы лишены силы мысли. Наша мысль всегда не выходит за рамки того, что мы почерпнули в процессе обучения. Мы копируем, мы вечно ищем образцы для подражания. То, что мы высказываем как наше собственное мнение, является или отзвуком знаний, вызубренных когда-то, или же представляет собою беспомощный детский лепет. В силу своей душевной слабости мы идем, стараясь ступить ногой в след того, кто прошел до нас. Иногда мы ударяемся в другую крайность и, подгоняемые своим невежеством, лезем через забор. Все это говорит о том, что наша способность мыслить недостаточно еще развита. Однако нужно признать, что, несмотря на то, что метод образования имеет такие недостатки, мы смогли многого добиться в овладении знаниями. Это говорит о тех положительных чертах, которыми обладает наш народ.

Но если образование таит в себе еще какую-то тайную и непонятную цель, тогда это должно внушать отвращение и к самому образованию. Так в результате стремлений превратить ирландцев посредством образования в англичан их образование оказалось на грани полного уничтожения. Нетрудно понять, что в настоящее время в Индии правящие круги стараются ввести политический подкоп в области нашего образования. Поэтому они всеми силами стремятся ограничить нашу независимость в деле образования. Они стараются подчинить дело образования функциям своего административного аппарата.

Теперь бенгальским детям придется пользоваться учебниками, написанными на искаженном и обедненном бенгальском языке, учебниками, которые написаны каким-нибудь неопытным преподавателем или такой же неопытной комиссией Макмилана. Эти учебники подобраны и написаны таким образом, что исключают всякую возможность объективного или дискуссионного подхода к вопросам.

Но дело не только в этом. Стремясь привести в действие механизм дисциплины, пружину заводят гораздо в большей степени, чем нужно для того, чтобы заставить учеников повиноваться. Это совершенно калечит характеры учащихся. Англичане сами очень хорошо понимают, как важно и полезно для детей много двигаться; но понимают это они только в тех случаях, когда речь идет об английских детях. Если, не подавляя эту детскую подвижность, только регулировать ее и придать ей нужные формы, то она выльется в силу характера и живость ума. Подавление же этой подвижности — верное средство воспитать приниженных людей и трусов. Те, которые действительно понимают детей и желают им добра, признают, что в этой подвижности есть положительное начало; они не считают, что в детском стремлении двигаться есть что-то плохое. Поэтому многие понимающие люди придерживаются того мнения, что то положительное, что есть в детской подвижности, преобладает над теми мелкими неудобствами, которые проистекают от детских шалостей. Мы знаем, что в Англии детям многое и легко прощают, на наш взгляд, даже чересчур много.

Единственный способ воспитать настоящего человека — это дать ему возможность самому искать, работать, делать свои дела. Другая форма воспитания — приучить ребенка выполнять чужие приказания, повиноваться другому, всегда слушаться чужих. Мы же желаем воспитать детей нашего народа как людей самостоятельных.

Когда-то в Англии были иные времена, тогда англичане не препятствовали стремлению других народов к своим идеалам. Сейчас — другое время, и по вопросам образования между правительством и патриотами идет непримиримая борьба. Мы никогда не согласимся, чтобы при помощи учебных заведений в нашей стране насаждалось раболепие. Для нас настало время, когда совершенно необходимо сделать все, чтобы взять дело образования в свои руки.

Если создан Ученый совет с участием бенгальцев, это еще не значит, что ответственность за обучение — в наших руках. Правительство должно отчитываться перед народом, а не перед нами. Когда мы продолжаем находиться в полной зависимости и в то же время создается какая-то видимость нашей самостоятельности, — это только увеличивает наши беды. Нам дорого приходится платить за эту фальшивую самостоятельность.

Так правительство при помощи одних индийцев без особого труда создает сложные проблемы для других индийцев. В этом —

NB *В связи с этим становится все более очевидным, что возможный прорыв в методологии образования может быть связан с проникновением искусства во все его сферы, когда главным становятся развитие способностей человека на основе его художественного воспитания и самообразования, развитие культуры его чувств и формирование совершенных отношений к миру, природе, искусству, человеку. Это и есть развитие души.*

большая беда Индии. Если мы сможем иметь своей целью не получение должности, а получение высоких человеческих качеств, тогда, без сомнения, близок день полного духовного возрождения нашего народа. Находясь в зависимом положении, мы мертвы во всех отношениях: мы мертвы умом, духом, характером. Мы навсегда останемся такими, если не будем стремиться и пытаться найти выход. Выход в том, чтобы с детского возраста воспитывать человеческое достоинство. Иначе мы умираем ежесекундно, не прилагая ни малейших усилий, чтобы спастись. Мы не можем даже подумать по-настоящему над тем, что можем мы сделать, чтобы остановить это духовное умирание.

Ничто, кроме настоящего образования с детского возраста, не спасет нас.

В настоящее время голос единственного в мире человека, единственного в данный момент учителя человечества, раздаётся гласом вопиющего в пустыне. Я имею в виду Толстого и его высказывания о русском образовании. Вот что говорил он в частности: «Мне думается, что теперь особенно важно делать наше дело спокойно и настойчиво, не только не спрашивая разрешения правительства, но и сознательно избегая всякого вмешательства правительства. Сила правительства — в невежестве народа; правительство знает это и поэтому всегда будет противостать истинному просвещению. Пора отдать себе отчет в этом. Поэтому в высшей степени нежелательно дать правительству возможность сделать вид, что оно занимается просвещением народа, в то время как оно распространяет невежество. Оно делает это посредством всевозможных псевдообразовательных заведений, которые оно контролирует: посредством школ, институтов, университетов, академий и всевозможных комитетов и съездов. Но добро является добром, а просвещение — просвещением только тогда, когда добро — истинное добро, а просвещение — истинное просвещение, а не когда оно строится на том, чтобы удовлетворять требованиям циркуляров Деланова или Дурново. И мне бывает искренне жаль, когда я вижу чрезвычайно ценные, бескорыстные и исполненные духа самопожертвования поступки, совершаемые бесполезно. Удивительно видеть таких благородных и умных людей, растрачивающих свои силы в борьбе против правительства, но ведущих свою борьбу в рамках тех законов, которые угодно писать самому правительству».

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ*

Мои друзья, члены Совета национального образования, люди весьма достойные, попросили меня подготовить программу для школьного отдела Совета.

Я согласился выполнить их просьбу, но оказалось, что это не так-то легко. Ведь я не знаю, что побудило их открыть новые школы, каковы их цели и задачи.

Согласно шастрам, источник жизни заключен в желании, а не в случайном слиянии материальных тел. С исчезновением желания жизнь отрывается от ее корня и цикл рождения и смерти обретае свое завершение.

То же самое можно сказать о цели — она как бы является корнем любого начинания. Дело, лишенное цели, гибнет, подобно растению с оторванными корнями, и тут не помогут ни разработанные правила, ни собранные деньги, ни комитеты.

Поэтому, мне кажется, прежде всего необходимо выяснить, для чего создан Совет национального образования. Каковы недостатки системы образования, ныне существующей в нашей стране? И каким образом Совет сумеет добиться их устранения в новых школах.

Если бы речь шла только о техническом образовании, я бы подумал, что Совет намерен ограничить свою деятельность этой узкой областью. Но вопрос поставлен более широко, поэтому не так важно само устройство школы, подбор учебников и тому подобное, как основные принципы новой системы образования.

Если Совет намерен создать систему национального образования, то сразу же встает вопрос, что в данном случае имеется в виду, потому что слово «национальный», так же как и «ненациональный», понятие весьма растяжимое, каждый объясняет его по-разному, в зависимости от условий своего воспитания и жизни.

Поэтому необходимо широко обсудить с народом вопрос о главной цели, которую должен преследовать Совет образования, и сделать это таким образом, чтобы ни у кого не возникло и мысли, будто нами движет враждебность к британскому правительству, — ведь мы объединились единственно для того, чтобы оказать стране помощь, в которой, как мы знаем, она крайне нуждается. Мы должны ясно представить себе конечную цель. От этого зави-

* Выступление на митинге в Калькутте в июне 1906 г., напечатанное в журнале «Бонгодоршон» в том же месяце (II, т. II, с. 113—131).

сит успех нашей деятельности. И если по ошибке, или по причине умственной апатии, мы примем за истинную цель лишь нечто доступное или привычное, мы ничего не добьемся. Нас не спасут даже громкие имена, украшающие список наших сторонников.

Свою деятельность Совет национального образования должен начать с широкой дискуссии, чтобы выявить нужды и умонастроение народа. Это позволит установить, какие именно шаги следует предпринять в области образования.

Сегодняшним моим выступлением я и хочу открыть обсуждение этого вопроса. Считаю своим долгом изложить перед народом все те мысли, которые возникли у меня в связи с данной проблемой. Если они противоречат взглядам нашего просвещенного общества или вообще неприемлемы, можете отбросить их, как бесплодные мечты — плоды поэтической фантазии. Я же постараюсь утешиться надеждой, столь дорогой сердцу непризнанных поэтов, надеждой, что их поймут и достойно оценят благодарные потомки в далеком будущем. А пока умоляю вас сохранить терпение и снисходительность.

Нынешняя школа — не что иное как фабрика, а учителя подобны машинам. В половине десятого, по звонку, школа-фабрика открывается, учителя-машины начинают работать. В четыре часа школа-фабрика закрывается, учителя-машины прекращают работу. Ученики возвращаются домой, унося с собой некоторое количество знаний, отштампованных машиной. Впоследствии знания эти проверяют на экзаменах и наклеивают на них ярлыки.

У фабрики есть свое преимущество — она может выпускать товары по одному и тому же образцу и даже наклеивать на них одинаковые ярлыки, так что продукцию, выработанную на различных машинах, почти невозможно различить. Зато люди далеко не одинаковы, более того, один и тот же человек в разное время ведет себя по-разному. Машина никогда не сумеет заменить человека, ибо она только производит вещь, но не может пользоваться ею. Пресс, например, prepares масло для светильников, но он не способен зажечь светильник.

В воспитании европейца главную роль играет общество, а не школа. Образование в Европе не оторвано от жизни. Развиваясь и распространяясь в обществе, оно проявляется во всем, что люди говорят, думают и совершают в своей повседневной жизни. Школа там есть средство для овладения культурой, которая родилась в процессе длительного развития общества, благодаря разносторонней деятельности людей. Европейская школа — неотъемлемая часть общества, она питается его соками и в свою очередь одаряет его своими плодами.

У нас же школы не имеют никакой связи с обществом, они навязаны ему извне. Поэтому занятия в наших школах протекают скучно и безжизненно, знания даются с мучительным трудом; когда же их, наконец, усваивают, они оказываются бесполезными. Между уроками, которые ученики зубрят с десяти до четырех, и миром, где они живут, нет ничего общего. В школе они слышат одно, дома — совсем

другое. Наши школы, как я уже говорил, мало чем отличаются от фабрики — они выпускают автоматы, а не живых людей. Если бы даже нам удалось в точности скопировать все внешние черты европейской школы, то мы не сумели бы воспроизвести ее внутренний дух. Мы, конечно, могли бы пользоваться, на европейский манер, столами и скамейками, так же как могли бы пользоваться правилами и программами европейских школ, но из этого не вышло бы ничего путного. Мы только взвалили бы лишнее бремя на свои плечи.

В древней Индии образование находилось в ведении гуру — духовных наставников, которые были людьми, а не машинами. Образование — пусть оно не было так широко и разнообразно, как наше, — не противоречило господствующим идеям и взглядам общества. Однако возврат к прошлому явился бы всего лишь жалким и бесполезным подражанием внешним чертам старой школы.

Что необходимо с точки зрения сегодняшнего дня? Необходимо, чтобы школа и дом не были на разных полюсах, чтобы школьная программа была живой и разнообразной; чтобы в центре внимания была не книжная премудрость, а разум и чувства учащихся, чтобы не было раздвоенности в умах нашей молодежи, вызванной оторванностью школы от жизни, и чтобы обучение, таким образом, не превращалось в неудобоваримую абстракцию, которая никак не связана с действительностью и существует лишь в часы занятий. Попытки же превратить школу в родной дом для учеников привели бы к созданию школ-интернатов. А подобные заведения вызывают весьма неприятные ассоциации: есть в них что-то напоминающее казармы, дома для умалишенных, больницы и тюрьмы. Надо полностью отрешиться от подражания европейским образцам хотя бы по той причине, что европейская история и европейское общество совершенно отличны от нашей истории и нашего общества. Мы должны попытаться правильно понять идеалы, которые вдохновляли наш народ и способствовали его развитию.

Трудностей будет много. Поскольку мы сами получили английское образование, английские идеалы вытесняют из поля нашего зрения все остальное, затмевают историю и характер нашего народа. Даже при самых отчаянных попытках добиться свободы, когда мы высоко поднимаем знамя национализма, мы продолжаем оставаться прикованными к Англии и не ищем иных политических идеалов, кроме британских.

Одна из наших трудностей заключается в том, что мы не можем понять, какое место занимает английская система образования в английском обществе, какова ее взаимосвязь с этим обществом, и потому не знаем, как привести ее в соответствие с жизнью Индии. А это как раз и есть наиболее важная задача. Без ее решения обсуждать, какие английские учебники или какие правила, действующие в тех или иных английских школах и колледжах, приемлемы для нас, — означает попусту терять время.

Мы прониклись уверенностью, что достаточно создать некое общество с комитетом во главе, как цель будет достигнута. Тут мы неда-

леко ушли от тибетцев: они верят в то, что можно обрести спасение души, наняв ламу, который будет вместо них вертеть молитвенное колесо. Много лет назад мы создали научную ассоциацию и с тех пор не перестаем причитать, что в нашей стране не интересуются наукой. Но разве, чтобы вызвать интерес к науке, достаточно создать научную ассоциацию? Сама мысль о том, что в стране появятся тысячи ученых, как только будет организована научная ассоциация, показывает, как глубоко к нас укоренилось поклонение машинам.

Главное — разбудить в народе интерес к образованию. Когда мы этого достигнем, то каждое, даже самое незначительное, наше усилие будет вознаграждено. Почему древние индийцы проявляли столь глубокий интерес к наукам? Над этим следует серьезно поразмыслить. Я вовсе не хочу лишиться удовольствия тех, кто с карандашом в руках усердно изучает все материалы, относящиеся к деятельности зарубежных университетов. Но не думаю, что можно пренебречь проблемами, о которых я упоминал. Выработка учебной программы — дело, разумеется, важное, однако не менее важно заинтересовать учащихся тем, что они изучают. Об этом свидетельствуют древние сказания.

Учителя в древней Индии жили в лесу. Что представляли собой их обители — трудно сказать, потому что в сведениях, дошедших до нас, есть много неправдоподобного. Несомненно одно: гуру были людьми семейными и ученики жили с ними вместе как члены семьи. Эта традиция сохранилась до нынешних дней в санскритских школах тол и чатушпати.

Даже при беглом знакомстве с этими школами мы узнаем, что книжное обучение в них не самое главное. Главное там — процесс познания, в котором активно участвуют и сами учителя. Живут они простой жизнью: ни жажда денег, ни стремление к роскоши не владеют их помыслами; у них достаточно времени и возможностей проникнуть в самую суть вещей, которым их обучают.

Кстати говоря, такие же принципы положены в основу обучения во многих святилищах науки Европы.

В древней Индии считалось необходимым, чтобы ученики жили в доме учителя и проходили период брахмачарья.

Не следует понимать брахмачарью очень узко, лишь как воздержание. Ведь если мальчик воспитывается в обществе, на него влияет решительно все: события, люди, что, разумеется, мешает его естественному развитию. Воздействие искусственных стимулов может привести к слишком раннему пробуждению чувств, находящихся в зачаточном состоянии. А это повлечет за собой растрату физической энергии, умственное истощение и разочарование. Чрезвычайно важно уберечь юное существо от всего, что может его развратить. Брахмачарья охраняет еще не сформировавшегося юношу от преждевременного пробуждения желаний, которые вызывает изнеженная жизнь. Как правило, мальчики весьма довольны таким режимом жизни. Воздержание помогает им полностью развиваться и вкусить радости настоящей свободы, а тела их одно-

NB *Нынешний кризис нашего общества имеет корни не столько экономические, сколько нравственно-духовные. Невозможно выйти из этого состояния без применения усилий в духовно-нравственной сфере воспитания человека, особенно подрастающего поколения; без возрождения народа на основе традиционных представлений о Добре, Правде, Справедливости, Прекрасном.*

Пока в обществе происходит «брожение умов и смятение духа», а отечественная культура отступает под натиском ложных концепций западной антикультуры, на глазах подрастающего поколения происходит глумление над вечными духовно-нравственными ценностями.

Перестройка общества со всей остротой ставит перед образовательной системой цель — формирование человека с новым уровнем сознания, со сформированным эстетическим идеалом и развитой художественной культурой, что позволяет ему особенно чутко относиться ко всему новому, прогрессивному, быть ответственным за собственное развитие.

Преобразующие возможности искусства могут быть реализованы лишь в процессе духовного становления личности и при условии создания целостной системы художественного образования, охватывающей все периоды жизни человека.

временно с развитием разума наливаются силой.

В наших школах брахмачарью вытеснили нравouchения, к которым воспитатели прибегают по любому поводу. Это превратилось, по сути дела, в механическое занятие; так каждый день дают сассапарель больному или истощают здорового ребенка диетой. Польза от нравouchения весьма сомнительна. Нравouchения не запоминаются, а только оскорбляют. Слушая их, мальчик чувствует себя как преступник на скамье подсудимых.

Нравouchения, с моей точки зрения, — пустая трата времени и сил, и я всегда боюсь, когда добрые люди слишком увлекаются ими. Трудно представить себе что-либо более вредное для общества, чем мораль, которая даже истину делает скучной и бесполезной.

В мире, где нормы жизни постоянно искажаются ложью и извращениями, напрасно было бы надеяться на то, что все может быть приведено в порядок бессмысленным повторением в школе нескольких прописных предложений между десятками часов утра и четырьмя часами дня. Нравouchения воспитывают лицемерие и самонадеянность, уничтожают свежесть и непосредственность ума.

Брахмачарья прививает правильное отношение к религии, не отягощая душу заповедями и догмами. И тогда вера становится опорой души, а не врагом ее. Не нравouchения нужны для духовного воспитания, а дружеское руководство и благоприятствующее окружение.

Необходимо также, чтобы мальчики жили на лоне природы. Города не являются естественным местопребыванием человека, они созданы для удобства его деятельности. Всевышний сотворил людей не для того, чтобы они жили среди кирпича и камня. Городам, с их конторами, нет дела ни до деревьев, ни до цветов, ни до солнца, ни до

луны. Они отрывают нас от груди прекрасной и одухотворенной природы, чтобы поглотить своим огненным чревом. Поглощенные трудом, люди даже не ощущают ущербности своей жизни в городе, хотя они уже оторвались от природы и день за днем уходят все дальше и дальше от великой вселенной.

Пока мы не погрузились в водоворот событий, пока мы еще растем и учимся, без помощи природы не обойтись. Деревья, ясное небо, прозрачные реки не менее важны, чем скамьи и классные доски, книги и экзамены.

Издравле индийский дух развивался в тесной и нерасторжимой связи с природой; ему присуще стремление слиться воедино с жизнью растений и животных. Молодые отшельники в древней Индии пели:

Преклоняемся пред богом,
Что живет в огне и водах,
Что живет в кустах и травах,
В целом мире растворенный.

Учащиеся должны постичь единство четырех субстанций: земли, воды, воздуха и огня, образующих мир и проникнутых мировым духом. В городе это невозможно. Школа в городе — по существу фабрика; и представление, которое она может дать о мире, — это механическое представление.

NB *В нашей повседневной жизни мы зачастую проходим и не замечаем той удивительной гармонии, которую так щедро создала для нас великая природа. А в поэтической красоте природы целая симфония звуков, оттенков, смыслов, чувств, впечатлений. Встреча с ними радует, привлекает человека, он испытывает удовольствие, у него появляется заинтересованность и начинают формироваться особые — эстетические — чувства.*

По мере накопления эстетических впечатлений у ребенка и у взрослого человека развиваются внимание, воображение, появляется склонность к созиданию, к творческому самовыражению. Осваивая через природу и ее отражение в искусстве — цвет, линию, звуки, движение, ритмы, симметрию, человек начинает постепенно познавать их сущность как проявление прекрасных форм, свойств, особенностей языка выразительности образов.

Только через взаимодействие с природой, с искусством, через эмоциональный отклик на чужие чувства и слова, изображения и звуки мы можем развивать свой дар «эмоциональной отзывчивости».

Чтобы выразить, как глубоко кто-то кого-то взволновал, часто говорят: «он задел меня до самого сердца». Следовательно, чтобы почувствовать гармонию, нужно коснуться сердцем сердца вещи, сердца природы, сердца Вселенной! И это единение сердец может стать вашим советчиком, другом, помощником, и тогда все добродетели по закону подобия придут к вам.

Для сугубо практических людей все это неприемлемо, они сочтут подобные идеи мистицизмом или даже мистификацией. Поэтому я не буду развивать их, чтобы не вызвать предубеждения против моих доводов.

Но даже практичные люди не могут отрицать того, что голубое небо и свежий воздух, деревья и цветы необходимы для правильного развития тела и духа. Взрослея, мы оказываемся прикованными к конторам, и среди людской толпы душа наша, раздираемая противоречиями, теряет связь с природой. Тем более важно для нас находиться под влиянием природы хотя бы в юности. Мы можем превратиться в зрелых мужей лишь в том случае, если наше воспитание будет вверено земле и водам, небу и воздуху мира, из чьего лона мы вышли и который вскормил нас, подобно материнской груди. Так пусть же дети играют под открытым небом с его вечной игрой солнечного света и облаков, пока их думы юны и охвачены жаждой знания, а чувства обострены. Пусть их не отнимают от груди земли. Пусть видят они, как солнце своими перстами открывает врата нового дня, как спокойное свечение вечера растворяется в усеянном звездами ночном мраке. Пусть смотрят они шестиактное музыкальное представление, которое природа разыгрывает на протяжении шести времен года. Пусть, стоя меж деревьев, прислушиваются к раскатам грома и наблюдают, как тяжелые тучи сумраком окутывают лес, перед тем как пролиться обильным дождем. Пусть наслаждаются видом осенних, росистых нив, колышущихся под порывами ветра и растекающихся золотым морем вплоть до самого горизонта. Я умоляю воспитателей, людей практичных: даже если долгие годы жизни умудрили и лишили воображения их разум и ожесточили их сердца, не отвергать мои призывы и понять, почувствовать, насколько важнее для детей общение с природой, чем все эти экзамены и инспекторские отчеты. Развивающийся ум нуждается в свободе. И ею нас щедро одарила природа. Ребенок не может нормально развиваться, если должен утром, наскоро позавтракав, спешить на перекличку в школу, как преступник, которому предписано регулярно являться в полицейский участок. Сколько страданий приносит детям обучение в четырех стенах, за запертыми воротами, охраняемыми сторожем. За каждый невыученный урок им грозит наказание; их жизнь подчинена звонку. Разве можно винить детей в том, что они не выучили исторических дат и алгебраических формул до своего появления на свет? И есть ли какой-либо смысл лишать их, несчастных, воздуха и света, свободы и радости и превращать обучение в систематическое наказание. Дети рождаются незнающими, для того чтобы со временем ощутить радость познания. Быть может, у нас не хватит умения и культуры сделать обучение источником радости, но зачем быть настолько жестокими, чтобы превращать школу в тюрьму? По воле Творца дети должны обучаться в естественных условиях, предоставим же им волю, во исполнение Его воли. Во имя милосердия снесем тюремные стены. Не будем приговаривать детей к каторжным работам только за то, что они не стали многоученными людьми еще во чреве матери.

Мы должны следовать древнеиндийской системе образования. Нужно, чтобы ученики жили вместе с учителями на лоне

природы и получали образование, придерживаясь принципов периода брахмачарьи. Эти принципы, основанные на неизменных свойствах человеческой натуры, не утратили своего значения, сколь сильно, с течением веков, не изменились окружающие условия. Если мы хотим создать образцовую школу, необходимо выбрать для нее спокойное место, где-нибудь на свежем воздухе, среди деревьев. Там, в уединении, учителя смогут всецело посвятить себя преподаванию, а ученики будут развиваться в атмосфере самоотверженной любви к науке.

Хорошо, если там найдется участок плодородной земли, который ученики смогут возделывать, с тем чтобы обеспечить школу необходимым продовольствием. Надо также обзавестись коровами. В свободное время ученики смогут работать в саду, окапывать и огораживать деревья, поливать растения. Таким образом, контакт с природой будет и физическим, и духовным.

В хорошую погоду занятия следует проводить в тени деревьев. Полезно также вести обучение в форме беседы между учителем и учениками во время прогулок, по вечерам наблюдать за звездами, заниматься музыкой, слушать исторические сказания и легенды. Совершивший проступок должен будет искупить свою вину, как это было принято в древней Индии. Ведь наказание, в сущности, не что иное, как месть пострадавшего обидчику, искупление же обидчик добровольно возлагает на себя. В самую раннюю пору жизни мы должны осознать, что искупление необходимо прежде всего для нас самих и что это единственный способ полностью загладить содеянное зло. Унизительно, когда человека наказывает другой человек.

Мне хочется высказать еще одно пожелание, хотя, возможно, это будет чересчур смело с моей стороны. По-моему, в нашей новой школе незачем ставить столы, стулья и скамьи. Надеюсь, меня не заподозрят в предубежденности против европейских обычаев. Я за отказ от всего лишнего, несущественного, и мне хочется, чтобы этот принцип соблюдался во всем, что касается нашей школы. Ученики привыкают к столам, стульям и партам, и если потом им снова приходится сидеть на земле, вместо радости испытывают неудовольствие. Климат у нас не холодный, одежда, можно сказать, создана для того, чтобы сидеть в ней на земле; несмотря на это, мы рьяно подражаем всему иноземному и обзаводимся мебелью, которая лишь обременяет нас. Когда мы считаем необходимыми вещи, на самом деле бесполезные, мы только тратим напрасно свои силы.

Наша страна не так богата, как Европа, и то, что легко для европейцев, весьма трудно для нас. Всякое благое дело мы начинаем с того, что подсчитываем расходы на помещение и мебель, хотя в большинстве случаев ни в том, ни в другом нет никакой надобности. Почему же не набраться смелости и не заявить, что мы начнем работу в глинобитной хижине, сидя на полу? Это наполовину сократит наши усилия, нисколько не ухудшая качества работы. А пока если нам не удастся разработать претенциозные планы по европейскому образцу, мы испытываем неудовлетворенность и смущение, забывая о том,

что страны Европы располагают неограниченными материальными ресурсами и несметными богатствами. В результате мы почти полностью истощаем наши скудные средства, еще и не приступив к настоящему делу. В те времена, когда для обучения нужен был лишь голый пол да кусок мела, у нас не было недостатка в школах; теперь у нас в избытке грифельные доски и карандаши, зато мало школ. Забота о вещах второстепенных, а не главных проявляется во всех областях нашей жизни. Наши предки мало думали о светских условностях и много об общественном долге, мы же поступаем как раз наоборот. Они считали мебель признаком богатства, а не свидетельством культуры. В домах у культурных людей было совсем мало мебели; они оказали истинную услугу своей стране, придав благородство бедности. Если бы в школе нас воспитывали на идеале простой жизни, мы по крайней мере умели бы делать хоть что-нибудь, например сидеть на полу, носить простую одежду, есть простую пищу, и еще мы научились бы достигать наилучших результатов с наименьшими усилиями. Это вовсе не так мало, и этого нужно добиваться. Простота, естественность и удобство являются признаками культуры, а излишества и показное богатство — признаками варварства. Подлинное величие излучает сияние даже в самой убогой обстановке. Истина эта проста, но ее следует всеми возможными способами внушать с детства — не бесполезными наставлениями, а живым примером, чтобы она проникла в самую глубину существа ребенка. Если дети не постигнут этой истины, то станут гнушаться физическим трудом, сочтут унижительным сидеть на полу или на земле или, еще того хуже, станут презирать своих предков и не поймут заветов древней Индии.

Предположим, что мы откажемся от всего внешнего, сколь бы великолепно оно ни было, и сосредоточим свое внимание на внутренних ценностях. Возникает вопрос — достаточно ли у нас средств для достижения цели. Наш первый долг, как основателей новых школ, заключается в том, чтобы передать обучение в руки гуру. Но гуру не изготовить по заказу и не найти по объявлениям, как мы находим школьных учителей.

Придется довольствоваться тем, что у нас есть. Надеяться на то, что мы получим джнявалкью (высшее звание), поскольку весьма остро нуждаемся в гуру, нереально. Не следует, однако, забывать, что в существующих условиях многие талантливые люди пребывают в бездействии, так как никто не пытается использовать их силы полностью: они — мертвый капитал. Чтобы наклеить марку на конверт, не нужен полный кувшин воды, другое дело, если мы хотим совершить омовение. Таким образом, ценность кувшина, наполненного водой, изменяется в зависимости от его применения. Обязанности, выполняемые современным школьным учителем, требуют от него минимальной затраты духовных сил, его с успехом может заменить фонограф, если вложить в него немного мозга и прикрепить к нему палку. Но тот же школьный учитель отдаст все силы своей души и разума на благо ученикам, если будет призван выполнять обязанности гуру. Правда, он

не сможет дать больше, чем это позволят его способности, но дать меньше ему будет стыдно. Полная отдача сил возможна лишь при условии самых высоких требований. Немногие талантливые люди работают сейчас в школах, но если страна пожелает передать воспитание в руки гуру, число их увеличится.

В нынешние времена экономические соображения вынуждают учителя искать себе учеников, но при естественном порядке вещей ученики будут искать учителя. Сейчас учитель представляет собой нечто вроде лавочника, он продает образование и ищет покупателей. Никто и не надеется среди предлагаемых им товаров обнаружить привязанность, уважение, преданность или какое-либо другое чувство. Учителю, после того как он все продал и получил плату, нет больше дела до учеников. Но, несмотря на неблагоприятные условия нынешнего дня, в нашей стране все же есть учителя, обладающие духовным величием и способные поэтому подняться выше меркантильных соображений. Именно такие учителя, взяв на себя почетный труд гуру, поймут, что их долг — на собственном примере воспитывать учеников, собственной ученостью зажечь светильники их знаний, своей любовью и привязанностью дать им счастье и тем самым снискать уважение. Даря своим ученикам не подлежащие ни купле, ни продаже бесценные сокровища, учитель завоеует их преданность, но не с помощью наказаний, а естественным путем, в соответствии с религиозными заветами. Учитель не может отказаться от жалования, потому что ему надо жить, но труд его будет окружен ореолом величия, поскольку отдавать он будет гораздо больше, чем получать. Ни для кого не секрет, что с тех пор как власти обратили свой дурной глаз на бенгальские школы, многие учителя самого различного возраста, обуреваемые жадной зароботка, запятнали высокое звание учителя, осуществляя по приказу или по собственной инициативе полицейский надзор над малыми детьми.

Трудно представить себе, чтобы те же учителя, выполняя они обязанности гуру, решились опозорить себя и свое звание. Не должны ли мы спасти наших учеников и учителей от этой подлой торговли образованием?

Обсуждение всех этих подробностей, вероятно, покажется бесполезным многим читателям, которые, как я опасаюсь, все еще не согласны со мной в основном вопросе, то есть в том, принесет ли пользу обучение вдали от родного дома.

В этой связи, прежде всего, необходимо сказать следующее: чтобы мальчик получил то, что считается в нашей стране образованием, его родителям достаточно послать его в ближайшую школу и, может быть, нанять еще репетитора. Но, как я уже говорил, такое образование, ограниченное и скудное, недостойно детей человеческих.

Я согласен, что в некоторых особых случаях ученикам не обязательно покидать дом. Кузнецы, гончары, ткачи и прочие ремесленники могут сами воспитывать своих сыновей. То немногое, что необходимо усвоить в этих случаях, может быть с успехом выучено

дома. Если же родители намерены дать мальчику более широкое образование, его надо послать в школу. Ведь никто не станет утверждать, что учиться лучше всего у родителей. По многим причинам это не так. Но ни дом, ни нынешняя школа не справятся со своей задачей, если уровень образования повысится. Точнее, если под образованием будут понимать не только изучение книг и сдачу экзаменов, а еще и гармоничное воспитание человека.

В мире есть люди различных занятий: торговцы, юристы, землевладельцы. Атмосфера, царящая в домах, где живут эти люди, различна, и это накладывает на детей особый отпечаток.

Различия между людьми неизбежны — они вызваны родом занятий. Однако вряд ли будет хорошо для мальчика, если на самом пороге жизни он станет подобием своих родителей.

Возьмем, например, сына богача. При рождении он ничем не отличается от сына бедняка. Различия возникают лишь со временем, в результате воспитания.

Долг родителей прежде всего воспитать в мальчике общечеловеческие черты. Лишь после этого они могут, если это необходимо, развивать в нем черты богача. В действительности же происходит как раз наоборот. Мальчику прививают черты богача прежде, чем он научится действовать и вести себя как простое дитя человеческое. Таким образом, его много лишают в жизни. Мальчик вырастает с обедненными чувствами. Богатые родители, которые сами живут будто птицы с подрезанными крыльями, запертые в клетку, невольно превращают здорового ребенка в калеку. Ему нельзя ходить пешком, у него должен быть экипаж; нельзя носить даже самый легкий груз, должен быть носильщик; нельзя ничего делать даже для самого себя, должен быть слуга. Словом, в полном расцвете сил он должен вести себя как паралитик, и не из-за своей физической немощи, а лишь из страха перед тем, что скажут люди. В конце концов, самые простые вещи начинают казаться ему трудными, а самые естественные — позорными. Придерживаясь обычаев своего социального круга, родители сковывают мальчика таким огромным количеством никому не нужных условностей, что он почти полностью теряет все естественные права человека.

Он счел бы себя опозоренным, если бы в нем не признали сына богача; и этот страх постоянно довлечет над ним, сковывает его на каждом шагу: и когда он выполняет свой долг, и когда отдыхает, и даже во время путешествия. Заставляя сына забыть ту простую истину, что счастье зависит от состояния духа и не имеет ничего общего с условностями, родители делают все возможное, чтобы сделать его рабом многих ненужных вещей, которые становятся для него столь важными, что он уже не в силах от них отказаться и вырастает бессильным калекой, неспособным переносить лишения. Так будем ли мы по-прежнему утверждать, что родители, которые воспитывают их бессильными и гордятся этим, родители, заражающие сорняками поля мира, — лучшие воспитатели для своих детей? Нельзя, разумеется, помешать взрослым жить в роскоши, если они

того желают. Но дети не презирают землю, они любят солнце, ветер и дождь, терпеть не могут, когда их наряжают; для них нет большего удовольствия, чем постигать мир с помощью своих собственных ощущений, и они нисколько не стыдятся быть самими собою. Детей не может испортить никто, кроме отца с матерью, которые обрекают их на праздность. Спасите же невинных от таких родителей!

Во многих семьях детей воспитывают на господский манер, у них есть няни, их обучают искаженному хинди, и они забывают бенгали. Их оторвали от пуповины, которой каждый ребенок связан со своей родиной. В то же время для них закрыт доступ в общество европейцев. Они — как растения, которые выкопали в лесу и пересадили в европейские жестяные ящики для цветов. Воспитанный в таком духе мальчик увидел однажды родственников, одетых в индийское платье, и закричал по-английски: «Мама, мама, погляди, сколько бабу идет к нам!» Я это слышал собственными ушами и не могу представить себе большего несчастья для наших детей. Взрослый волен перенимать господский образ жизни, если это ему нравится. Но зачем родителям взваливать на себя столько забот и расходов, чтобы превратить своего ребенка в изгоя, потому что бенгальского общества он недостоин, а в европейском не принят. Некоторое время он еще может существовать на имеющиеся у него скудные средства, но в дальнейшем обречен на неизбежные лишения. Следует ли доверять воспитание родителям, которые готовят своим детям подобное будущее?

Я неспроста привел пример мальчика, воспитанного по-европейски. Тех моих читателей, которые ведут индийский образ жизни, этот пример неизбежно повергнет в изумление; у них возникнет вопрос: неужели родители настолько лишены здравого смысла, что забыли о будущем сына и в соответствии со своими взглядами портят ему жизнь?

Однако родители, сами воспитанные на европейский лад, и не подозревают, что дают сыну неправильное воспитание. Ведь люди в большинстве своем не замечают собственных недостатков и потому не ведают, что причиняют вред другим. Мы подчас считаем опасным держать детей вдали от дома, даже если этот дом является рассадником всех пороков, предрассудков и суеверий и все его обитатели враждуют между собой. Поскольку у себя дома мы не видим ничего плохого, то не можем представить себе, какой вред причиняем детям. Но если мы хотим вырастить их настоящими людьми, а не просто дельцами, как сами мы, необходимо отсылать их к гуру, где они будут жить в тесном единении с природой, соответственно требованиям периода брахмачарьи.

Зародыш развивается в материнском чреве, семена — в почве. Ежедневно и еженощно получают они питание от окружающей их среды, пока не наберутся сил, чтобы появиться на свет. Природа хранит их, ограждая от всяких вредных воздействий.

Так и детский ум должен быть изолирован от вредных воздействий и иметь питательную среду, чтобы ежедневно и еженощно

черпать знания. Главное, что необходимо, — это благоприятные условия, при которых детский ум может крепнуть и развиваться, приобретая знания как сознательно, так и подсознательно.

NB Само слово «воспитание» говорит о каком-то особом питании, питании души и сердца прекрасными образами. Таким возвышающим действием на человека обладают великие произведения искусства, природы, великие личности. Великие творцы всех времен и народов были проводниками высоких идей, высокой красоты и нравственности.

Богатство, красота и разнообразие окружающего мира неисчерпаемы, и они могут служить прекрасным средством воспитания души. Если человеку удастся понять всю неповторимость нашей земли, почувствовать себя малой частицей единого живого организма — нашей природы, то наверняка никогда у него не поднимется рука на уничтожение даже малой части ее.

Каждый человек в начале жизни приходит в прекрасный мир новых впечатлений, чудес и открытий. Поэтому очень важно, чтобы его первые впечатления имели положительную эстетическую окраску, от силы и яркости которой будет зависеть очень многое в его дальнейшей жизни. Эти начальные впечатления могут оказать решающее влияние на будущую личность, определяют ее вкусы, ценностную ориентацию, основные жизненные интересы и идеалы.

Потом на смену ярким впечатлениям детства приходит спокойный интерес, впечатления со временем стираются из памяти, и если их не подкреплять вновь, придет и равнодушие. Конечно, это не является правилом, можно привести много примеров людей, чья эмоциональная энергия, интерес к жизни не тускнеют с годами.

Впечатлительность — это энергия жизни, а источником этой энергии является сила удивления перед познанием мира. В педагогическом аспекте этот факт формулируется как развитие у ребенка способности к усвоению мира. Развитая впечатлительность сделает это усвоение предельно глубоким и ярким. Заповь в душу в детстве, звуковые и цветковые впечатления затем преобразуются в творческие идеи, стихи, картины, поступки, так как звук и цвет обладают огромной творческой силой. Конечно же, это должны быть гармонические вибрации звука и цвета, несущие в себе духовное начало образного смысла.

Мир — это поле деятельности, поле битвы самых разнообразных страстей, и, живя в их гуще, дети вряд ли обретут силу, способную служить им на протяжении всей их зрелости. Вскоре после окончания школы юноши обзаводятся семьями, тем самым принимая на себя большую ответственность. Но они не выполнят до конца своего долга, если за годы учебы не станут по-настоящему зрелыми. Нетрудно стать дельцом или предпринимателем, но очень нелегко стать человеком. В древней Индии идеал семейной жизни был окружен ореолом, к ней специально готовили мужчин трех высших каст в соответствии с правилами периода брахмачарьи. Но этот ореол давным-давно потускнел, а другой, столь же величественный, не засиял. Неудивительно, что мы теперь довольствуемся положением клерка, полицейского инспектора, помощника судьи, а стремиться к высшему считаем не то чтобы пресудительным, но, во всяком случае, излишним.

Однако мы должны стремиться к высшему, и при этом я имею в виду не только нас, индийцев, но и людей любой страны и общества. Ни в одной стране нет нужной нам системы образования, но мы не понимаем этого, замороженные военными, коммерческими, техническими и тому подобными достижениями современной Европы. И в этом своем заблуждении мы зашли так далеко, что теперь от него не избавиться с помощью обсуждений или статей. Я серьезно опасаясь, что Совет национального образования в своих поисках образца для будущей «национальной» школы будет обращать свои взоры куда угодно, только не к собственной стране и ее истории, и в конце концов построит машину по иностранному образцу. Люди, которые не верят ни в природу, ни в человека, начинают во всем уповать на машины. Им кажется, что с помощью машины, читающей мораль, можно воспитать святого, а с помощью сетей из книжной премудрости — великого прозорливца.

Организовать школу по образцу древнеиндийских обителей — задача, несомненно, сложная, но взяться за ее решение — наш долг, долг индийцев. Идеал такой обители все еще живет в нашем воображении, несмотря на то, что мы восприняли многие европейские науки. Мы должны перестроиться на совершенно иной лад и создать такую систему образования, при которой дети не только получали бы знания, но и черпали мудрость. Если же мы по-прежнему будем подражать иностранным образцам, это приведет к крушению всех наших надежд. Мы привыкли выпрашивать, когда нам нужно что-либо получить, и подражать, когда мы хотим что-либо совершить; мы никогда не пользуемся своими физическими и духовными силами, мы боимся подумать о том, что представляет собой наша страна и что ей необходимо. Надежда на то, что прежняя система даст иные результаты, если будет функционировать под новым названием и в новой школе, приведет лишь к разочарованию, которого мне, по крайней мере, хотелось бы избежать. Совет должен также помнить о том, что организация подписок и сбор пожертвований несколько не улучшают системы образования, — человечность не купишь ни за какие деньги; разработкой сложных правил для школьных комитетов не вырастишь чудесного древа знаний, не утолишь жажды ума. Получить истинное образование — значит обрести мудрость, а это достижимо лишь путем сосредоточенных размышлений. Поэтому одних лекций мало. Лишь в полном уединении и абсолютной преданности найдем мы силу. Только при условии полной самоотдачи возможно и полное обретение. Знания станут реальными лишь тогда, когда обучение будет вверено наставникам, которые сами участвуют в процессе познания. Человеческий разум может полностью развиться только там, где природа безгранична в своем проявлении; здоровая дисциплина периода брахмачарьи превращает религиозное обучение в простое и естественное дело. Наше будущее не станет лучше настоящего, если заботы наши ограничатся лишь учебниками и учителями, школьными советами и комитетами, роскошными зданиями и красивой мебелью.

ПРЕКРАСНОЕ*

Религия издавна призывает к воздержанию и предписывает неукоснительное выполнение правил периода брахмачарьи с детских лет. Многие, однако, считают, что это слишком трудный способ достижения совершенства. По их мнению, он пригоден для воспитания человека сильного духом или святого, порвавшего пути желаний, но не для развития чувства Прекрасного, ибо он, этот способ, игнорирует искусство: литературу, музыку, живопись.

Не подлежит сомнению, что развитие чувства Прекрасного — неотъемлемое условие для воспитания гармоничной личности. Прекрасное необходимо. Совершенство не в подавлении человеческой души, а в ее развитии. Выполнение правил брахмачарьи не ведет к оскудению души. Не для того трудится в поте лица крестьянин, чтобы превратить свое поле в пустырь. После того как он вспашет и взборонит свой участок, а затем вырвет сорную траву, остается голое место. Человек несведущий может подумать, что это надругательство над землей, но только так можно получить хороший урожай. Чувство Прекрасного вырабатывается упорным трудом.

По пути к постижению Красоты легко заблудиться. Тот, кто хочет преодолеть все препятствия и достичь совершенства, должен научиться владению собой, должен научиться сдержанности. Путь этот труден и суров, но Прекрасное стоит того, чтобы ему приносили жертвы.

К сожалению, средство достижения цели часто заслоняет саму цель. Учатся пению — погрязают в изучении его техники, стремятся к богатству — начинают скряжничать, копить деньги ради самих денег, заботятся о благе страны — заседают в комитетах, вырабатывают резолюции и полагают, что достигли желанного.

Нередко бывает и так, что воздержание и аскетизм превращаются в самоцель. Воздержание всецело поглощает человека, считающего его высшей добродетелью. Стремление к подавлению страстей становится нашей седьмой страстью, помимо известных шести: чувственности, вспыльчивости, алчности, одержимости, пьянства и зависти.

* Статья была напечатана в декабре 1906 г. (IV, т.4, с. 321—336).

Это признак негибкого ума. Одержимый страстью к накоплению человек уже не может остановиться. Среди англичан есть множество страстных собирателей погашенных марок, своих и зарубежных, это хлопотливое увлечение поглощает много денег и времени. Другие заядлые коллекционеры собирают фарфор, третьи — старую обувь. То же самое чувство проявляется и в стремлении во что бы то ни стало водрузить свой флаг на Северном полюсе. На полюсе нет ничего, кроме льдов, но это не останавливает нас, мы опьяняемся подсчетами, кому, сколько миль остается до этой заветной точки — Северного полюса. Чем выше взберется альпинист, тем больше считается его достижение. Многие не только жертвуют своей жизнью ради этого мнимого успеха, но и губят носильщиков, которые сопровождают их не по своей воле. Но ничто не может остановить этих людей. Их никчемные и бессмысленные победы кажутся тем значительнее, чем больше затрат и страданий влекут они за собой.

Человек, охваченный слишком пылким стремлением к самообузданию, радуется самим переносимым страданиям. Сперва он спит на кровати, затем перебирается на землю. Потом отказывается от подстилки и одеяла и, наконец, спит на голой земле. Признание, что самоистязание полезно, неминуемо ведет к самоубийству. Подавление страстей превращается во всепоглощающую страсть. Петля, которую пытаются разорвать, затягивается все крепче и крепче, пока не наступает удушье.

Если воздержание превращается в страсть, суровость может вытеснить чувство Прекрасного из человеческой души. Но если на пути к совершенству придерживаться разумного воздержания, не пострадает ни одна черта человеческого характера, напротив, все они заиграют еще более яркими красками.

Основание должно быть твердым, иначе оно не может служить опорой. Для всего, что несет на себе тяжесть и определяет внешнюю форму, нужна жесткость. Тело человека мягкое. Если бы не твердый скелет, оно превратилось бы в бесформенную массу. Такой же должна быть и основа познания, основа радости. Познание, лишенное прочной основы, превращается в бессвязный бред: беспочвенная радость смыкается с безумием.

Воздержание — вот надежная основа. Оно предполагает здравый смысл, силу, самоотречение, равно как и беспощадную строгость. Оно, как божество, одной рукой создает, другой — разрушает. Трудно научиться воздержанию, но если оно войдет в кровь и плоть, его не искоренить; между тем воздержание необходимо для того, чтобы в полной мере наслаждаться Прекрасным. Человек несдержанный уподобляется ребенку: еда у него попадает не столько в рот, сколько на одежду и на пол. Погрязнув в наслаждениях, мы перестаем ощущать всякое удовольствие.

Прекрасное — отнюдь не плод необузданной игры фантазии. Никто не поджигает дом, чтобы затеплить светильник. Огонь надо поддерживать умело, иначе при первой небрежности он вы-

рвется на свободу. Сказанное можно отнести и к желаниям. Пламя их необходимо для восприятия Прекрасного, но если не держать его в узде, оно может спалить Прекрасное. Так, срывая цветок, мы тем самым губим его, а затем бросаем в пыль.

Прекрасное часто находится там, куда стремится наше неутоленное желание. Плод хорош не только тем, что полезен, — прекрасен его вкус, аромат, вид. Конечно, проголодавшись, мы съели бы его, даже если бы он и не был красив. Но как бы ни терзал нас голод, мы оцениваем плод не только с точки зрения его пользы, но и с точки зрения эстетической. Прекрасное не входит в необходимое — оно существует сверх необходимого.

Как же на нас воздействует Прекрасное? Оно ослабляет пути желания, связывающие наш дух, не дает ему стать нашим единственным божеством. Голод, ужасный, как богиня Дурга, озаренная пламенем, приказывает нам: «Ешь! В этом вся земная премудрость». Но в тот же миг улыбающаяся Лакшми Прекрасного облегчает бремя необходимости и притупляет остроту голода. Замокнув необходимое в подвал, она готовит пиршество радости в верхних покоях.

В удовлетворении насущных потребностей есть что-то унижительное. Но Прекрасное — выше необходимости, и оно избавляет нас от этого чувства унижения. Прекрасное вносит благородство в процесс удовлетворения желаний. Вот почему необузданные прежние варвары ушли в прошлое, а их место заняли люди, умеющие сдерживать себя, вот почему те, кто повиновался только велениям своей плоти, признали над собой власть любви. Теперь, даже голодные, мы не станем есть, как животные. Мы должны соблюдать хоть минимум пристойности, не то пропадет аппетит. Потребность в еде не отпала, но цивилизация смягчила ее. Мы упрекаем детей: «Не ешь так жадно, обжора. Смотришь противно!»

Прекрасное удерживает наши желания в определенных рамках. Благодаря ему мы связаны с окружающим миром не только цепями необходимости, но и узами высшей радости. Цепи необходимости — символ нашего угнетения, нашего рабства; узы высшей радости — символ нашей свободы.

Итак, ясно, что Прекрасное учит воздержанности. Оно дает животворную силу, помогающую побеждать плотские влечения. Человек не откажется от невоздержанности как от зла, но его оттолкнет ее безобразное обличье. Прекрасное не только приобщает к культуре, оно, как мы уже сказали, учит сдерживать свои чувства, а сдержанность помогает наслаждаться Прекрасным. В душевных метаниях не оценить Прекрасного. Истинную красоту любви может познать только преданная жена, но не блудница. Верность в любви требует воздержания, но только с помощью ее можно постичь сокровенную прелесть любви. Что же произойдет, если наша любовь к Прекрасному будет лишена сдержанности, присущей верной жене? Наша любовь не сможет тогда постичь Прекрасное, опьянение она примет за настоящую радость, един-

ственное, что могло бы даровать ей прочное спокойствие, не зависящее от перипетий судьбы, останется чуждым для нее. Подлинно Прекрасное доступно только сдержанному, оно скрыто от алчущего. Обжора не может оценить вкуса еды.

NB *Основолополагающей способностью в художественно-эстетическом развитии является искусство видеть, слышать, чувствовать:*

- я смотрю на мир и вижу его проявления;
- я слушаю звуки и учусь слышать музыку тишины;
- я ощущаю мир вокруг и при этом учусь чувствовать и любить всех.

Искусство видеть — это значит прежде всего почувствовать и пережить то открытие, которое каждый делает для себя, когда видит то, куда не проникает его зрение физическое. Видеть и воспринимать — это значит учиться эмоциональному общению, перевоплощению, нравственному переживанию, умению уподобляться, «вливаясь» в художественный образ, а значит духовно развиваться, обогащая собственный внутренний мир фантазий, образов, размышлений, чувств.

Можно сколько угодно стоять перед великолепным произведением искусства, слушать чудесную музыку, быть лицом к лицу с красотой природы и в результате ничего не почувствовать, не понять, не увидеть. А причины могут быть в следующем — не раскрытое в детстве восприятие красоты, не воспитанные чувства, не развитые внимание, наблюдательность, чуткость и восприимчивость.

Поэтому не только воспитанию красотой, но и развитию восприимчивости, впечатлительности, чуткости мы должны уделять должное внимание, а также развитию творческого начала в каждом ребенке.

Попробуем порассуждать, что такое творчество: побудитель талантов? Чтобы понимать красоту, ее надо воспринимать, а чтобы творить — надо ею вдохновиться.

Восприятие — это как вдох, но любой вдох—дохновение — требует выдоха. Таким выдохом становится творческое самовыражение, как бы отдача того, что воспринял человек, пропустил через себя (свои органы чувств), осмыслил, оценил и оформил, выразил по-своему. Вот и назовем это «дыханием творчества».

Когда человек что-то творит, он попадает в невидимое для окружающих пространство и теряет ощущение, где он находится в этот момент и сколько времени прошло, — он весь в своей идее, в своих образах. В этом творческом состоянии человек испытывает огромное удовольствие, эстетическое наслаждение. И для того чтобы люди увидели и поняли то же, что и он (художник), ему необходимо мир его воображения сделать зримым. Так художник создает произведение искусства. А зритель, воспринимая произведение, тоже попадает в этот поток образов и как бы сам начинает творить мысленно совместно с художником, получая при этом ту же радость узнавания, радость сотворчества...

Царь Паушья молвил сыну мудреца Утанке: «Войди во дворец, там ты узришь царицу». Утанка вошел, но не увидел царицы. Только чистому душой дано узреть Красоту. Утанка же не был чист.

Перед нами богиня красоты и величия, царящая во вселенной, но мы не увидим ее, если нечисты душой. Если мы утопаем в роскоши, опьяняемся вином плотских желаний, светлая владычица вселенной скрыта от наших глаз.

Я не хочу проповедовать мораль. Хочу только напомнить о радости, доставляемой искусством, тем, что англичане называют «Арт». Воздержание, учат наши шастры, нужно не только для того, чтобы вести праведную жизнь, но и для собственного счастья. Счастье дается только сдержанному. Хочешь, чтобы твои желания сбылись, научись сдерживать их. Хочешь наслаждаться красотой, подави в себе жажду наслаждений, сохраняй чистоту и спокойствие духа. Не умея обуздать желание, мы ошибочно принимаем его исполнение за постижение Прекрасного. Цепляясь руками за духовное начало, мы думаем, что завладели им. Вот почему я утверждаю: воздержание подготавливает нас к восприятию Прекрасного.

Скептики могут спросить: «А не слишком ли вы идеалистичны в своих рассуждениях?» К этому они добавят, что видели много талантливых людей, творцов Прекрасного, которые отнюдь не отличались воздержанностью. Их жизненный путь явно не заслуживал подражания.

Оставим пока обвинение в идеалистичности и посмотрим, насколько верен этот последний довод. «Почему мы так верим фактам?» — хочется мне спросить. «Потому что они самоочевидны», — последует ответ. Но ведь иногда то, что представляется нам неоспоримым фактом в жизни людей, в большей своей части скрыто от нас. Увидев лишь ничтожную часть события, мы думаем, что увидели его целиком. Поэтому одно и то же событие некоторые рассматривают как положительное, другие — как отрицательное, порою даже не находят в нем ни единого светлого пятна.

Одни говорят, что Наполеон — бог, другие — что он чудовище. Одни называют Акбара великим благодетелем народа, другие считают, что именно с него начались бедствия для индусской части населения. Одни утверждают, будто кастовая система сохранила индусское общество, другие — будто она погубила его. При этом все ссылаются на факты.

И верно, в человеческих поступках много противоречивого. Противоречия в видимой части события имеют свое объяснение в его незримой части. Истина не столько плавает на поверхности Явного, сколько находится в глубине Тайного, потому-то она вызывает так много споров и разногласий; потому-то на одно и то же событие ссылаются противоположные стороны.

Нельзя, подметив какой-нибудь недостаток у гения, повсюду трубить об этом и тут же делать скоропалительный вывод, будто творения искусства порождаются бессилием, суетностью, несдержанностью. Мало того, что свидетелями выступают факты, надо, чтобы на суде присутствовал главный свидетель. Из преуспевания разбойничьей шайки нельзя делать вывод, что разбой — лучшее средство для преуспевания. Мы можем только предполагать, что

успехи разбойников объясняются их сплоченностью, тем, что они придерживаются честных правил по отношению друг к другу. Когда же разбойники потерпят неуспех, мы не станем искать объяснения в их сплоченности, мы будем искать объяснения в насилиях, которые они совершают по отношению к другим, в попрании моральных принципов. Если торговец сперва заработает, а затем промотает большие деньги, мы не скажем, что деньги могут зарабатывать все те, кто их проматывает. Мы только скажем, что пока торговец зарабатывал деньги, он проявлял расчетливость, осмотрительность, сдержанность. Потом же страсть к мотовству пересилила в нем расчетливость.

Талантливые художники — настоящие подвижники в своей области. Здесь нет места для произвола, здесь идет напряженная духовная работа и господствует самоограничение. Мало найдется таких волевых людей, которые ни на шаг не отклонялись бы от своих жизненных принципов. Где-нибудь да будет срыв. Все мы стремимся от несовершенства к совершенству и не останавливаемся, пока не достигнем вершины. Создать великое помогает верность духовным принципам, а не отход от них. Талант художника проявляется в его творениях, а не в его жизненных ошибках. Мучительное искушение иногда заставляет его идти против собственных убеждений. Созидание требует подавления страстей; когда же они вырываются наружу, начинается разрушение. Чтобы постичь истину, надо обуздать свои чувства, но, чтобы поверить в ложь, их незачем сдерживать.

«Могут ли в одном человеке уживаться способность к созданию Прекрасного и несдержанность, — зададут мне вопрос. — Ведь тигр и корова не ходят к одному водопою».

«Да, они не ходят к одному водопою, но только после того, как становятся взрослыми, — отвечу я. — Тигренок преспокойно играет с теленком. Но взрослый тигр нападает на корову. Поэтому при его появлении она обращается в бегство». Зрелое чувство Прекрасного несовместимо с взрывами страстей, несдержанностью желаний. Между ними непримиримая вражда.

«Почему непримиримая вражда?» — возможно, поинтересуетесь вы. На это есть своя причина. Вишвамित्रа создал свой мир в борении с божеством. Мир этот был порождением его гнева и гордыни, поэтому он не слился с миром богов. Хаотичный и обособленный, он не смог приспособиться к движению вселенной и в конце концов погиб, испытывая мучения сам и причиняя их другим.

Необузданная страсть содержит в себе нечто противное миру богов. Она вступает в раздор с окружающим миром. Наш гнев, как и наша алчность, видят все в искаженном свете: малое представляется им великим, великое — малым, преходящее — вечным, вечное же ускользает от их внимания. Объект, на который направлена наша страсть, вырастает до гигантских размеров, заслоняя в наших глазах великие истины мира, заслоня солнце,

луну и звезды. Так наша страсть приходит в столкновение с божеством.

Представьте себе: перед вами река. У каждой волны — свой гребень, но все они текут к одному морю, и их согласный плеск сливается в единую песню. Одна волна не мешает другой. Но вдруг где-то образуется завихрение; бешено пляшущий водоворот преграждает поток и даже тянет на дно. Он не может остановиться и в то же время не движется вперед.

Несдержанное желание вырывает нас из естественного потока жизни и заставляет вертеться на одном месте. Наш дух начинает кружиться, как привязанный, вокруг одной точки, стремясь принести в жертву все, что у него есть, и погубить все чужое. Кое-кто видит нечто прекрасное в таком безумии. Мне кажется, что европейская литература черпает свое вдохновение в этом неистовом разгуле страстей, бесплодных и неумных. Но для нас это не образец для подражания, а недостаток, даже извращение. Человек с широким взглядом на вещи отмечает многое из того, что нравится человеку с узким кругозором. Пьяному мнится, что он в райской обители, но, протрезвев, он поймет все безобразие окружающего. Как бы ни пылала в нас страсть, ее безобразие тотчас обнаружится, едва она предстанет на фоне всего необъятного мира. Человек, не умеющий трезво сопоставлять малое с великим, частное с целым, принимает нездоровое возбуждение за радость, уродство за Прекрасное. Прекрасное для своего понимания требует душевного спокойствия. Его нельзя постичь без воздержания.

Каков же путь, ведущий к полноценному восприятию Прекрасного?

Цивилизованные народы отвергают то, что казалось варварам прекрасным и достойным восхищения. Это происходит потому, что их разум и наш разум стоят на разных ступенях развития. Мир цивилизованного человека велик и внешне и внутренне, в пространстве и времени и отличается большим разнообразием. Поэтому не может быть одного мерила для мира цивилизации и варварского мира.

Человеку, несведущему в живописи, нравится пестрота красок на холсте, гладкость и округленность изображаемых форм. У него недостает широты восприятия, нет высокого дара суждения, который контролировал бы восприятие. Он видит лишь то, что лежит на самой поверхности, не глубже. Страж, стоящий у входа в царский дворец, с его бородой и значком, кажется человеку невежественному важной особой и вызывает его восхищение. У него даже не возникает желания пройти сквозь ворота, чтобы побывать в царском дворце. Но не так легко обмануть умного человека. Он знает, что дворцовый страж для того и наделен величием, чтобы оно было замечено всеми. Величие же царя заметить не так просто, его надо постигнуть умом. Это свидетельствует о том, что в величии царя есть подлинная мощь, спокойствие и глубина.

Знаок не восхитится пестротой красок на полотне; он будет искать сочетание между главным и второстепенным, между передним и задним планом. Пестрота бросается в глаза, но красоту гармонии надо постигать разумом. Она требует пристального внимания, именно потому она и доставляет большее наслаждение.

Часто встречаются талантливые люди, избегающие убожества внешней красоты. Их творения отмечены печатью суровости. К их дхрупаде не примешана мелодия кхеял. Их наружная строгость отпугивает толпу, в то время как избранные люди черпают безграничную радость в высокой одухотворенности их созданий.

Для глубокого понимания Прекрасного недостаточно созерцания, нужно еще духовное видение, а для того чтобы его выработать, требуется особая наука.

Духовное восприятие зависит от многих факторов. Чувства, например, во много раз расширяют восприятие, основанное на голом рассудке. Этика открывает еще более широкие возможности. А духовное видение делает наше восприятие безграничным.

Прекрасное доставляет большое наслаждение, если трогает душу. Даже красота цветов не пленяет нас так, как человеческое лицо, ибо оно прекрасно не только своей формой, но и тем, что отражает глубокую мысль, вдохновение, жар сердца. И потому оно имеет над нами такую власть.

Лучшие из людей воплощают в себе божественное Добро на земле; они затрагивают глубочайшие тайники наших сердец, которые без них так бы и остались непотревоженными. Вот почему благородство принца, который покинул царство ради своих подданных, прославляется во множестве стихов и картин.

Здесь меня опять прервут скептики. «Вы начали с Прекрасного, а перескочили на мораль, — скажут они. — Зачем смешивать эти два понятия? Добро есть Добро, Прекрасное есть Прекрасное. Красота и Добро воздействуют по-разному, поэтому их и называют разными словами. Добро привлекает своей пользой, а чем нравится Красота, мы и сами не знаем». Тут я должен возразить: сказать, что Добро есть добро потому, что приносит пользу, значит сказать далеко не все; истинное Добро не только удовлетворяет нашу насущную потребность, оно, кроме того, прекрасно и содержит в себе неизъяснимую притягательную силу. Философы проповедуют свою концепцию Блага, исходя из мировой необходимости, поэты же раскрывают его в облике Прекрасного.

Конечно, нельзя назвать Благо Прекрасным лишь потому, что оно удовлетворяет наши потребности. Рис, одежда, зонтик, обувь — вещи, безусловно, полезные, но они не вызывают у нас трепета, который мы ощущаем пред ликом Прекрасного. Но когда мы слушаем рассказ о том, как Лакшмана ушел в лес вместе с Рамой, в нашей душе начинает звучать музыка, будто кто-то незримо перстами касается струн вины. Их преданность заслуживает того, чтобы ее запечатали в бессмертных словах, в строках поэм. И не только потому, что братская любовь полезна для общества, а потому, что она

прекрасна сама по себе. Между Благом и окружающим миром существует глубокая гармония, есть такая скрытая связь между Благом и душами людей. Заметив полное соответствие между Истиной и Благом, мы уже не сомневаемся, что Благо прекрасно. Прекрасно сострадание, прекрасно милосердие, прекрасна любовь. Любовь сравнивают со столепестковым лотосом, с полной луною, она гармонична сама по себе и в то же время полностью гармонирует с миром окружающим. Она гармонирует с вселенной, и вселенная гармонирует с ней. В наших пуранах Лакшми предстает не только как богиня Красоты и Богатства, но и как богиня Добра. Прекрасное — это законченное выражение Добра, Добро же — законченное выражение Прекрасного.

В чем общность Добра и Прекрасного? Мы уже говорили, что Прекрасное выше необходимого. Поэтому мы считаем, что истинное богатство — в Прекрасном. Освободившись с его помощью от скудости корыстолюбия, мы находим истинную свободу в любви.

Такое же подлинное богатство мы видим и в Добре. Когда герой жертвует своей выгодой, даже самой жизнью, во имя высокого идеала, этот подвиг, достойный восхищения, возносит его над нашими горестями и радостями, над узкими личными интересами, над повседневностью. Добро одарено таким внутренним богатством, что оно легко преодолевает потери и страдания. Оно стоит выше своекорыстных интересов. Добро, как и Прекрасное, побуждает нас к самопожертвованию. Прекрасное раскрывает богатство Всевышнего в природе, Добро же — в жизни людей. Добро доносит Прекрасное до людей не только более наглядно и рационально, но также и с большей широтой и глубиной. Оно очеловечивает божественное начало. В сущности, в самой природе Добра заключено Прекрасное; оно настолько близко и знакомо нам, что мы с трудом можем осознать Добро как Прекрасное. Когда же мы это поймем, наша душа наполнится восторгом, как река в половодье. И ничто на свете уже не кажется нам замечательнее.

Кому не приятно, когда пиршественный стол украшен гирляндами цветов, светильниками, золотой и серебряной посудой. Но если хозяин встретит гостей холодно, без должного уважения, им не понравится все это пышное убранство, ибо подлинное богатство — в сердечности и щедрости души. Добрая улыбка, ласковое слово, приветливое обращение — вот что делает простые банановые листья дороже золотых блюд. Конечно, так думают не все. Найдется немало людей, готовых пойти на унижение, лишь бы побывать на роскошном пиру. Люди эти не понимают, в чем заключается цель и красота пиршества, которое устраивается не ради самой еды и украшений. Эгоистичный человек сам не знает своих сил; он похож на цветок, сомкнувший лепестки. Но едва он вступает на путь служения другим, как его душа распускается в прекрасном единении со всем миром. Тому, кто не видит глубокого внутреннего смысла пира, самым важным кажется изобилие

яств и напитков, ослепляющий блеск роскоши. Несдержанность в желаниях, алчность и чревоугодие мешают такому человеку ясно увидеть величавую красоту самого обряда.

«Милосердие — украшение сильного», — поучают шастры. Но не каждому дано понять красоту силы, которая проявляется в прощении. Глупец прежде всего уважает силу разрушающую и карающую.

Застенчивость украшает женщину. Но только человек с глубоким восприятием Красоты может заметить прелесть ее стыдливости, презрев блеск дорогих украшений. Вода, бегущая в узком протоке, волнуется и кипит; но, влившись в широкий простор океана, она обретает спокойствие. Обозреть этот океан Красоты можно только с возвышения. Чтобы выработать в себе умение смотреть широко, нужен внутренний покой и сосредоточенность.

Наши древние поэты, не колеблясь, воспевали красоту беременной женщины. Но европейский поэт видит в беременности что-то постыдное и унижающее. В самом деле, внешность женщины, ожидающей ребенка, отнюдь не радует глаз. Но она выполняет свое высшее предназначение, и весь облик ее как бы озарен сиянием материнской гордости. Пусть ее внешность и не так приятна для глаз — тем большее уважение вызывает к себе женщина.

Легкое облачко, лишенное влаги, бесцельно скитается в просторах неба. Вот на него упали лучи заходящего солнца — и оно вспыхнуло ослепительными красками. Тяжелая, похожая на большую черную корову дождевая туча почти не двигается, она словно застыла на месте. Она не сияет красками, но невольно привлекает к себе все взоры. Темная синева грозовой тучи несет в себе прохладу для раскаленной земли и влагу для пересохших пажитей и обмелевших рек. Поэтому она прекрасна в своей благодатной щедрости. Было бы вполне естественно, если бы посланцем от якши, томящегося в изгнании, Калидаса отправил весенний ветер, который обычно дует с юга и не встречает никаких препятствий на своем пути: он уже делал это в других своих произведениях. Но поэт все-таки выбрал облако начала дождей. Ведь это облако, охлаждающее жар земли, не только должно было передать послание возлюбленной якши — оно щедро дарило свою красоту всему, над чем пролетало: рекам, лесам и горам. Оно видело, как расцветают цветы кадамбы, как наливаются плоды джамбу, слышало курлыкание журавлей и плеск полноводных рек в прибрежных камышах, и, казалось, само небо времени дождей ласково отвечало на безмятежные, полные любви взгляды поселянок. Связав полет облака-вестника с благом всей земли, поэт удовлетворил свою жажду Прекрасного.

Поэт «Рождения бога войны» не изобразил соединение Шивы и Парвати посреди дождя цветочных стрел любви, на неожиданном празднестве весны. Он сначала притушил бушующий огонь, рожденный взаимным влечением, лишь потом соединил их. Поэт хотел, чтобы любовь Гаури нашла свое прекрасное выражение в

пламени подвижничества. То же повторяется и в «Шакунтале». Царственная чета соединилась лишь после того, как возлюбленная уже стала матерью, волнения страсти растворились в страданиях, и раскаяние царя обрело прощение Шакунталы. Первая встреча принесла беду, вторая — спасение. И в поэме, и в пьесе Калидаса не пользуется богатой палитрой цветов, вина его звучит сдержанно; это помогает ему создать законченный образ Прекрасного, озаренный сиянием Добра и Мира.

Прекрасное, если оно совершенно, не терпит многословия. Яркие краски и пьянящий аромат цветка сменяются тайной прелестью плода; эта метаморфоза знаменует слияние Красоты и Блага.

Для того, кто понял это единение Красоты и Блага, Прекрасное несовместимо с роскошью и чувственными наслаждениями. Его скромность и непритязательность проистекают не от недостатка эстетического чувства, а скорее от его избытка. Где теперь увеселительные сады Ашоки? От его дворца не осталось даже основания. Но до сих пор высятся в Бодха Гаяя колонны и ступа, воздвигнутые царем у смоковницы Будды. Они сохраняют художественную непреходящую ценность, ибо Ашока построил их не для прославления мимолетных земных наслаждений, а для того, чтобы возвеличить божественного Будду, указавшего человечеству путь к избавлению от страданий. Много храмов и других священных памятников искусства осталось в Индии, но роскошные дворцы индийских царей исчезли, как в воду канули. Не случайно почти все памятники искусства находятся не в больших городах, а среди лесов, в неприступных горах, на пустынном морском побережье. В этих творениях человек выразил свое изумление, восторг и благоговейный трепет перед тем, что выше его. Красота, созданная руками людей, взывает к еще большей красоте; величие повествует о еще большем величии.

Человек как бы говорит своим искусством: «Узри того, кто подлинно прекрасен и велик». Он не восславляет наслаждений, которые извещал при жизни, но его величие пережило смерть.

С какой бы пышностью ни украшали свои дворцы древние индийские владыки, народ не захотел сохранить их с благоговением. Теперь они смешались с прахом тех, чью славу должны были превозносить. Но мы сберегаем памятники искусства, прославляющие божественное Добро, даже если они труднодоступны для нас. Между Добром и Прекрасным, между Вишну и Лакшми — полное тождество. Эта мысль незримо присутствует во всех цивилизациях. Несомненно, придет день, когда Корысть перестанет губить Прекрасное, когда его больше не будет терзать Зависть, а Чувственность не сможет опошлять. Тогда оно воссияет в неизреченной чистоте, посреди Добра и Мира. Прекрасного не постичь, если не отделить его от низменных влечений и страстей. Неполное, отрывочное восприятие, которым страдает человек неподготовленный, не умеющий владеть собой, не утоляет жажду, а толь-

ко разжигает ее; оно не насыщает, а лишь одурманивает и портит аппетит.

Поэтому некоторые философы советуют держаться вдали от Прекрасного. Опасаясь потерь, они закрывают дорогу к обогащению души. Но истина заключается в том, что для полноценного восприятия Прекрасного надо воспитывать в себе воздержание. Именно в этом, а не в том, чтобы бесплодно иссушать дух, и состоит цель брахмачарьи.

Меня могут спросить: «Для чего добиваться совершенства? Зачем оно?» Нетрудно понять, для чего человек трудится, для чего приобретает знания, но зачем ему дано чувство Прекрасного? Чтобы ответить на этот вопрос, я бы хотел кратко остановиться на том, для чего существует Прекрасное.

Когда мы воспринимаем Прекрасное с помощью чувств, оно кажется совершенно очевидным. В этом случае между Прекрасным и тем, что не прекрасно, есть четко очерченная разница. Но когда мы оцениваем Прекрасное рассудком, мы уже не можем провести такую четкую линию между этими двумя понятиями. И тогда то, что затронуло наши сердца, может не привлечь нашего внимания. Радуюсь стройной внутренней гармонии между началом и концом, главным и второстепенным, а также между отдельными частями целого, мы уже не придаем прежнего значения внешней красоте. Понятие Блага еще больше раздвигает границы нашего мышления, оно стирает разницу между Прекрасным и Непрекрасным. Прекрасным становится то, что воплощает Добро. Там, где сияет свет сдержанности, мужества, милосердия и любви, пышность и пестрота красок оказываются неуместными.

В поэме «Рождение бога войны» Шива предстает перед Умой, исполняющей обет подвижничества, в другом облике. Не узнавший ею, он поносит свою красоту, свои достоинства, возраст и богатство, на что Ума ему отвечает: «Я вижу лишь духовную суть моего повелителя». Этого ей достаточно, чтобы чувствовать блаженство. В сфере духовного отпадает необходимость деления на Прекрасное и Непрекрасное.

Но и в Добре скрыто противоречие. Понятие Добра предполагает столкновение двух начал — Добра и Зла. Однако эта двойственность не является конечной целью, река течет между двух берегов, но там, где ее конец, начинается единое безбрежное море. В этот миг исчезает ее двойственность. Чтобы зажечь огонь, надо потереть два куска дерева друг о друга. Как только вспыхнет пламя, трение прекращается. Загораясь от искр, порожденных трением противоположностей — Добра и Зла, Радости и Горя, чувство Прекрасного освобождается от половинчатости и зыбкости. И тогда двойственность исчезает, уступая место Красоте. Истина и Прекрасное сливаются в тождественное понятие. Отсюда можно заключить, что радость порождается правильным восприятием Истины. В этом и есть Высшая Красота. Где же можем мы найти Истину в этом беспокойном мире? Мы можем найти ее там, куда

устремлен наш дух. Случайные прохожие для нас всего лишь тени, они не доставляют нам никакой радости, так как мы воспринимаем их как нечто эфемерное. Гораздо важнее для нас единственный друг. Он для нас — реально существующая Истина. В мысли, что у нас есть друг, мы находим большое утешение. Чужая страна для нас всего лишь географическое понятие, но его народ готов отдать за нее жизнь. Он рад умереть за свою родину, потому что познал ее истинный облик.

Наука отпугивает глупца, но ученому она доставляет счастье: он посвящает ей всю свою жизнь. Мы радуемся, постигая Истину. Если же радости нет, это означает, что мы только знакомы с Истиной, но не сумели постичь ее. Истина, бесспорная для нас, — всегда источник радости и любви. Усвоив это, мы можем считать, что восприятие Прекрасного и восприятие Истины — одно и то же.

На этом, сознательно или несознательно, строится все мировое искусство: литература, музыка, живопись. Поэт, музыкант, живописец ярко изображают Истину. Поэт раскрывает нам глаза на то, чего мы ранее не замечали и что поэтому не было для нас Истиной, тем самым он раздвигает для нас границы царства Истины, царства Радости. Каждый день литература делает достойным искусства все будничное и незаметное; в обыденности она открывает гордое могущество Истины. Она превращает в близкого друга того, кто был лишь нашим знакомым, облакает привлекательностью то, по чему мы небрежно скользили взглядом.

В *Изображая поэтическое состояние природы, рисуя музыку или выражая через рисунок свое представление о Счастье, Боге, Совести, о своем внутреннем мире, о Добре и Зле, Красоте и Безобразии, человек самовыражается, у него развивается интуиция, то есть происходит прорыв в состояние открытия иного мира, нового качества. Красивая, возвышенная музыка, прекрасные художественные образы пробуждают в человеке самые тонкие вибрации, самые прекрасные человеческие чувства, в это время он становится проводником божественного замысла о мире и сам начинает чувствовать потребность писать стихи, музыку, картины. Такое творчество необыкновенно и гармонично, потому что человека переполняют прекрасные чувства. Через умение видеть, сопереживать и происходит осознание себя частичкой Вселенной, приходит знание и понимание мира и его законов.*

Жить в гармонии с природой — значит поменьше наносить ей ущерба и работать творчески, чтобы заполнить пространство чистыми мыслями, светлыми благотворными образами. Сначала именно внутренне надо обрести чистоту: в мыслях, чувствах, желаниях, взглядах, словах, поступках; надо быть действительно внимательным, сознательным, мудрым и любящим. Чем бы вы ни занимались, даже если вы просто гуляете по лесу, необходимо привести себя в состояние творческого внимания и гармоничной деятельности. Мы знаем, что красота сама по себе уже возвышает, облагораживает человека. Платон говорил: «Созерцая прекрасное, мы возвышаем себя». Благодаря красоте люди интуитивно начинают тянуться к добру еще до того, как идея добра будет ими осмыслена и воспринята. А союз красоты и добра приводит к истине.

Один современный поэт сказал: «Истина есть Прекрасное, Прекрасное есть Истина». Наша светлоликая богиня Сарасвати, стоящая на лотосе, воплощает в себе и Красоту, и Правду. «Упанишады» говорят, что ее благодный образ, дарующий радость, отражается во всем зримом. От пыли, которую мы топчем своими ногами, до небесных звезд — все есть Истина и все прекрасно; все есть воплощение благотворной радости.

Литература призвана раскрывать радостный и живительный образ Истины. Но выразить Истину в литературе мы можем лишь тогда, когда чувствуем ее сердцем, не только видим, а и сознаем рассудком.

Что же такое литература? Искусство или самораскрытие? Литература есть творчество. Сердце, одаренное щедрым богатством, выражает в словах, созвучиях, красках это чудо, эту радость самораскрытия. Так рождается литература, музыка, живопись.

Человек воздвиг грандиозные пирамиды среди бескрайних песков. В прибрежных скалах пустынного острова он высек пещеры — памятник высочайшего художественного мастерства; это пещеры Элефанты около Бомбея. За сотни миль привез он камни на восточный берег, где величаво всплывает солнце из океанских пучин; там он возвел канатакский храм. Человек оставлял свои творения везде, где прозревал чистый, радостный, животворный образ Истины. Эти творения — скульптуры, храмы, святыне места, города.

И литература — тоже творение, оставленное им. Любое место, на которое ступает нога человека, он освящает своими словами, делая его достойным других людей.

Человек оставляет свое удивительное наследие на воде, земле, и в небе, и в любое время года, он оставляет свое наследие в практических делах, в истории и религии — и везде он зовет обратить взор к прекрасному лику Истины. Это его наследие становится все богаче и богаче, а призыв звучит с нарастающей силой. Трудно даже себе представить, как узок был бы сегодня наш кругозор, если бы человек не оставлял отпечаток своей души в литературе. Только благодаря литературе мир осязаемый, видимый, слышимый стал достоянием нашего духа. Литература озарила мир светом человеческого сердца.

Между покоем и движением существует гармония, гласит истина. Другая истина говорит, что следствие вытекает из причины. Эти истины мы почерпнули из науки. Но только литература возвещает, что Истина — радость, что Истина — животворящее начало. Литература без устали повторяет слова «Упанишад»: «Она — суть всего. Постигнув эту суть, человек достигает блаженства».

МЕТОД ОБУЧЕНИЯ*

По приезде сюда я был намерен внимательно ознакомиться со здешними учебными заведениями, и если окажется, что в них есть что-то, что можно применить в нашей стране, постараться сделать это. Я присматривался сам к тому, что видел, и широко пользовался литературой, посвященной вопросу образования.

Некоторые говорят, что образование не должно быть чрезмерно трудным. Другие, наоборот, утверждают, что если в обучении детей не будет достаточно трудностей, то дети не смогут стать полноценными людьми, полезными для общества и пригодными к жизни. Сторонники первой точки зрения говорят, что самый лучший способ обучения — это способ запоминания посредством зрения, слуха и памяти. Другая группа, возражающая этой точке зрения, утверждает, что наилучшие результаты дает система свободного воспитания. В действительности спор между этими двумя точками зрения никогда не может быть разрешен, так как противоречия, отражением которых он является, находятся в самой природе человека. Как счастье, так и горе учат человека. Если не направлять человека в процессе его обучения, он не сможет заниматься. И наоборот, если он не будет обладать какой-то самостоятельностью, он точно так же не сможет заниматься успешно. С одной стороны, нужно дать человеку возможность приобретения необходимых обязательных знаний; с другой стороны, пусть он сможет овладевать знаниями и посредством собственной инициативы. Между этими двумя способами нужно найти какой-то промежуточный путь. Правда, сделать это очень трудно, жизнь никогда не течет прямолинейно. Она всегда течет зигзагообразно в результате сложного воздействия на нее как внутренних, так и внешних моментов. Жизнь не течет подобно воде, идущей по прямому каналу, созданному руками людей. Следовательно, средний путь — это не прямая линия, ему также приходится лавировать. Положение, которое занимает сейчас центральная линия, в других странах и в другое время становится крайней линией. То, что является самым крайним путем для одной нации, для другой — средний путь.

В результате разных закономерностей в жизни человечества иногда происходят войны, иногда длится мир, иногда приходит

* Опубликовано в 1911 г. (I, т.8, с. 385—393).

богатство, а порой — нищета. Иногда человечество вдруг становится безумным от сознания своей собственной силы, а порой смиряется со своим собственным безумием. В таком положении, будучи склонно ударяться в крайности, человечество нуждается в хорошо поставленном образовании, чтобы выправлять все эти уклоны и колебания. Если человеческий характер, несмотря ни на что, продолжает оставаться сильным и живым, тогда сами его внутренние силы подсказывают человеку правильный путь, правильную линию поведения. Человек, который сохранил контроль над своим телом, получив внезапный толчок, может сбалансировать и амортизировать этот толчок, устояв на ногах. А тот, кто не может владеть своим телом, скажем, пьяный, получив хотя бы слабый толчок, легко падает и остается лежать. В Европе существуют разные методы образования, которые ставят своей целью вырастить из детей настоящих членов общества. По мере того как ум ребенка пробуждается посредством знаний, опыта и впечатлений, меняется и метод обучения.

Следовательно, метод обучения надлежит менять по мере развития ума. Но скорость, с которой движется ум по пути познания, различна. Нам ее не всегда можно установить. Поэтому нельзя определить какой-то один основной метод на все случаи жизни. Когда это пытаются сделать разными способами, то неизбежно приходят к неудачам. Однако, поскольку в этом направлении работает много людей, какая-то система методов обязательно должна будет появиться. Единственный способ открыть эти правильные методы образования — это путь поисков для каждой нации и каждых условий своих методов.

В стране, где дети обучаются в общественных учебных заведениях и где все в жизни определяет твердое правило касты, — там любое отклонение от этих правил угрожает нарушением всеобщего равновесия и человек, нарушивший правила, становится отщепенцем, отвергнутой личностью. Трудно в таких условиях иметь свою точку зрения.

В обществе происходят и неизбежно будут происходить перемены. Но трудно представить себе более опасную для человеческой личности позицию, чем готовность твердо придерживаться всех правил касты, замкнувшись в рамки индуизма. Так, когда спадает вода на реке, в местах, отведенных для купания одних каст, становится мелко, а несколько ниже или выше по реке уровень воды продолжает оставаться достаточно высоким. Однако там места для купания отведены другим кастам. Поэтому эти места для купания одновременно и существуют, и не существуют для нас, так как мы не можем воспользоваться ими. А если кто-нибудь и решится сделать это вопреки правилам касты, он станет отверженным, и все отвернутся от него. То же самое в отношении переправы. Она есть и нет в ряде случаев, так как и здесь действуют кастовые ограничения.

В такой обстановке наше общество не может дать нам образования, которое соответствовало бы требованиям эпохи. Образование, которое оно дает, больше соответствует уровню жизни, существовавшей несколько тысячелетий назад. Следовательно, для нас фактически закрыт путь воспитания и образования, путь, ставящий целью создать нас полезными членами общества. Наша жизнь не отвечает современным требованиям. Наша жизнь как бы застыла на месте. Когда-то на определенном этапе в обществе было проведено разделение на браминов, кшатриев, вайш и шудр. Тогда это было требованием времени. Именно изменение условий в нашей стране породило теперь необходимость отказаться от этой системы, возникшей в других условиях развития общества. Жизнь в своих изменениях сама диктует человеку свои основные положения. Наше общество давно утратило прежний характер. До каких же пор будет наше общество вопреки всему продолжать говорить людям: «Становись брамином! Будь шудрой!» Но теперь люди только внешне подчиняются этим требованиям. Брамин становится брамином, минуя период брахмочарджи. Однако когда одевают священный шнур, выбривают наголо голову и в течение трех дней совершают комедию ритуала. Сегодня брамин уже не может дать людям какое-то подобие обновления при помощи своих обрядов. Единственное, на что он еще способен, — это давать в неограниченном количестве прах из-под своих ног.

Основа кастовой системы в настоящее время совершенно исчезла. Продолжать сохранять эту систему стало невозможно. Но все внешние атрибуты этой системы продолжают оставаться до сих пор. Осталась клетка и осталась цепь в ней, а сама птица, для которой все это существует, — она давно умерла. Мы же продолжаем кидать зерна этой мертвой птице. Но это приносит ей мало пользы и едва ли оживит ее.

Таким образом, получилось так, что мы отделили внешнее выражение общественной жизни от законов развития общества. Из-за этого на каждом шагу нас встречают препятствия, которые чинят нам отжившие, старые силы. Мы не можем делать все, что полагается по требованиям времени, мы не можем даже защищать наше общество. Мы вышли на базар со своим товаром, назвали цены и продаем, но никто не хочет покупать у нас.

Ученик с поклоном дает учителю деньги. Учитель за эти деньги дает ученику наставления на древнем, забытом языке. Ученик не уважает тех знаний, которые ему преподносятся. Он бессилен овладеть ими, так как у него нет ни малейшего желания заниматься. В результате утрачивается всякая вера в истину. Мы даже перестаем стараться сохранять хотя бы внешние приличия. Ничуть не смущаясь, мы говорим даже, что делать можно все что угодно, нужно только не говорить об этом открыто. Известно ведь, что когда человек попадает в затруднительное положение, ему случается совершать некрасивые поступки. Общество всеми силами старается связать человека своими обычаями, правилами и устре-

мать его усилия по привычному, но ложному руслу. Иногда желания человека заставляют его пойти другим руслом, а 90 процентов людей, следуя этому привычному пути и сознавая его ложность, не испытывают ни малейшего смущения, ибо мало среди людей личностей решительных и героических.

Если кто-нибудь вздумает говорить правду, называя истину истиной, а ложь ложью, то такого человека общество обязательно покарает. Поэтому-то в нашей стране могут происходить такие удивительные дела. Люди могут признавать в душе какое-то положение правильным, но в то же время говорят, что в обществе они не смогут свободно применять это предложение. Нам приходится прощать это лицемерие, так как мы хорошо знаем, как трудно бывает осуществлять в жизни то, во что веришь.

Следовательно, там, где между жизнью общества и его предписаниями существует разрыв и где древние законы на каждом шагу мешают движению вперед, — если там и существует какая-то система образования, которая подходила бы во всех отношениях, то там ее все равно нельзя будет применить на деле. Это и ужасно. Эта система есть, и в то же время ее нет, так как на деле ее применить нельзя. Это называется — поддерживать ложь и подрывать ноги истине. А общество никак не желает понять, что дело обстоит именно таким образом. Поэтому обстановка жизни в стране делается совершенно невыносимой.

Эта невыносимая обстановка накладывает отпечаток и на общественные учебные заведения. Кроме них, есть еще государственные учебные заведения. Однако все они созданы по одному шаблону. Цель этого шаблона — унифицировать всю систему образования в стране. Больше всего сторонники этой шаблонной системы опасаются того, чтобы сам народ не создал своего метода образования. Главная цель этой системы образования — расширение своей монополии на духовную жизнь народа. Вот почему эта огромная машина образования стала машиной по подготовке чиновников. Люди готовы потерять массу денег и времени только для того, чтобы получить диплом, но не для улучшения духовного начала человека. Гордость, которую порождает обладание дипломом, — это не гордость духа. Оковы древней системы образования точно так же, как и новые цепи государственного образования, только сковывают наше мышление. Это очень важная проблема. У меня не вызывают особого уважения все эти новые методы, методы, которые служат руководством к тому, как зубрить историю или как сделать увлекательной арифметику. Я знаю, поиски подобных методов — это поиски легкого пути. Не думаю, чтобы можно было восполнить отсутствие достойного человека методами его воспитания. Во всяком случае, сетуя на то, что очень трудно воспитать настоящего человека, мы пытались сделать это посредством различных методов, но до сих пор не могли добиться никакого успеха. Как бы ни старались найти выход из этого положения, все равно неизбежно приходим к выводу,

что только учитель может сделать что-то. Один же только метод как бы хорош он ни был, не может сделать ничего. Человеческий ум всегда находится в состоянии движения, понять его может только тот, чей ум также не неподвижен.

Наша страна с древнейших времен известна своими мудрецами. Именно они при помощи образования уменьшили груз ошибок в этом мире и отдалили невежество смерти. Именно они, эти ученые, несмотря на все препятствия, которые существовали в области образования, нашли верных последователей в своих учениках, пробудив в них жажду знаний. Вспомните, когда в нашей стране было введено образование на английском языке, Дироджие, капитан Ричардсон, Давид Gear — все они были учителями. Они не были сторонниками шаблона в образовании и не считали, что оценка на экзамене — это главное. Тогда не было так трудно попасть в университет. Тогда в университет еще мог проникать свет и воздух. Тогда учитель занимал то место, которое соответствовало его роли.

Как бы то ни было, наша страна должна освободить образование, вывести его за пределы той китайской стены, которая его окружает. Распыление наших сил в политических движениях не дало осязаемого результата. Мы должны направить все свои усилия на дело образования, чтобы взять его в свои руки. В этом главная задача тех, кто желает отдаться целиком благородному делу счастья своей родины. В нашей стране нужно правильно поставленное начальное образование, осуществляемое при помощи преподавателей и системы экзаменов. Это должно стать самой обычной вещью в жизни страны. Когда люди, работающие преподавателями по призванию, будут составлять огромное большинство среди всех людей, занятых преподаванием, именно тогда у нас из поколения в поколение будет расти число ученых. Мы не можем изобретать какой-то особый метод образования только для того, чтобы существовал чисто бенгальский метод. Собственно национальным методом образования можно считать только такой метод, который создает сама нация под влиянием различных условий жизни. Когда прилагаются усилия к тому, чтобы объединить страну под знаком одного идеала, это еще не говорит о создании метода национального образования. Является ли страна независимой или находится под властью какой-то другой державы, — может быть введено такое общее образование, которое хотя и будет общим, но как раз явится пагубным для национального образования.

В отношении образования известна очень важная истина: человек может почерпнуть свои знания только от человека же. Так водоем заполняется водой, огонь зажигается огнем, а душа человека создается душой другого человека. Если вынуть у человека человеческую душу, он уже не будет человеком. Он просто становится каким-то необходимым атрибутом конторы, суда, фабрики или завода. И такое-то существо, не ставшее даже человеком, хо-

NB Немаловажное значение в педагогике имеет качество взаимоотношений между учителями и их подопечными.

Передать опыт знаний, чувств, культуры возможно лишь при чутком сочувствии учителя и ученика. Ведь человек определяется не только мыслью и сознанием, его ведут по жизни и в учении интерес, любовь, жажда открытий, он определяется тем, что и как он умеет любить.

Основная задача педагога в этом процессе не в наполнении памяти ребенка и не в «образовании интеллекта», а в «зажигании сердца». Именно это и называется педагогическим мастерством.

существуют, стало важным моментом для всего дела образования в нашей стране.

Нет более ужасной системы, чем безжалостное, насильственное обучение в детском возрасте. Это не столько дает знания, сколько калечит детские души. При той общественной системе, в которой мы живем, нужен именно такой учитель, который внес бы движение в нашу жизнь. В нашей образовательной системе нужен такой учитель, который освободил бы наши души от пут, связывающих их. Как бы то ни было — мы ищем человека. Нас не спасет ни один врач, пытающийся лечить нас одними методами (даже если эти методы правильны) вместо того, чтобы дать нам настоящего человека.

чет быть учителем других людей. Но так как он не может дать ученику свою душу, он ограничивается тем, что дает ему только уроки. Образование только тогда может циркулировать в обществе подобно крови в теле человека, когда между учителем и учеником имеется духовная близость.

Вообще ответственность за воспитание и обучение детей должна быть на родителях. Но поскольку у родителей, как правило, отсутствуют воспитательные способности, они неизбежно вынуждены принять помощь от человека, который подходит для выполнения этой задачи. Ясно, что учитель не может заменить родителей. Самое ценное в жизни мы никогда не можем получить за деньги. Это можно получить только в обмен на заботу, уважение и любовь к другим. Именно эти чувства могут объединить души учителя и ученика. В настоящее время учителя и то, в каких условиях они су-

ЦЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ*

Один мой друг, знаток в области астрологии, сказал мне как-то, что людям, не представляющим собой ничего определенного, не знающим, где «да» и где «нет» в их жизни, невозможно предсказать судьбу с помощью звезд. Очень трудно понять, какая планета благоприятна для них, а какая — нет.

Когда дует сильный ветер, парусник летит по волнам очень быстро и двухдневный путь проходит за один день. А что можно сказать о бумажном кораблике? Утонет он или будет бежать по волнам, гонимый ветром, — как знать? У кого нет своей гавани, что можно сказать о его прошлом или будущем? К чему стремится он, чего ждет от жизни? Все надежды такого человека, который сам подобен бумажному кораблику, стоят на уровне безнадежности других людей.

Именно эти пагубные черты безнадежности характеризуют жизнь нашего общества. Его жизненным путям также не присуща ясность. Да и сколько времени можно размышлять на тему о том, какими могли и должны мы были бы быть? Линия судьбы на ладони нашей страны выступает нечетко.

Любая надежда придает человеку большую силу. В природе сила не может расходоваться напрасно, поэтому там, где в обществе отсутствует надежда, — там нет и силы. Данные науки говорят, что живые существа, имеющие органы зрения, от долгого нахождения в темноте становятся слепыми. То же самое происходит и в обществе. Наличие силы в обществе при отсутствии всякой надежды так же противоречит природе, как способность видеть при отсутствии света — в темноте. Поэтому, когда нет возможности найти выход, оказывается, что и сил, необходимых для этого, тоже нет.

Поэтому, когда расширяется сфера приложения сил человека, возрастают и его силы. Тогда человек отчетливо видит свой путь и движется по нему вперед. Надежда — это самое большее, что общество может дать человеку. Дело не в том, что не каждый человек в обществе получает полное осуществление этих надежд. Явно или тайно — он всегда стремится к их осуществлению, не снижает усилий. Как и надежды, силы никогда не покидают его. Та-

* Опубликовано в 1912 г. (I, т.8, с. 393—401).

кое положение очень важно для нации в целом. Вот что имеет значение, а не то, какой это народ, большой или маленький, какова его численность. Люди, живущие в обществе, применяют свои силы на деле, используют их на пользу обществу. В этом призвание людей, ибо там, где силы находят выход, там успех становится достоянием общества. Где богатство не зарывается в землю, а идет в дело — там достижения.

В *В современных условиях человек испытывает огромные нервные перегрузки и напряжение. Одним из важнейших средств, помогающих снимать напряжение, как раз и является искусство. Увлекая человека, сосредоточивая его внимание на новых ярких впечатлениях, удовлетворяя духовные потребности, искусство переносит человека в мир таких переживаний и эмоциональных состояний, которые создают эмоциональную разрядку, гармонизируют его.*

Общение с искусством имеет огромное значение в становлении человека вообще, а также в развитии задатков, способностей и личностных качеств. В процессе общения с действительностью и с искусством накапливается масса разнообразных, в том числе и эстетических, впечатлений, которые побуждают затем к творческому самовыражению. Каждому ребенку либо взрослому необходимо испробовать себя, свои способности в различных областях искусства, чтобы ощутить особый подъем духа, творческое вдохновение в радости созидания.

Самый большой секрет в поддержании наилучших условий творческой деятельности заключается в том, чтобы научиться всегда работать с любовью, так как любовь усиливает, оживляет и воскрешает творческие силы в человеке, одухотворяет и устремляет его.

Подросток, отдающий осмысленно часы работы над поэтическим словом, сочинением музыки, пишущий картины, занимающийся творчеством, вырастает увлеченным и культурно развитым. Для него книга, стихотворение, симфония или скрипичный концерт, художественная выставка становятся насущной потребностью.

Обращаясь к высокому строю мысли и чувства, он и свои человеческие, интимные, глубоко личностные отношения может строить поэтически возвышенно, глубоко и красиво, таким образом он приобщается к гармонии, к Прекрасному.

На Западе каждый человек внимает зову своей цели, каждый знает, к чему стремится. Каждый идет к объекту своих стремлений, натягивая на ходу лук и целясь в свою цель. Каждый старается, чтобы его стрела попала в цель, как бы далека и как бы труднодостижима эта цель не была. Каждый стремится только к ней, только к тому, что считает достойным себя.

Мы же не приглашены участвовать в этой стрельбе в цель. Поэтому нам не приходится думать о призах за меткость стрельбы. Нам еще самим не ясно, где наша цель, куда нам стремиться.

Мне приходится слышать такие вопросы: как будем мы учиться, по какому методу, что будем изучать, где, каким образом? Прежде всего нужно смотреть на образование как на естественное, а не как из ряда вон выходящее явление человеческой жизни.

Вопросы — чему мы будем учиться и кем мы станем — связаны между собой. Ведь в сосуд не может войти больше воды, чем его объем.

Мы не можем требовать многого от общества. Жизнь в обществе в свою очередь не очень многого требует от нас. Мы лишь приносим ему дань в форме ежедневных бесполезных и неизбежных дел. Государство также не спешит представить для нас какое-то поле деятельности, где мы могли бы отдаться интересным и важным делам. О чем же можем мы судить, находясь сами за решеткой? И что можно увидеть, глядя на мир сквозь прутья решетки нашей тюрьмы?

Так как поле деятельности закрыто для нас, мы не можем ни проявить нашу готовность идти на жертвы, ни вообще показать на деле, на что мы способны. Если мы хотим подумать о чем-то, оказывается, что мысль мы почерпнули из книги, которую прочли. А если мы пытаемся сделать что-то, то оказывается, мы всегда стремимся следовать за кем-то, идущим впереди нас.

Несчастье нашего общества и в том, что те самые люди, которые ни на минуту не открывают дверцы нашей клетки, день и ночь повторяют, что у нас нет крыльев, что мы все равно не можем летать. Даже птенцам, для того чтобы учиться летать, нет необходимости получать диплом бакалавра искусств. Они учатся летать уже в самом процессе своих попыток. Птенец видит, как летают другие птицы. Поэтому он знает, что он тоже полетит. Он никогда не сомневается в том, что может летать. Такого рода сомнения никогда не отягощают его крыльев. Наше же несчастье в том, что когда в наших силах сомневаются другие и мы не можем доказать им, что они не правы, это сомнение проникает в нашу душу и пускает там глубокие корни. Так, человек, потерявший веру в себя, не может переправиться даже через реку. Он только будет бродить вдоль берега у брода — хоть целый день. Если же когда-нибудь он проплывет на лодке против течения хотя бы от Багдадджара до Бораногоу, он будет считать, что совершил подвиг, равный подвигу Колумба.

В лучшем случае говорят о задачах образования таким образом: «Знание ставит человека выше писаря, выше судьи магистрата; то, что выучил человек, может помочь ему совершить головокружительную карьеру, вплоть до должности преподавателя тех же самых истин, знанию которых он обязан взлету. А потом спустя определенное количество лет такой человек будет получать пенсию и ждать прихода старости». Главная задача образования — объяснить, что предназначение образования не в этом. Когда нам это не ясно самим, это может свидетельствовать только о нашей глупости. Ни наша школа, ни общество не раскрывают глаза Индии на это.

Но глубоко не прав был бы тот, кто пытался бы высказать неверие в судьбу Индии. Нам нужно ясно понять, где наше место и куда мы идем. Даже если эта истина окажется нелегкой, нам все равно нужно ее знать. До сих пор мы во имя ложного спокойст-

вия старательно занимались самообманом, пытаюсь закрыть глаза на собственные страдания. Совершенно неверным является утверждение, будто наше индийское общество может сделать очень много для того, чтобы привить человеку человеческие качества. Это — мнение, которое на каждом шагу опровергает себя. И напрасно распинаятся по всякому поводу те, кто пытается доказать, будто это ложное положение имеет какое-то отношение к Истине. Пытаться провести эти положения в жизнь означает применение бессмысленного насилия. Индуизм — это просто уловка человека, который ничего не хочет делать, не желает двигаться и пытается укрыться от презрения других людей за этой доктриной. Эту иллюзию надо решительно отбросить.

Когда врач вскрывает язву, всякий раз язва стремится после этого снова закрыться. Однако хороший хирург никогда не позволит, чтобы это произошло, и будет вскрывать ее до тех пор, пока не появятся симптомы выздоровления. Чтобы не дать язве закрыться, Бог сделал большой надрез на огромной язве нашей страны. Боль, которую мы испытываем, — это боль от надреза. Зачем же нам из ложного самолюбия обманывать себя, пытаюсь скрыть эту боль? Ради самолюбия мы готовы сохранить даже язву. Но сколько бы раз ложная гордость ни закрывала нашу язву, всякий раз она будет повторно вскрыта. Рано или поздно нам придется признать, что эта язва — не кожная болезнь, принесенная извне. Это внешнее проявление нашей внутренней болезни, это результат испорченной крови. Иначе такая слабость, такая всеобъемлющая ленивость не могли бы так долго держать людей под своей властью. Именно такая организация общества нанесла удар гуманизму, сковав его волю и силы людей. Поэтому наш гуманизм так бессилем. Когда человек стремится развеять этот миф, это говорит о том, что его инициатива отнюдь не симптом безнадежности. Нужно дать выход этим усилиям и разрушить неверные представления — оплот ложных надежд. Вот в чем выход из нашего безнадежного положения.

Я хочу сказать, что школьное образование ни в одной стране не бывает исчерпывающим. В этом отношении наша страна не составляет исключение. Говорят, кондитер не делает зубов, необходимых для того, чтобы воспользоваться его изделиями. Его задача — приготовить только то, что едят. Область наибольших знаний всегда сливается с природой. Поскольку жизнь нашего общества лишена движения, мы не можем применить или хотя бы удерживать те знания, которые мы почерпнули из книг.

Может возникнуть вопрос: где и в чем наши надежды? Что ответить на него? Поле деятельности не находится в наших руках, для зависимого народа путь больших свершений закрыт.

Все это правда, но правда только отчасти. Поле деятельности каждой нации, как бы ограничено оно ни было, в какой-то области открыто для инициативы. Внешние условия и внутренние качества человека определяют размеры поля его деятельности.

Именно эти границы деятельности необходимо определить прежде всего. Ибо разбрасывание сил не имеет ничего общего с их использованием. В мире нет страны, где существовали бы такие благоприятные условия, которые предоставляли бы человеку безграничную свободу. Такая свобода была бы бесплодной по своей сущности. То, что судьба дает нам, она дает не целиком, а по частям. И если кому-то дано много, это значит, что другому достанется мало.

Проблема не в том, что именно нам дано, а в том, как использовать этот дар судьбы. В этом основной вопрос. Главный источник всех бед — внутреннее состояние, которое мешает использовать силы, таящиеся в обществе. Где человеку не разрешается самому выносить суждения о вещах, где он все должен принимать на веру, где говорят, что надлежит служить мертвым ритуалам кастовой системы, — там человек унижен. И как бы мы ни хотели изменить его положение, это невозможно, пока существуют условия, его унижающие. Такая ущербная обстановка в нашем обществе не может не огорчать нас. Мы же, если говорить правду, и сами не знаем, каковы все возможности, каковы условия нашей жизни. Нам не пришлось измерить их полностью. Всестороннее изучение жизни связано со значительным нарушением кастовых правил. Поэтому подобные стремления человека всячески ограничиваются.

Мы не верим природе человека. Но как можно давать человеку образование, лишая его в то же время права на ошибки?! Мы не даем человеку возможности проявить себя, препятствуем ему, когда он пытается улучшить свое положение. Его стремятся раздавить под бременем правил индуизма и навечно заточить его в четырех стенах индуизма. Разве в таком положении люди не будут стремиться сломать свои оковы? Или, наоборот, они станут поклоняться перед своими оковами и ждать, пока судьба станет благосклонна к ним? Нет большей нищеты, чем в том случае, когда человек считает, что сам он еще хуже тех условий, в которых он существует.

Если разбудить надежды в человеке, освободив их от всего лишнего, второстепенного, наносного, от мелких интересов и дел, от жадности, то человеческие надежды превратятся в огромную силу. Материальная нищета не мешает расти надеждам. В нашей стране, для того чтобы хлебное дерево росло быстро, его росток сажают таким образом, что он находится на дне пустой бамбуковой трубки. Стремясь к свету, росток тянется вверх и не может давать ответвлений в сторону. Всей силой своего стремления он преодолевает эту темную бамбуковую зону и выходит на свет, к солнцу. Все его трудности остаются позади. Где-то в сердцеvine или в корне ростка должна быть живая сила преодоления трудностей, которая постоянно твердит: «Нужно расти, подниматься, нужно тянуться к свету, если нет света в одном конце моего пути, я получу его в другом». Если бы можно было найти хотя бы одно живое существо, которое не стремилось бы развиваться в зависи-

NB Именно к свету, вверх направляет наших детей педагогика искусства. В современных условиях развития нашего общества эстетическое воспитание и художественное образование все более осознается как действенный путь формирования в человеке духовного начала — путь «очеловечивания человека».

Ощущения, чувства, фантазии — с них начинается познание мира. Чувства учат мыслить, строить родственные отношения с окружающим миром, ощущать к нему собственную причастность, помогают выразить свое отношение к предметам, жизненным явлениям.

Именно чувства, «мыслечувства» становятся главным содержанием изобразительного творчества, они же — главная педагогическая пружина эстетического воспитания и художественного развития детей, — искусство видеть, слышать, чувствовать, мыслить и творить.

«Глаз, мозг, сердце и рука в единстве мысли, чувства и творчества» — эта мысль народного художника России Б.М.Неменского проходит «красной нитью» в творчестве педагогов искусства.

мости от существующих условий, то такое существо не могло бы жить и погибло бы от первого же пустяка.

Я твердо верю, что не может быть недостижимой цели. Нужно только очень стремиться к ней. Нельзя забывать ни на минуту, что мы, подобно ростку хлебного дерева, заключенному в бамбуковую трубку, должны стремиться к свету. Мы же чаще растем вширь, распуская листья и ветви. И к тому же пытаемся утверждать, что это правильный путь, что жизнь — именно в этом движении. Но ведь рост вверх — это тоже движение жизни. Стремиться вверх, подобно ростку, — это путь к успеху, путь вверх — вопреки притяжению земли. Мы должны подняться выше и еще выше. Мы должны прислушаться к голосу, который зовет нас из нашего темного угла к свету. Этот голос, зовущий к свету, дает нам силу самопожертвования, пробуждает в нас энергию, источник которой — не в тесной клетке контор и административных учреждений. Когда наши надежды и силы достаточно возрастут, для нас не будет ничего невозможного. Тогда общественные условия нашей жизни не смогут быть препятствием на нашем пути к цели.

Но нельзя рассматривать современную историю с узкой точки зрения. Нам даже сейчас, когда близится рассвет, продолжает казаться, что мрак ночи — вечен. Но я вижу, как первый луч самосознания уже коснулся наших душ, и этот свет, который уже воспринят самыми глубинами нашей души, будет постепенно делать

свое дело и никогда не даст нам покоя. В мраке безнадежности именно это непреодолимое стремление души заставляет нас стараться выйти к свету. В любом положении у человека есть путь. Это — самый широкий путь, и он всегда открыт. Сам король не может закрыть этот путь, и даже нищета не способна преградить его. Это путь, о котором мы легко забываем. Это путь долга. Для нашей души, которая везде получает только удары, остается одно направление этого каменистого пути, ведущего к свету. В нашей

стране раздаются голоса, призывающие избрать этот путь. Чувство долга пробуждает человека к активной жизни. Долг заставляет немое говорить, а хромого идти в гору. Чувство долга разбудит нашу душу, будет двигать нас вперед. Путь долга, который открывается нам, — весь в свете надежд. Долг, с которым мы были разлучены веками, явился теперь перед нами. Чем яснее будет с каждым шагом, пройденным по этому пути долга, наша благородная цель, тем с большей готовностью сами мы будем идти на жертвы. Тогда цепь ничтожных желаний будет порвана.

Если мы достаточно ясно будем представлять себе цель, к которой идет наша страна, мы сможем найти методы, необходимые для организации образования. Иметь только образование и не иметь никакой цели в жизни — бессмысленно. Если же мы найдем этот смысл, наша Индия превратится в обетованный край, поле нашей деятельности будет велико, будут открыты все пути для свершения возвышенных и благородных дел. Тогда в Индии вспыхнет пламя на жертвенном алтаре и настанет время великих людей. Путь долга ведет нас к этому. Будем же хранить надежды! Что же касается методов образования, то они, подобно зернам, оброненным на землю, будут прорасти на обочине нашего пути. Они будут расти, всходить и давать обильные плоды.

САДХАНА*
(«Творчество жизни»)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Быть может, не бесполезно объяснить в самом начале, что мысли, собранные в этой книге, не представляют собой ни философской, ни научной системы. Автор вырос в семье, где изречения Упанишад употреблялись ежедневно с почтением, и он имел перед собой пример отца, прожившего свою долгую жизнь в тесном общении с Богом, в то же время не пренебрегая своими житейскими обязанностями и не теряя горячего интереса ко всей человеческой деятельности. Так, надеюсь, эти заметки дадут западным читателям случай вступить в соприкосновение с древним духом Индии, как он открывается в наших священных текстах и проявляется в современной жизни.

Все, высказываемое человеком, должно судить не по букве, но по духу — по духу, развивающемуся вместе с развитием жизни в истории. Мы постигаем истинный смысл христианства, наблюдая его жизненное проявление в текущий момент, как бы оно ни отличалось, даже в самых важных вопросах, от христианства более ранних периодов.

Для западных ученых великие религиозные сочинения индусов представляют интерес только археологический, как остатки прошедших времен. Но для нас они полны жизненной важности, и мы не можем отрешиться от мысли, что они теряют свое значение, когда выставляются в витринах под ярлыками, как образцы мумий человеческой мысли и стремлений, охраняемые на веки вечные футлярами человеческой учености.

Значение живых слов, выливающих из пережитого великими сердцами, никогда не может быть исчерпано никакой системой логического толкования. Их безграничное объяснение дает индивидуальная жизнь, и при каждом новом откровении эти слова становятся еще таинственнее.

Для меня стихи Упанишад и учение Будды всегда были проявлениями духа, и, стало быть, я видел в них безграничную жизненную способность и пользовался ими как в своей жизни, так и в своих проповедях, ибо они оживлялись как для меня, так и для

*Печатается по изданию книгоиздательства «Современные проблемы» (М., 1914). Ротапринтное издание — Самара, 1993.

других личным значением и подтверждались моим особым свидетельством, которое должно иметь значение по своей индивидуальности...

1913

Глава I ОТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО КО ВСЕЛЕННОЙ

Цивилизация древних греков была вскормлена за городскими стенами. В действительности у всех новейших цивилизаций колыбель из кирпича и цемента.

Эти стены оставляют глубокий отпечаток в умах людей. Они устанавливают в нашем сознании принцип «разделяй и властвуй», что порождает в нас привычку упрочивать все наши завоевания, укрепляя их и отделяя одно от другого. Мы отделяем нацию от нации, знание от знания, человека от природы. В нас зарождается подозрительное отношение ко всему, что находится за выстроенными нами преградами, и всякому понятию приходится выдерживать сильную борьбу, чтобы получить доступ в наше сознание.

Когда первые завоеватели-арийцы появились в Индии, она была страной, покрытой лесами. Пришельцы быстро стали извлекать пользу из этого. Леса доставляли им убежище от зноя и опустошений тропических бурь, пастбища для скота, дрова для жертвенного огня и материал для постройки жилищ. Различные арийские кланы со своими патриархальными вождями осели в этих лесах, изобиловавших водой, пищей и представлявших естественную защиту.

Таким образом, в Индии наша цивилизация зародилась в лесах, что повлияло на особенности ее характера. Ее окружала широкая жизнь природы, с которой она состояла в постоянном и тесном общении и которая ее питала и одевала.

Можно подумать, что подобная жизнь способна притуплять человеческий ум и умалять побудительные причины к прогрессу, понижая запросы существования. Но в древней Индии мы видим, что лесная жизнь не взяла верх над духовной жизнью человека и не ослабила ее энергию, но только дала ей особое направление. Находясь в постоянном общении с живой, развивающейся природой, ум человека не знал стремления к расширению своих владений путем возведения оград вокруг приобретений, сделанных им. Его целью было не приобретение ценностей и не воплощение их: он стремился к расширению, вырастая вместе со всем окружающим, стремился расти во все. Он чувствовал, что истина охватывает целое, что обособленность в абсолютном смысле невысказана и что достигнуть истины можно только проникая всем своим существом во все вещи. К осуществлению этой великой гармонии между духом человека и мировым духом стремились мудрецы — обитатели лесов древней Индии.

Позднее наступило время, когда эти девственные леса уступили место обработанным полям, и повсюду возникли богатые города. Образовались могущественные государства, имевшие сношения с великими мировыми державами. Но даже в зените своего материального преуспеяния сердце Индии всегда вспоминало с благоговением идеал прежних дней — действительное воплощение своего истинного «я» и исполненную достоинства простую жизнь в лесном уединении, и высшие вдохновения черпались из сохранившейся там мудрости.

Западный мир гордится мыслью, что он покоряет природу, как будто мы живем среди враждебного мира, где нам приходится отвоевывать все необходимое у недоброжелательных и враждебно сложившихся обстоятельств. Это чувство — результат городских привычек и воспитания духа, потому что в городской жизни человек естественно концентрирует свое духовное зрение на собственной жизни и деятельности и, таким образом, создает искусственную отчужденность между собой и всеобъемлющей Природой.

Но в Индии точка зрения была иной, так как мир являлся одной великой истиной, заключающей в себе и человека. Все свое стремление Индия направила на гармонию, существующую между личностью и всем миром. Она чувствовала, что мы не можем иметь никакого общения с окружающим нас, если оно нам совершенно чуждо. Человек жалуется на природу за то, что ему приходится приобретать большинство необходимого собственными усилиями. Да, но его усилия не напрасны: он пожинает успехи ежедневно, и это показывает, что между ним и природой существует связь, так как он никогда не может усвоить чего-либо, что не имеет к нему никакого отношения.

Мы можем смотреть на дорогу с двух различных точек зрения. Можно видеть в ней преграду, отделяющую нас от предмета желаний. В таком случае считаем, что каждый шаг завоеван нами у противника. Но можно видеть в ней путь, ведущий к цели, и она, таким образом, является частью этой цели. Она только начало нашего достижения, и идя по ней мы можем достигнуть только того, что она предоставляет нам. С последней точки зрения смотрит на природу Индия. Для нее значим факт, что мы находимся в гармонии с природой и можем мыслить потому, что наши мысли гармонируют с окружающим, а также мы можем пользоваться силами природы только потому, что наши силы гармонируют со всемирной силой, и что на нашем долгом пути есть цель, к которой мы стремимся, и никогда не можем натолкнуться на препятствие со стороны цели, к которой стремится сама природа.

На Западе господствует взгляд, что природа принадлежит исключительно неодушевленным предметам и животным, что там, где начинается человечество, вдруг образуется непонятный разрыв. С такой точки зрения все, что стоит на низшей ступени создания, есть простая природа, все же, имеющее на себе отпечаток умственного или нравственного совершенства, относится к чело-

веческой природе. Это все равно что относить почку и цветок к разным категориям и объяснять их красоту двумя различными и противоположными принципами. Но ум индуса никогда не колебался в признании своего родства с природой, своей неразрывной связи со всем.

Основное единство мироздания для Индии не было только философской теорией. Для нее задачей жизни было осуществление этой великой гармонии в чувствах и на деле. С помощью размышления, утверждения и упорядочения жизни она развила свое сознание так, что все имело для нее духовное значение. Земля, вода и свет, плоды и цветы были для нее не простыми физическими явлениями, которые после извлечения из них пользы остаются без внимания. Они были необходимы Индии для достижения ее идеала совершенства так же, как каждая нота необходима для полноты симфонии. Индия интуитивно чувствовала, что каждый факт этого мира имеет жизненное значение для нас. Мы должны отзываться на него и устанавливать к нему сознательное отношение, вызываемое не только научной любознательностью или погоней за материальными выгодами, но чувством симпатии и широким ощущением радости и мира.

Человек науки знает, с одной стороны, что мир не только то, чем он представляется нашим чувствам. Он знает, что суша и вода в действительности — игра сил, являющихся перед нами в виде воды и земли, но каким путем — об этом мы можем только отчасти догадываться.

Точно так же человек с открытым духовным зрением знает, что правда о суше и воде заключается в нашем понятии о вечной воле, работающей во времени и принимающей основательную форму в силах, познаваемых нами в таком виде. Это не одно только научное познание, но познание души душою. Оно не ведет нас к могуществу, как знание, но дает радость — порождение единения родственных между собой вещей. Человек, знакомство которого с миром не ведет его глубже простой учености, никогда не поймет, что именно человек, одаренный духовным зрением, находит в этих естественных явлениях. Вода не только омывает его члены, но очищает его сердце, так как касается его души. Земля не только носит его тело, но веселит его дух, ибо ее прикосновение — более чем физическое соприкосновение, это присутствие чего-то живого. Человек, не познающий своего родства с миром, живет в темнице, стены которой враждебны ему. Познавая вечный дух во всем, он освобождается, потому что тогда открывает в полной степени значение мира, в котором он родился. Тогда он чувствует, что руководствуется несомненной истиной, и его гармоничное отношение ко всему установлено.

В Индии человек призывается к полному осознанию факта, что он находится телом и душой в самом близком отношении к окружающим его вещам, и должен приветствовать восходящее солнце, струящуюся воду, плодоносную землю как проявление

одной и той же живой природы, которая держит их в своих объятиях. Так, текстом нашего ежедневного размышления служат Гайатри — краткие изречения, являющиеся содержанием всех Вед. С их помощью мы стараемся осуществить единство мира с сознательной душой человека. Мы стремимся познать единство, сохраняемое благодаря Вечному Духу, создавшему своим могуществом землю и звезды и в то же время озарившему наши умы светом сознания, существующим и двигающимся в неразрывной связи с внешним миром.

Несправедливо утверждается, будто Индия пыталась отрицать различную ценность различных вещей. Она знает, что это сделало бы жизнь невозможной. Сознание превосходства человека среди других созданий не отсутствовало в ее уме. Но у нее существовал собственный взгляд на то, в чем состоит в действительности это превосходство. Оно состоит не во власти обладания, но во власти единения...

Человек должен осуществить полноту своего существования, найти свое место во Вселенной. Он должен знать, что как бы ни боролся, он никогда не может создать меда в стенах своего улья, ибо постоянный запас его жизненной пиши находится за стенами этого улья. Он должен знать, что когда человек отгораживает себя от оживляющего и очищающего прикосновения с Бесконечным и ищет исключительно в самом себе поддержки и врачевания, он обрекает себя на безумие, пожирает собственную сущность. Но оттененная целокупностью, его нищета теряет единственное свое великое качество — простоту: она становится грязной и начинает стыдиться самой себя. При богатстве человек уже не щедр, а безумно расточителен. Его желания не помогают его жизни, сдерживаемые в границах их назначения: они становятся сами по себе целью, сжигают жизнь и ликуют при мрачном свете охватившего все пожара.

Затем следует, что в проявлении себя мы стараемся поразить, а не привлечь: в искусстве мы стремимся к оригинальности и тераем из виду истину старую и, между тем, вечно новую; в литературе мы совершенно забываем человека простого, но тем не менее великого; мы видим в человеке или психологическую проблему, или воплощение страсти, сильной потому, что она ненормальна, и потому, что она выставлена в освещении ярким, ослепительным, но искусственным светом. Когда сознание человека ограничено исключительно соприкасающимся с его человеческой личностью, более глубокие корни его природы не находят себе прочной почвы, дух его вечно близок к голодной смерти, и вместо здорой силы в нем пробуждаются только приступы возбуждения. Затем человек уже не находит своей внутренней самооценки и измеряет свою величину по внешнему образу, а не по своей связи с бесконечным, судит о своей деятельности по затраченному движению, а не по покою звездного неба, вечно текущего ритмического хора творения.

Судьба первых пришельцев в Индию имеет много общего с судьбою европейских переселенцев в Америку. Они также встретили девственные леса и им пришлось вести ожесточенную борьбу с туземцами. Но в Америке борьба человека с человеком и с природой не прекращалась, ей не было конца. В Индии леса, служившие обиталищем дикарей, превратились в святилища мудрецов. В Америке же эти огромные живые природные храмы не имели глубокого значения для человека. Они дали ему богатство и силу и, может быть, иногда служили его наслаждению красотой и вдохновляли одинокого поэта. Человек никогда не почувствовал своим сердцем, что в них живет великое духовное примирение, служащее местом встречи души человека с душой мира.

Я не хочу сказать, что течение вещей должно было бы быть иным. Если бы история везде точно повторялась, то столько благоприятных случаев бы не произошло. Для развития духа лучше, если живущие различной жизнью народы приносят на рынок человечества различные продукты своего ума, из которых каждый необходим другим и дополняет их. Я хочу сказать, что Индия в начале своей истории встретилась с особым сочетанием обстоятельств, которые не пропали для нее даром. Она думала и размышляла, боролась и страдала, уходила в глубь существования и достигала кое-чего, что, конечно, не может не иметь ценности для других народов, хотя и пошедших в своем историческом развитии иными путями. Человек для полного роста нуждается во всех жизненных элементах, входящих в его сложное существование. Вот почему пища его должна обрабатываться на разных полях и доставляться ему из различных источников.

Цивилизация подобна шаблону, который каждый народ старательно создает для себя, чтобы придать своим людям форму, соответствующую его идеалу. Все ее учреждения, законодательство, мерила для одобрения или осуждения, сознательное или бессознательное обучение — все стремится к этой цели. Современная западная цивилизация своими организованными усилиями старается создать человека совершенного в физическом, умственном и нравственном отношениях. Здесь огромная энергия нации употребляется на распространение власти человека над всем окружающим. И народ напрягает объединенные усилия всех своих способностей, чтобы захватить все, на что только может наложить свои руки, и воспользоваться всем, чем может преодолеть всякое препятствие на пути к победе. Народы вечно учатся, как бороться с природой и с другими народами. Их вооружение усиливается с каждым днем. Их машины, приспособления, организации умножаются с изумительной скоростью. Конечно, достигается блестящее совершенство и с изумительной яркостью проявляются человеческие способности, не знающие преград и стремящиеся установить свое могущество над всем остальным.

Древняя индусская цивилизация имеет свой идеал совершенства, к которому стремилась. Ее целью не было достижение могу-

щества, она не стремилась к развитию своих способностей до пределов и к организации людей для оборонительных и наступательных целей, для коопераций с целью приобретения богатств и военного или политического первенства. Идеал, к осуществлению которого Индия стремилась, вел ее лучших людей к уединению созерцательной жизни, и сокровища, доставленные ей человечеству углублением в тайны жизни, стоят ей дорого в области мирского успеха. Но и это был великий подвиг — высшее проявление человеческих стремлений, не знающих границ и имеющих своим предметом осуществление Бесконечного.

Были в Индии люди добродетельные, мудрые, смелые. Были государственные деятели, короли и императоры. Но на кого из них она обратила внимание и кого выбрала в качестве своих предшественников?

То были риши. Кто такие риши? Те, кто, достигнув самой души знания, преисполнились мудрости и, найдя эту сущность в единении с душой, достигли полной гармонии с своим внутренним «я». Осознав эту сущность в сердце, они освободились от всякого эгоистического желания и, применив ее ко всем мирским деятельности, достигли покоя. Риши — это те, кто, достигнув высшего Бога, нашли постоянный мир, нашли единение со всем, вступили в жизнь Вселенной.

Таким образом, установление нашего родства с мировым «я», проникновение во все путем единения с Богом считалось в Индии конечной целью и достижением совершенства для человечества.

Человек может разрушать и грабить, зарабатывать и собирать, изобретать и делать открытия, но он велик потому, что его душа все постигает. Он жестоко уничтожает самого себя, когда заключает свою душу в мертвую раковину косных привычек и когда вокруг него в безумном вихре кружатся всякие производства, подобно надвигающемуся песочному смерчу, затемняющему горизонт. Это убивает самый дух его существа, то есть дух понимания. По существу, человек не раб ни себя лично, ни мира, но он существо любящее. Его свобода и совершенство — в любви, что равнозначно совершенству постижения. Этой способностью постижения, этим проникновением своего существа он связан со всепонимающим Духом, составляющим также дыхание и его души. Где человек пытается достигнуть выдающегося положения, расталкивая по пути и сталкивая всех других ради достижения отличия, благодаря которому он гордо считает себя выше других, там он отчуждается от этого духа.

Вот почему Упанишадцы описывают достигших предела человеческой жизни как достигших покоя и вступивших в единение с Богом, подразумевая под этим, что они живут в полном согласии с людьми, а следовательно, в единении с Богом.

Учение Христа открывает нам ту же истину, говоря: «Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богачу попасть в Царствие Божье», — и эти слова следует понимать так, что, накапливая богатства для самих себя, мы тем отделяем себя от других. На-

ши обладания служат нам ограничениями. Тот, кто свое внимание направляет на накопление богатств, не способен пройти через врата постижения духовного мира — мира полной гармонии. Он заключен в тесные стены своих ограниченных приобретений.

Поэтому смысл учения Упанишад таков: «Стремясь найти Его, вы должны объять все. В погоне за богатством вы ради приобретения малого отказываетесь от всего, а таким путем не достигнешь Того, Кто есть Всецелое».

Некоторые современные европейские философы, обязанные прямо или косвенно своим знанием Упанишадам, вместо того чтобы уплатить свой долг, утверждают, что индусский Брами — чистая отвлеченность, отрицание всего, что есть в мире. Одним словом, что бесконечное Бытие не может быть постигнуто одной лишь метафизикой. Может быть, подобное мнение имеется также среди некоторых наших соотечественников. Но оно, во всяком случае, не согласуется с преобладающим духом индусов. Напротив, его постоянным стремлением было осуществление и утверждение присутствия Бесконечного во всем. Нам

NB *Как истина соотносится с красотой! Сама жизнь и есть пример проявления истины и гармонии, созидания и распространения красоты. И если ваша духовная сущность замечает этот мир гармонии в природе и в искусстве и стремится ввысь — к совершенству, значит, вы не зря живете в этом мире.*

Вы чувствуете, восхищаетесь и в этот момент начинаете интуитивно понимать, потому что вы познали и оценили, что с вами происходит. Когда вы в унисон вибрируете всеми своими чувствами с ощущением красоты — вы начинаете ее познавать. Ведь прекрасное входит в человека не только путем созерцания и восхищения. Значительно интенсивнее это происходит при активном творческом действии, в сильных, привлекающих и понятных формах созидания нового, в поисках и открытиях.

предписывается убеждаться, что все существующее на свете объято Богом.

Я постоянно и непрестанно преклоняюсь перед Богом, находящимся в воде и суше, проникающим в весь свет, живущим в ежегодной жатве так же, как в многолетних деревьях.

Может ли это быть Богом, отвлеченным от мира? Нет, это лишь означает, что Его не только следует видеть во всех вещах, но и преклоняться перед Ним во всех проявлениях мира. Отношение человека, сознающего Бога, ко Вселенной, по Упанишадам, есть чувство глубокого благоговения. Предмет его поклонения повсюду. Это одна живая истина, благодаря которой и все реальное — истина...

Чувствовать все, сознать все — это дух Брами. Мы душой и телом погружены в Его сознание. Его сознанием солнце привлекает землю. Через Его сознание световые волны передаются от планеты к планете.

Таким образом, для достижения нами мирового сознания мы должны слить наши чувства со всепроникающим бесконечным чувством. Действительно, единственное истинное совершенствование человека совпадает с та-

ким расширением строя наших чувств. Вся наша поэзия, философия, искусство, наука и религия служат к расширению области нашего сознания, его стремления к более широким сферам. Человек не приобретает прав, занимая более широкое пространство, или внешним поведением, но права его обуславливаются только его сущностью, которая измеряется областью его сознания.

Однако мы должны платить за достижение такой свободы сознания. Как же платить? Отрекаясь от самих себя. Наша душа может действительно осуществить себя только путем самоотречения. Упанишады говорят: «Ты приобретешь, отдавая. Ты не должен завидовать».

Гита советует нам работать бескорыстно, без всякой мысли о выгоде. Многие иностранцы выводят из этого учения заключение, что в основе так называемого бескорыстия, проповедуемого в Индии, лежит понятие о мире как о чем-то отвлеченном. Но это совершенно противоположно тому.

Человек, стремящийся к возвеличиванию самого себя, слишком низко ценит все окружающее. В сравнении с ним самим весь мир не имеет значения. Следовательно, чтобы вполне постигать все, следует освободить себя от уз личных желаний. Мы должны пройти через эту дисциплину, чтобы подготовиться к нашим общественным обязанностям — разделению тяжестей с подобными нам существами. Каждая попытка достигнуть более широкой жизни требует от человека, чтобы он «приобретал, отдавая, и не был алчным». Развивать в себе таким образом постепенно сознание своего единства со всецелым должно быть стремлением человечества.

Этот идеал высшей свободы сознания — благородное наследие наших предков, ожидающее, чтобы мы предъявили на него наши права.

Это свобода не только ума и чувства, но она имеет и нравственное основание и должна переходить в действие. В Упанишадах сказано: «Высшее существо все проникает собою, стало быть, оно природное достояние каждого». Чистосердечно чувствовать свою связь со всем в знании, любви и служении всем существам и, таким образом, осуществлять самого себя во все проникающем собою Божестве — это сущность блага и ключ к учению Упанишад: «Жизнь бесконечна!»

Глава VII **ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КРАСОТЫ**

Вещи не доставляют нам радости в тех случаях, когда они ложатся на нашу душу тяжелой необходимостью отделаться от них во что бы то ни стало или когда в них есть надобность и потому они находятся во временном и частичном отношении к нам, становясь нам в тягость, когда их полезность утрачивается или когда они, как праздные бродяги, задерживаются на мгновение в нашем

внимании, а потом уходят. Вещь только тогда вполне принадлежит нам, когда она является предметом нашей радости.

Большая часть этого мира для нас как бы ничто. Но такого положения вещей мы допустить не можем, так как это умаляет наше «я». Нам дарован целый мир, и все наши силы имеют конечное значение в убеждении, что с их помощью мы предназначены владеть нашим наследием.

Но каково же назначение нашего чувства красоты в этом процессе расширения нашей сознательности? Заключается ли оно в том, чтобы разделить истину на яркий свет и тени и представить ее нам в непримиримой разнице между красотой и безобразием? Если это так, то мы должны бы допустить, что это чувство красоты создает разлад в нашей Вселенной и воздвигает стену препятствия поперек широкого пути, ведущего от каждой вещи ко всем.

Но такой прием не может быть правильным. Пока мы осознаем вещи не во всей их полноте, мы по необходимости делим их на познаваемые и непознаваемые, на приятные и неприятные. Однако, вопреки решению некоторых философов, человек не признает какого-либо абсолютного предела в своей возможности познания мира. Каждый день его знание проникает в области, ранее не исследованные или даже недоступные для исследования. Подобным же образом наше ограниченное понятие о красоте подлечит постоянному его расширению. Истина находится повсюду, следовательно, предметом нашего познания является все. Красота вездесуща, следовательно, давать нам радость способно все.

На заре истории человек рассматривал все с точки зрения жизни. Начало своему познанию ее он положил созданием резкой разницы между живым и неживым. Но по мере развития этого знания граница между одушевленным и неодушевленным становилась все более и более тусклой. В начале нашего познания резкий контраст полезен, но по мере прояснения сознания он постепенно исчезает.

В Упанишадах сказано, что все вещи создаются и поддерживаются бесконечной радостью. С целью вывода этого принципа творения мы возьмем за точку отправления подразделение на прекрасное и некрасивое. Тогда понимание прекрасного является энергичным толчком для пробуждения нашего сознания от его первичного сна, что достигается посредством контраста. Поэтому красота, при первом знакомстве с ней, стоит в пестро расцвеченном одеянии, которое воздействует на нас своей мишурой, скорее даже своей беспорядочностью. Но по мере дальнейшего знакомства видимое распадается и преобразуется в сторону соподчинения ритму. Сначала мы выделяем красоту из окружающего, выдерживаем в стороне от остального, но затем познаем ее гармонию с целым. Тогда музыка прекрасного более не нуждается в громком шуме, она отрешается от насилия и вызывает к нашему сердцу истиной. Это и есть та красота, которая наследует землю.

На некоторой ступени нашего развития, в некоторый исторический период мы пытаемся воздвигнуть специальный культ красоты и урезать область ее господства с тем, чтобы сделать ее предметом гордости для немногих избранных. Как следствие этого нарождаются в ее почитании натяжки и преувеличения, как это было с браминами во время падения индийской цивилизации, когда увяло понимание высочайшей истины и суеверия разрастались беспрепятственно.

В истории эстетики также наступало время эмансипации, когда распознавание красоты в вещах как великих, так и малых было естественным и когда мы видели ее скорее в скромной гармонии заурядных объектов, чем в вещах, поражающих своею особенностью.

Таким образом, мы должны пройти через все стадии реакции — даже когда в изображении красоты мы пытаемся избежать всего, что очевидно нравится и что увенчано общественным признанием. Тогда мы вызывающе пытаемся преувеличивать

В *В нашей повседневной жизни мы зачастую проходим и не замечаем той удивительной гармонии, которую так щедро создала для нас великая природа. А в поэтической красоте природы целая симфония звуков и красок!*

Восходы и закаты, праздник красоты цветущих садов, золотисто-багряные наряды осени, мерцающие переливы оттенков сверкающего на солнце снега, голубая лазурь небес с бесконечным множеством нежнейших оттенков... Вся эта красота облагораживает нас, вдохновляет и вселяет в наши сердца познание всеобщей Красоты и Добра, побуждает к познанию души и духа человека.

«Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете», — говорил великий русский писатель Ф.М. Достоевский.

заурядность пошлых вещей, делая их этим необычными до враждебного к ним чувства. С целью восстановления гармонии мы вносим разлад, что является характерной чертой всех реакций. В настоящее время мы уже видим признак этой реакции в эстетике, которая доказывает, что человек начинает, наконец, понимать, что поле его артистической деятельности ограничено на безобразии и на красоту только скудостью представления. Когда он найдет силу видеть вещи свободными от личного интереса и настойчивого требования чувственных удовольствий, тогда только он сможет иметь истинное видение красоты, которая повсюду. Тогда только он сможет видеть, что то, что нам не нравится, вовсе не есть некрасивое, но имеющее красоту в истине.

Когда мы говорим, что красота находится повсюду, мы тем самым не разумеем, что слово «безобразие» должно быть упразднено в нашем языке; это было бы таким же абсурдом, как утверждение, что не существует такой вещи, как неправда. Неправда, конечно, существует, но не в плане Вселенной, а в способности нашего разумения, как его отрицательный элемент. Таким же образом существует и безоб-

разие в искаженном выражении красоты, относимой к нашей жизни и к нашему искусству. Такое искажение происходит от несовершенства нашего представления об истине. Нашу жизнь мы можем в известном смысле противопоставить закону правды, который существует в нас и во всем, и, таким образом, идя против вечного закона гармонии, которая повсюду, мы можем воспроизвести и уродство.

Через наше чувство истины мы проводим осуществление закона в творении, и через наше чувство красоты мы осуществляем гармонию во Вселенной. Когда мы постигаем закон природы, мы начинаем господствовать над силами природы и становимся могущественными. Когда мы наследуем закон нашей нравственной природы, мы получаем господство над собой и становимся свободными. Подобным же образом, чем более мы постигаем гармонию в физическом мире, тем более участия принимает наша жизнь в радости творения, и наше выражение красоты в искусстве становится истинно вселенским. Когда мы начинаем познавать гармонию в нашей душе, наше понимание блаженности Мирового Духа становится всеобъемлющим и выражение красоты в нашей жизни движется во благодати и любви, направляясь к Бесконечному. Это — крайняя цель нашей жизни, которую мы должны всегда исповедовать так: «Красота есть истина, истина есть красота». Мы должны осуществить весь мир в любви потому, что любовь рождает мир, поддерживает его и берет обратно в свое лоно. Мы должны иметь ту полную свободу сердца, которая дает нам силы находиться в самом центре вещей и ощущать ту полноту бескорыстной радости, которая принадлежит Бrame.

Музыка есть наичистейшая форма искусства и, следовательно, наиболее прямое выражение красоты; при этом форма и дух ее составляют и единое и простое, а чем-либо чуждым она загромождена менее всего. Мы как будто чувствуем, что проявление бесконечного в конечных формах творчества есть уже музыка сама по себе, музыка молчаливая и видимая. Вечернее небо, неуловимо проявляющее свои созвездия, кажется подобным ребенку, который, произнеся первый раз слово, запомнил его и повторяет раз за разом и, удивляясь тайне своего собственного произношения, он прислушивается к нему в непрерывной радости. Когда в дождливую ночь июля над лугами сгущается мрак и дробный дождь опускает покров за покровом над тишиною дремлющей земли, этот монотонный шум дождя кажется темнотою самого звука. Мрак тусклых и густых рядов деревьев, колючие кусты, разбросанные в вересковой пустоши, подобно головам пловцов со слипшимися волосами; запах влажной травы и сырой земли, вершина храма, который высится над неопределенной массой черноты вокруг хижин деревни, — все это кажется звуками, возникающими из сердца ночи, смешиваясь и теряясь в одном шуме непрестанного дождя, наполняющего небо. Поэтому, чувствуя зрением, истинные поэты ищут выражения Вселенной в музыке.

Они редко пользуются живописью с целью выразить развитие форм, смешение бесконечных линий и красок, которые сменяются на холсте синего неба каждый момент. И они по-своему правы. В самом деле, человек, который пишет, должен иметь холст, кисть и краски. Первое прикосновение его кисти еще очень далеко от воплощения идеи. А когда работа закончена, художник уходит, осиротевшая картина остается одна, — постоянные касания любовной творческой руки отходят вместе с ним.

Но певец все имеет с собой: звуки выливаются из самой его жизни. Это не есть материал, собранный на стороне, его идеи и способ выражения суть брат и сестра, очень часто они рождаются как двойня. В музыке сердце открывается непосредственно, оно не заграждается ничем ей чуждым.

Таким образом, музыка, хотя и должна ждать своего завершения, подобно всякому другому искусству, все же каждым тоном выражает красоту целого. Даже слова, как средство выражения, являются преградой, потому что значение их должно конструироваться мыслью. Музыка же никогда не является подчиненной какому-либо явному смыслу: она выражает то, чего никогда не могут выразить слова.

Но еще важнее, что музыка и музыкант неразлучны. Когда певец кончает, музыка умирает вместе с ним, она в вечной связи с жизнью и радостью ее творца.

Этот мир-песня не различается никогда, ни на один момент с ее Певцом. Мир не сотворен из чего-либо чуждого Певцу. Это есть радость его самого, принимающего никогда нескончаемые формы. Это есть великая душа, посылающая колебания своих звучаний по небу.

Нечто совершенное существует в каждом отдельном напеве этой музыки, которая есть откровение полноты в неисполненном. Ни один из ее звуков не закончен, но каждый отражает бесконечность.

Какова же причина, что мы не в состоянии воспроизвести точное выражение этой великой гармонии? Не подобно ли это тому, как если бы рука на первой попавшейся струне одним прикосновением попыталась бы извлечь все ее тона? А ведь это речь красоты, ласка, которая льется от мировой души и пронизывает нашу душу.

Прошлой ночью в молчании, которое пронизывало мрак, я стоял и слушал голос Певца вечных мелодий. Когда я пошел спать, я смежил глаза мои с последней мыслью: «Даже когда я буду в состоянии бессознательной дремоты, в затихшей области спящего моего тела еще будет продолжаться танец жизни и держать путь со звездами. Сердце будет трепетать, кровь будет биться в жилах, и миллионы живых атомов моего тела будут колебаться в тон со звуками той арфы, которая звучит от прикосновения Мастера».

ЦЕНТР ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

I

Вопрос, который я намереваюсь здесь обсудить, касается того, как должно быть поставлено дело образования в Индии.

Вместо того чтобы держать в напряжении умы моих слушателей до самого конца, я предпочитаю сразу коротко изложить свои со-

NB *Упрек Тагора направ-
лен в сторону индийской
интеллигенции, но та жи-
ла под гнетом совершенно
чуждой этой стране за-
падной культуры. А наш-
то светоч русской духов-
ности кто погасил? Выхо-
дит, мы сами.*

*В последние годы под-
ростки предпочитают
слушать рок, «металл»,
смотреть поп-арт, наде-
вать одежду с изображе-
ниями представителей
ада. Дома большую часть
времени многие проводят
у телевизора, по всем ка-
налам которого демонст-
рируют фильмы с убийст-
вами, ужасами, насиле-
ем, главными «двигателями»
которых являются деньги,
власть, наркотики, преда-
тельство, разврат. Или —
за компьютером с играми
аналогичного содержания.
Мир за окном для них ста-
новится чужим, там туск-
неют и стираются крас-
ки, сгущаются мрачные
тона, а в душе появляют-*

ображения, прежде чем перейти к по-
дробному их рассмотрению. Каждая на-
ция должна поддерживать огонь в сво-
ем светильнике разума, чтобы вместе со
всеми другими нациями освещать мир.
Народ, чей светильник разбит, лишает-
ся своего законного места на мировом
празднике. Несчастен человек, у кото-
рого нет светильника, но в тысячи раз
несчастнее тот, у кого был свет, но его
отняли или он сам позабыл о нем.

Индия доказала, что у нее есть свой
разум, что она может глубоко мыслить
и чувствовать и стремиться к своему
собственному решению жизненных
проблем. Образование должно помочь
Индии найти истину, сделать ее своей
плотью и кровью, откуда бы она ни
пришла, и выразить ее так, как только
она это может сделать.

Чтобы выполнить это предназна-
чение, разум Индии должен прежде всего
сосредоточиться и познать самого се-
бя. Только после этого сможет он пра-
вильно воспринимать знания, судить о
них и пользоваться ими в соответствии
со своими собственными творческими
способностями.

Чтобы взять или дать, нужно со-
единить пальцы вместе. Точно так же

* Лекция, прочитанная Р.Тагором во время его поездки по Южной Индии в 1919 г. Издана в том же году (II, т. II, с. 216—251).

ся раздражительность и агрессия. Но человек становится несчастлив, когда у него нет радости. А радости нет, если нет полноты жизни, если нет целостного восприятия мира. Таким образом, исходной точкой, целью нашего образования, как тогда в Индии, становится формирование целостного мировоззрения, раскрытие возможностей человека для его дальнейшего саморазвития.

необходимо объединить все разобшенные умы Индии, ибо только тогда они обретут способность к восприятию и к созиданию, только тогда вода жизни перестанет уходить сквозь щели в земле, не принося никакой пользы.

Одним из важнейших факторов в образовании я считаю также вдохновляющую атмосферу творческой деятельности. Университет, прежде всего, должен помочь нам в приобретении конструктивных знаний. Надо собрать людей вместе и предоставить им полную свободу в их исследовательской и созидательной работе. Преподавание должно быть подобно весеннему раз-

ливу культуры, могучему и неизбежному. Образование лишь тогда естественно и благотворно, когда в его основе лежат живые и все возрастающие знания.

И последнее. Наше образование должно находиться в постоянном контакте с жизнью во всех ее аспектах — экономическом, интеллектуальном, эстетическом, социальном и духовном. Наши учебные заведения должны находиться в центре внимания общества, должны быть связаны с ними живыми нитями сотрудничества во всех областях. Ибо истинное образование обязано все время созывать органическую связь наших знаний и воспитания с окружающей действительностью.

II

По всей Индии распространяется пока еще смутное недовольство существующей системой образования. В последнее время появилось много признаков, свидетельствующих о стремлении изменить эту систему; в сознании нации зреют зерна жизни, пробиваясь наружу в виде новых учреждений и новых экспериментов. Но поскольку человек неотделим от своих желаний, часто бывает трудно понять, чем они порождены и на что именно направлены.

Наше образованное общество выросло в узких рамках современной индийской системы образования. Эти рамки привычны нашему разуму, как духу — наше собственное тело, и потому мы свыклись с мыслью, что они должны навсегда остаться неизменными. Даже наше воображение не осмеливается выйти за эти рамки, и мы не способны ни увидеть, ни оценить свое положение со стороны. Мы не решаемся сказать, что все это следует заменить чем-то иным, потому что сам наш интеллект — порождение старой системы образования, к которой мы, естественно, питаем слабость, смешанную с восхищением.

И все-таки где-то в глубине нашего самодовольства спрятан шип, который не дает нам спокойно спать. Его покаяние раздражает нас, но мы не знаем, где он, и думаем, что причина беспоконья вне нас. Мы утверждаем, что единственный недостаток нашего образования заключается в том, что у нас нет полного контроля над ним, что судно, мол, вполне пригодно к плаванию, нужно только, чтобы руль был в наших руках, и тогда мы избежим крушения. Последнее время, при создании национальных школ и университетов, мы исходили только из мысли, что единственное, чего нам не хватает, это независимости, так сказать, внешней. При этом мы забывали о том, что наша слабохарактерность и слабоволие, которые неизбежно увлекают нас вниз по наклонной плоскости подражания, будут преследовать нас и после того, как мы добьемся видимой свободы. Ибо тогда наша свобода превратится в свободу подражания иностранным образцам, а это означает, что наша злосчастная судьба будет зависеть от влияния некой зловещей Планеты Подражания со всеми вытекающими отсюда дурными последствиями. С помощью плохих машин мы сумеем создать только университет, подобный машине, к тому же еще плохо функционирующей.

Игроки проигравшей команды частенько начинают приписывать неудачу глупости своих товарищей. Так и с нашей системой образования — оба участника одной команды, наши английские наставники и мы сами, стараются переложить вину друг на друга. Вполне вероятно, что и те и другие виноваты одинаково, но я всегда полагал, что бесполезно пытаться определить долю вины партнера, когда в проигрыше оказываешься прежде всего ты сам. Единственную практическую пользу такой анализ может дать лишь в том случае, если мы определим свою долю вины в проигранном сражении.

Тот, кто сочувствует шудрам, может прийти к выводу, что во всех их несчастьях и унижениях виноваты одни брахманы. Отвлекаясь от того, насколько справедливо подобное суждение, хочу, однако, заметить, что в интересах самих же шудр было бы лучше, если б им сказали: «Вы сами виноваты в том, что по своему малодушию позволили брахманам притеснять себя и унижать!»

Итак, условимся пока не говорить о своем партнере. Мы полагаем, что у нас нет своих ног, и поэтому выписываем из-за границы деревянные. Кто же виноват в том, что наше образование хромает, как не мы сами? Я слышал об одном человеке, с которым произошло почти такое же несчастье: он утонул на мелком месте только потому, что считал, будто попал на глубоководное.

Вся беда в том, что как только мы заговариваем об университете, нам на ум приходит Кембриджский университет, Оксфордский университет, и тени всех других европейских университетов заполняют наше сознание. Мы начинаем воображать, будто наше спасение зависит от того, насколько удачно мы определим лучшие черты каждого университета и объединим их в некое эклектическое совершенство. Мы забываем, что европейские университеты

органично вошли в жизнь тех стран, где они в свое время возникли. Можно залатать нос или другие части лица лоскутами чужой кожи — современная хирургия с этим справляется. Но создать целого человека из отдельных чужеродных кусков — это недоступно науке, и мы искренне надеемся, что никогда не будет доступно!

Мы видим европейские университеты возмужавшими и полными сил. Нам трудно представить себе университет иначе, как полностью сформировавшееся учреждение. Глядя, как подросший сын вашего соседа помогает своему отцу, вы тоже, естественно, захотите иметь сына. Но если вы пожелаете сразу приобрести взрослого сына, в спешке вы можете выбрать такого взрослого, который никогда не станет вашим сыном. Нетерпеливая жажда достичь скорейших результатов и злополучная склонность к подражательству возбудила в нас такое же противоестественное желание создать наш национальный университет во вполне законченном виде. Не удивительно, что все наши старания остались втуне или принесли искусственные плоды из фарфора, — по размерам, форме и краскам они не уступают настоящим, но боже вас упаси откусить хоть кусочек, а тем более проглотить! Все эти стройные планы университетов, которые высиживает наша страна, подобны яйцам, сваренным вкрутую, — из них никогда уже не вылупятся цыплята!

Как видно, не только мы, но и наши английские наставники забыли, что их собственные университеты росли вместе с ростом нации и что вначале у них не было того пышного великолепия, которым они отличаются сейчас; ведь главное не в этом великолепии, а в самой их сущности. Разумеется, теперь наши наставники могут и не вспоминать о том, что когда-то в их стране образование находилось в руках монахов, таких же бедных, как и большинство их учеников. Но они не имеют права забывать, что в такой бедной стране, как Индия, материальная основа нашего университета не должна превышать наши возможности. Такая губительная забывчивость ведет к тому, что недостаток школ и колледжей усугубляется нехваткой в них места, занятого столами и стульями, а это большая беда для нашего народа.

Я прекрасно понимаю, что человеку необходима и пища, и посуда, из которой ее можно есть. Но когда пищи не хватает, нужно быть экономными и не тратить слишком много денег на тарелки. Загромождать нашу систему образования всякими нововведениями настолько дорогостоящими, что образование становится труднодоступным для народа, — это все равно что тратить все свои деньги на покупку кошельков.

У себя на Востоке мы должны найти свое решение всех жизненных проблем. Климат научил нас обходиться легкой пищей и одеждой. Для нас важнее окна в стенах, чем сами стены. Наши одеяния не требуют много ткани, они должны быть открыты для света и воздуха. Солнце помогает нам сохранять тепло, в то время как жители других стран вынуждены прибегать к особо калорийной пище. Богатые природные дары определили своеобразие на-

шей жизни, и я думаю, что этим своеобразием нельзя пренебрегать, когда речь идет об образовании.

Я не хочу превозносить бедность! Но простота, на мой взгляд, гораздо ценнее всех ухищрений роскоши. Простота, о которой я говорю, не только подразумевает отсутствие всякого излишества. Она — один из признаков совершенства. Когда люди это поймут, вредоносный туман, застилающий сегодня лик цивилизации, рассеется навсегда. Ведь именно из-за недостатка простоты самые жизненно необходимые вещи стали так редки и дороги.

Еда и развлечения, культура и образование, администрация и суды, — все это приобретает непомерно большое значение и ложится тяжким, хотя и во многом бесполезным бременем на цивилизованного человека. Силы для того, чтобы нести эту ношу, у него, возможно, и хватает, но ловкости явно недостаточно. Должно быть, богам это зрелище напоминает с высоты баракхатанье великана, который поднялся со дна, но еще не умеет плавать; могучими руками баламутит он весь пруд, не в силах понять, что его усилия не приносят никакой пользы.

Когда Запад познает простоту совершенства, и труд, и развлечения, и образование обретут свою истинную ценность в легкости и доступности. Я не знаю, когда это случится, но до тех пор, покорно склонив головы, мы должны выслушивать речи о том, будто высшего уровня знаний можно достичь только в высочайших зданиях.

Конечно, и форма имеет значение: в ней выражается наша душа, и забывать об этом — значит обеднять самого себя, я это знаю. Но пока что Европа, сколько ни старалась, так и не нашла золотой середины; зачем же тогда мешать нам самим ее найти? Достичь простоты, не впадая в бедность, — задача трудная: каждый разрешает ее в соответствии со своим внутренним складом, мы всегда готовы принять образование как таковое, но навязывать нам чужой душевный склад было бы несправедливо.

Однако именно так поступают наши наставники, и это отражается на умах учеников: в погоне за мнимым величием мы все больше утрачиваем чувство реальности.

III

Когда в Бенгалии был создан Совет национального образования, я спросил одного из наиболее активных членов этого совета: неужели он в самом деле верит, будто огромное разветвленное древо университета может вырасти в один-единственный день, со всеми его корнями, ветвями и листвой?

Он ответил, что так оно и должно быть. Для того чтобы поразить воображение страны, нужно сделать все сразу, с начала и до конца.

Ну что ж, сказано — сделано. Впечатление было произведено, деньги полились рекой и, казалось бы, всего было в достатке, кроме одного пустяка — истины: истины, которая никогда не гнушает-

ся скромных начинаний и не стыдится выращивать огромное будущее из тоненьких, слабых ростков. Тщетно пыталось искусственное дерево доказать, что оно способно к плодоношению. Вскоре оно увяло, засохло и дошло до такого жалкого состояния, что уже не в силах было скрывать свое бесплодие даже от самого себя. Поэтому разрешите еще раз повторить: недостаточно основать университет и недостаточно руководить им по своему усмотрению, — необходимо, чтобы этот университет стал по-настоящему нашим.

Я хочу попытаться объяснить скрытые причины недовольства, которые тревожат наши умы. Почти сто лет назад мы начали ходить в английскую школу, но до сих пор так и не можем ее закончить и все еще остаемся школярами. Эта школа для нас такое же убежище, как ловушка для мыши, — как бы не остаться в ней на веки веков!

Еще никто никогда не дал исчерпывающего определения жизни,

NB *Это принципиально другая схема образования, чем приобретение ЗУНов. Творчество поверх логики, оно за гранью видимого мира, потому и способно приносить в этот мир новые образы и новые идеи. Задача — соединить творчество со школой! Пока это делается только на уроках искусства, где она есть — два часа в неделю.*

потому что она изменяется каждое мгновение и чудесно ускользает от точного анализа. То, что дает жизнь, куда выше по качеству и больше по ценности, чем то, что она потребляет. Она отнюдь не является простой смесью углерода, азота и прочих элементов, которые она принимает в себя вместе с пищей. Точно так же и наш разум гораздо более велик, чем знания и воспитание, которые он получает извне. Истинное образование оживляет разум и побуждает его отдавать количественно и качественно больше, чем он получает. Только исходя

из этого, мы и должны судить о нашей системе образования.

Итак, вопрос ставится следующим образом: смогли ли мы в сфере духовной жизни отдать больше, чем получили, и создали мы что-либо свое или нет? Ибо если нация становится обузой для мира и не оправдывает затрачиваемых на нее средств, это для нее хуже смерти! Потому что нельзя жить под вечной угрозой обвинения в воровстве...

Что касается нас, то мы не только не отдали нашему университету больше того, что от него получили, но даже не расквитались с ним. Мы повторяли великие изречения, учили возвышенные истины, мечтали следовать примеру великих людей, и после всего этого стали конторскими служащими, помощниками судей, адвокатами или в лучшем случае врачами.

Стать врачом, например, не так уж плохо. Наши врачи работают во всех городах и деревнях Индии, многие приобрели хорошую репутацию и нажили богатство, однако, несмотря на весь обширный опыт, никто из них не сделал ни одного открытия в медицине. Подобно первым ученикам школы, они только скрупу-

лезно применяли то, чему их учили. Но кто вознаградит нас за потерю, которую мы терпим из-за того, что ученики так и не становятся учителями?

Я не думаю, что виноват в этом какой-то врожденный недостаток в наших способностях. В истории Индии был длительный период, когда искусство врачевания процветало, когда его широко раскинувшиеся ветви осеняли всю страну. Это должно нам напомнить хотя бы о том, что некогда наш разум не терял живой связи со знаниями, что было время, когда мы не только заучивали, но и сами исследовали и экспериментировали, что мы пытались установить закономерности, строили гипотезы и старались найти им применение в жизни.

Куда же делись наше мужество и энергия? Почему мы так послушно, так пугливо склоняемся под бременем наших школьных знаний? Неужели потому, что мы рождены для рабства, для того чтобы сгибаться под грузом знаний, принадлежащих другим? Нет, нет и нет!

Несмотря на малые возможности и ограниченность перспективы, несмотря на недостатки нашего сегодняшнего образования, лишенного всякой жизненной силы, наша страна дала миру несколько таких великих ученых, как Джогодишчондро и Профуллочондро, и таких выдающихся педагогов и мыслителей, как Броджендронатх, доказав тем самым, что у нашего народа есть свое оригинальное мышление. И не наша вина, что оно задавлено механическим методом обучения и грубым презрением.

IV

Все живые существа подобны пламени, которое гораздо больше, чем горящий предмет. Они обладают двойной сущностью — большей и меньшей. Меньшая сущность зрима и ощутима, ее можно поймать и пленить. Большая — неуловима. У нее нет определенных границ, но она занимает много места и в пространстве, и во времени.

Когда мы представляем себе какой-либо иностранный университет, мы видим его меньшую сущность — здание, меблировку, устав и обычаи. Большая сущность остается для нас незримой. Но так же, как сердцевина кокосового ореха немислима без оболочки, любой европейский университет немислим без всего, что его окружает: общества, парламента, литературы и всех многочисленных проявлений общественной жизни. Европейцы публикуют свои воззрения в книгах, они живо обсуждают, сравнивают и распространяют их. Общий дух объединяет их профессоров и студентов в единый жизненный организм. Короче говоря, образование у них влито в сосуд их разума, который непрерывно пополняется живой водою из источника их культуры и, в свою очередь, орошает поля их общественной жизни. Только органичное единство их разума, жизни и культуры дало им возможность находить истину

во все времена и у всех народов, обогащая свою культуру, которая является основой их цивилизации.

С другой стороны, те, кто, подобно нашим современным студентам, всецело полагается на книги не потому, что этого требует их разум, а ради какого-то чисто внешнего преимущества, — обречены на замедленное умственное развитие, они подобны младенцам, вскормленным искусственной пищей. У них никогда не будет смелости, ибо они никогда не видели, как зарождаются и пролагают себе дорогу те мысли, которые они почерпнули из учебников. Они никогда не поймут исторического значения идей, ибо не видят перспектив их развития. Загипнотизированные контрастом белой бумаги и четко оттиснутых черных букв, они забывают, что все это дело рук человеческих. Они заимствуют не только чужую культуру, но и чужие мерил для оценки всего сущего. А это все равно, как если бы они клали чужие деньги да еще и в чужой карман. Их образование подобно колеснице, которая не везет их, а тащит за собой. Зрелище поистине жалкое, а подчас и комичное! Современная европейская культура, чья сила и истина заключаются в ее динамичности, ввозится к нам в обезжиренном, замороженном виде, подобно шабрам, которые мы привыкли принимать безоговорочно из-за их якобы божественного происхождения.

Все это объясняет, почему мы не можем уловить динамическую сущность живой истины. Образ мышления англичан в периоды от ранневикторианского до средневикторианского и от средневикторианского до поздневикторианского все время менялся, и вместе с ним менялись воззрения и мерил. А мы, учась у англичан, смогли усвоить лишь несколько из застывших воззрений и мерил. Наш ум не способен эволюционировать вместе с нашим учителем, а потому мы лишь перескакиваем с одного на другое, теряя связь с развитием жизни. Не задумываясь, мы бросаемся в объятия утилитаризма Бентама и Милля, либо погружаемся в спиритуализм Карлейля и Рескина, либо, наконец, удовлетворяемся парадоксами Честертона и Бернарда Шоу, которые только щекочут наш ленивый разум. И мы не видим при этом, как на всякое действие они отвечают противодействием. Мы хвастаемся ультрасовременностью нашего образования, забывая о том, что цель образования — вести нас в будущее, далеко за пределы современности.

V

Жизнь может общаться с жизнью только через живого посредника. Поэтому культура, это проявление духовной жизни разума,

NB культура связана с областью Духа. А Дух — это энергия свободы и жизни. Знания связаны с возможностями разума, а может распространяться только от человека к человеку. Книжные знания или священные тексты способны плодить лишь педантов. Они статичны и многообъемны, они лишь накаплива-

разум работает по правилам. Что первичнее? Ответ на этот вопрос зависит от нашего понимания духовности.

ют и хранят свои сокровища под строгой охраной. Культура же растет, движется и умножается в гуще жизни.

Студенты европейских университетов впитывают культуру не только из окружающей среды, но и непосредственно из общения со своими учителями. Они живут под светом своего солнца, и это солнце — дружба между учителями и студентами. А у нас есть лишь твердый камень, из которого с великим трудом удастся высекать искры, причем шума от этого куда больше, чем света. Этот камень — абстрактные знания и застывшая, негибкая методика.

К несчастью, у нас есть все, что есть в любом европейском университете, — здание, мебель и прочее. Нет лишь преподавателей. Вместо них у нас какие-то книготорговцы, устами которых, так и кажется, глаголет бумажный бог книжных лавок. Это, естественно, приводит к тому, что наши студенты становятся «неприкасаемыми» даже для наших индийских профессоров. Университетские преподаватели кормят своих воспитанников духовной пищей небольшими порциями и предпочтительно издалека, воздвигая между ними и собою стену из тетрадей. Такого рода пища не радует и не насыщает. По сути дела, мы сидим на голодном пайке, только-только не дающем умереть. Такой рацион не имеет ничего общего с человеческой культурой, не ограничивающейся требованиями строгой необходимости, — его недостаточно даже для поддержания жизни, а уж о пиршестве и говорить нечего.

До тех пор, пока мы не докажем, что мир не может без нас обойтись, что мы не какие-то жалкие приживальщики мировой культуры, нищие, не имеющие ничего за душой, — нам только остается надеяться на чужие милости. Эти милости нам приходится завоевывать порою слезами, порою лестью, порою мелкими услугами и другими узаконенными способами подхалимства.

Никто не будет стремиться прийти нам на помощь, если мы сами не заслужим уважения к себе. Кого же винить в наших бедствиях? Где взять на земле место для людей, которые только потребляют и ничего не производят? Можно ли построить инвалидный дом для целой страны? Пора усвоить суровую истину: мы никогда ничего не обретем, даже если нам что-нибудь дадут! Ибо только озеро, а не пустыня может удержать дары небесных туч, потому что в глубинах озера таятся силы, способные и принимать, и отдавать. Дается только имущему, иначе даяние оскорбительно для того, кто его принимает.

Но мы настолько привыкли жить подаванием, что уже не способны глубоко воспринять эту истину. Больше всего мы боимся, как бы не упустить какой-нибудь мелочи из того, чему нас учат, как бы не сделать грамматической ошибки в сочинении по английскому, как бы что-либо не задержало нашей подготовки к карьере мелкого конторского служащего! Для нас образование — все

равно что телега для лошади, которая тащит тяжелый груз ради того, чтобы обеспечить себе сено и место в конюшне хозяина. У лошади нет той свободы, которая есть у ее хозяина. И потому телега навсегда останется для нее воплощением рабского принуждения.

VI

Разрешите мне рассказать о том, что может дать университет, возникший и выросший на национальной почве, и что происходит, когда этому мешают обстоятельства, обусловленные историческим развитием.

В тот период, который в Европе называют темным, ибо светильник Рима тогда уже погас под натиском варварского урагана, Ирландия была одной из немногих стран Запада, где культура еще высоко держала голову. Студенты из других европейских стран устремлялись туда в поисках знаний. Их устраивали, кормили и учили бесплатно, как в наших санскритских патшала. Ирландские монахи оживляли угасающее пламя христианской религии и культуры по всей Европе. Когда Карл Великий основал в Париже университет, ему помог ученый ирландец Клеменс. Есть немало других доказательств того, каких высот достигла в то время культура Ирландии. Несмотря на то что зародилась она в Риме, эта культура, после долгого периода обособленности, проникла в жизнь и разум ирландского народа и приобрела чисто ирландский дух. И выражением этой культуры стал ирландский язык.

Когда англичане и датчане захватили Ирландию, они сожгли ирландские колледжи, разгромили библиотеки, уничтожили или разогнали монахов и студентов. Несмотря на это, в той части страны, которая все еще оставалась свободной и не подверглась разграблению, преподавание велось на ирландском языке, вплоть до царствования королевы Елизаветы, когда Ирландия была полностью завоевана, а ее национальные университеты закрыты. Вследствие этого ирландский язык, лишенный поддержки своей культуры и науки, обеднел, и появилось мнение, что он пригоден лишь для народных низов. Затем, в девятнадцатом веке, зародилось движение за развитие национальных школ, и все ирландцы приветствовали его с безграничным энтузиазмом людей, изголодавшихся по знаниям.

Но суть этого движения заключалась в том, чтобы воспитать ирландцев по англо-саксонскому образцу. Плохо это или хорошо, но творец создал каждую нацию по-разному, так что ни одной не идет костюм с чужого плеча. Когда началось движение за развитие национальных школ, восемьдесят процентов ирландцев говорили на своем родном языке. Но вскоре ирландских мальчиков, под страхом всевозможных наказаний, заставили отказаться от своего языка. Даже история их собственной страны была исключена из школьных программ!

Последствия нетрудно было предвидеть. В стране наступил духовный застой. Мальчики-ирландцы приходили в школу любо-

знательными, пытливыми и живыми, а покидали ее умственно искалеченными, с ненавистью ко всем знаниям и наукам. Дело объяснялось просто! В школе господствовало механическое преподавание, которое приводило к тому, что дети превращались в попугаев, бессмысленно повторяющих все, чему их учат.

В разных странах никогда не бывает сходных условий. Политика, проводимая Великобританией в области образования, не может дать в Индии тех же результатов, что в Ирландии. И все-таки одна сходная черта есть — мы не вкладываем душу в занятия. По правде говоря, никто даже не задумывался над тем, что у нас есть душа. По всем правилам инженерного искусства вырыли канал, построили великолепные шлюзы и плотины, затратили миллионы, — а вода не идет! Строители проклинают воду за ее упрямство, мы же встаем на ее защиту и говорим, что виноваты строители. А тем временем обширные поля изнывают от жажды. Позвольте же мне сказать шепотом, за спиной разгневанных строителей, что они насильственно нарушили естественное водоснабжение страны, и теперь страна мстит им за это.

VII

Изучение иностранного языка — далеко не самый совершенный способ оросить поля учения. Этот трюизм усыпил бы слушателей в любой другой стране. Но у нас трюизмы кажутся опасной ересью и пробуждают в наших флегматичных душах активное возмущение. Поэтому для нас трюизмы — тонизирующее средство, хотя, в общем-то, мы предпочитаем банальность. Это и дает мне смелость еще раз повторить: до тех пор, пока мы будем приобретать знания через посредство английского языка, нам придется большую часть жизни тратить на то, чтобы стучаться в ворота и открывать замок. Там, в доме, нас, может быть, ждет пиршество, но слишком долгое ожидание портит аппетит, не говоря уже о том, что длительное голодание пагубно для желудка. Идеи слишком медленно доходят до нас; мы ломаем свои зубы о грамматику, о систему орфографии, в которой нет ничего осмысленного, и уже не можем пережевать пищу, когда ее получаем.

Если вы задумаете вырастить дерево на песчаной почве безводной пустыни, вам придется привезти из какого-то далекого края не только семя, но и землю и воду. И все равно, несмотря на все ваши хлопоты, дерево вырастет хилым. И если даже оно принесет плоды, семена не созреют.

Образование, которое мы получаем в наших университетах, подобно возделыванию абсолютно бесплодной пустыни, оно предполагает ввоз из-за границы не только мировоззрения и знаний, но и языка, на котором они излагаются. Это делает наше образование таким туманным, далеким и нереальным, что оно совершенно отдалается от жизни. Это образование отнимает слишком много времени, здоровья и денег, а результаты приносит ничтожные.

Насколько я могу судить по собственному преподавательскому опыту, значительная часть учеников не имеет природной способности к изучению иностранных языков. Если такие ученики, плохо знающие английский, в школе кое-как отлепляются низкими оценками, то на более высоких ступенях образования этот недостаток приводит к неизбежной катастрофе. Есть и другие причины, по которым английский язык недоступен значительной части индийских детей. Прежде всего, разуму, привыкшему обдумывать свои мысли на восточном языке, так же трудно излагать их на английском, как трудно всунуть английскую шпагу в ножны, изготовленные для кривой сабли. И затем, разумеется, лишь очень немногие мальчишки имеют возможность по-настоящему изучить английский язык у хороших преподавателей. Сыновья бедняков такой возможности, естественно, не имеют.

И вот этим ученикам, не умеющим разумно пользоваться языком, приходится вызубривать целые книги наизусть, подобно царю Хануману из нашего древнего сказания, который не знал, какая трава ему понадобится, и понес на себе целую гору со всевозможными травами. Для людей с необычайно сильной памятью это еще доступно, но что спрашивать с несчастных юнцов, наделенных самыми обычными, средними способностями?

Вопрос ставится так: неужели эти многочисленные юнцы, не сумевшие по той или иной причине преуспеть в изучении английского языка, так виновны, что их следует карать пожизненным изгнанием из университета?

Когда-то в Англии воров приговаривали к повешению. К средним ученикам закон еще суровее, ибо высшая мера наказания применяется за неспособность к жульничеству. В самом деле, какая разница между тем, кто приносит на экзамен книгу за пазухой, и тем, кто прячет ее содержание в голове? И то и другое — жульничество, только первое — неумелое, а потому наказуемое, а второе — умелое.

Я совсем не хочу этим сказать, что имею что-либо против тех зубрил, которым удастся благополучно пересечь экзаменационный мост, подобный мосту через Хугли. Но разве нельзя оставить тем, для кого этот мост закрыт, хоть какое-нибудь средство для переправы, пусть не катер, но хотя бы лодку! Ведь мы сейчас бездарно растрачиваем силы нации, лишая высшего образования тысячи учеников, которые имеют способности и стремятся к знаниям, но почему-либо не смогли изучить иностранный язык.

Я знаю, что мне возразят:

— Вы хотите вести преподавание в высших учебных заведениях на индийских языках. Прекрасно, но как быть с учебниками?

Я знаю, что учебников у нас действительно нет. Но помилуйте, откуда же им взяться, пока преподавание ведется по-английски? Кто же станет чеканить монеты, которые не имеют хождения?

VIII

Из истории Ирландии можно извлечь еще один урок, который сводится к поговорке: сперва приходит вода, а уж потом рыба. Сначала появляются образованные люди, вокруг которых собираются ученики, стремящиеся приобрести знания, а не диплом с печатями, как бы устанавливающий рыночную цену его обладателя.

В эпоху всеобщего духовного подъема, когда мысль и знания были ключом, в Наланде и Таксиле сами собой образовались культурные центры. А мы, из-за привычки к стандартам во всем и в частности в области образования, начали дело создания национального университета не с того конца. Прежде всего мы подумали о студентах, а уж потом — о тех, кто их должен учить. Это походит на анекдот с рассеянным создателем, который положил немало сил на то, чтобы соорудить хвост, и лишь потом заметил, что у его творения нет головы. Мы приглашаем гостей, усаживаем их за стол, а потом вдруг вспоминаем, что их нечем кормить. Поневоле, чтобы отвлечь их, приходится подсовывать им роскошное меню, а потом суетиться и хлопотать, требуя блюд, которые так и не появляются на столе, и бурно возмущаться отсутствием того, другого и третьего.

До тех пор, пока нас больше всего волнует вопрос о том, как привлечь студентов, нам придется придумывать всяческие уловки, чтобы завоевать симпатии страны. Днем и ночью мы должны готовить всевозможные программы, днем и ночью нам придется раздувать ненависть ко всему иностранному, обращаться со страстными призывами к Матери-Индии и выкрикивать гипнотизирующие лозунги, дабы отвлечь и запутать умы наших соотечественников.

Но именно ради сохранения ясности ума и логики мышления нам следует выбросить на свалку все наши программы, а вместе с ними — заботы о количестве студентов. Давайте избавимся раз и навсегда от сакраментальных представлений об учебных заведениях — представлений, которые так долго засоряли наше сознание.

А затем давайте пожелаем от всей души, чтобы те, кто успешно прошел школу воспитания разума, кто способен творчески мыслить, а следовательно, и делиться своими мыслями, объединились и обосновали свои собственные кафедры для напряженных поисков и исследований в области знаний. Только таким путем, сконцентрировав наши духовные силы, мы сумеем своими руками и в полном соответствии с истиной жизни сразу создать наш университет.

Необходимо помнить о том, что такая концентрация интеллектуальных сил страны является важнейшей задачей любого университета, ибо в нем, как в ядре живой клетки, сосредоточивается созидательный дух нации.

IX

Мне часто приходится слышать о том, что добиться в Индии интеллектуального единства невероятно трудно, почти невозможно, из-за наличия у нас большого числа разных языков.

Но каждому народу, если он стремится к величию, приходится либо решать самостоятельно свои великие проблемы, либо заранее мириться с поражением и упадком. Все истинно великие цивилизации возникали на фундаменте преодоленных трудностей. Народам, имеющим в своем распоряжении полноводные реки, можно только позавидовать, но тем, у кого нет рек, приходится рыть колодцы, чтобы с великим трудом добывать воду из глубины земли. В таких странах пыль, конечно, доступнее воды, однако это еще не причина считать, будто пыль может заменить животворную влагу. Поэтому и нам нужно смело принять все трудности, связанные с нашим многоязычием, не забывая при этом, что иностранный язык, как и иностранная почва, хорош только для тепличных культур, но совершенно непригоден для возделывания полей жизни.

Давайте же рассматривать Индию не как одну из великих европейских стран, с единым языком, а как всю многонациональную Европу с множеством народов, которые говорят на множестве различных языков. Ведь не помешало это европейцам создать единую цивилизацию, хотя она и не основывается на языковом единстве!

На ранних периодах развития европейской культуры общим языком была для всех наций латынь. Это был период, когда только распускались почки культуры, когда все лепестки самовыражения были еще сжаты в один комочек. Однако совершенство духовного раскрытия вовсе не означало, что все пользовались одной колесницей литературы. Лишь когда великие народы Европы обрели каждый свой собственный язык, появилась реальная основа для создания истинного единства западных культур. При этом само различие в средствах выражения мыслей способствовало плодотворности и разнообразию обмена знаниями. В самом деле, ведь истинное единство заключается в гармоничном слиянии различий. Всякое же искусственное единообразие бессмысленно и нежизненно.

Нетрудно представить, какой урон понесла бы европейская цивилизация, если бы Франция, Италия, Германия и Великобритания действовали совершенно изолированно друг от друга, не внося своих индивидуальных вкладов в общую сокровищницу. И мы понимаем, почему вся Европа обрушилась на Германию, когда та попыталась утвердить безраздельное господство своей культуры.

У нас тоже было время, когда в Индии господствовал общий язык — санскрит. Однако для полноты обмена идеями необходимо было, чтобы каждый национальный язык достиг расцвета, ибо только через свой язык все народы Индии могут выразить собственный дух с достаточной полнотой. Этого никогда не удалось бы достичь с помощью иностранного языка, с его реалиями и ассоциациями, которые бы сковали нашу мысль и созидательный дух. Английский язык неизбежно заставляет нас искать источники своего вдохновения на Западе, с которым у нас нет общих точек соприкосновения в реальной жизни. Именно поэтому наше образование остается бесплодным либо приводит к нелепым недоразу-

меняем. Пусть же разнообразие языков не пугает нас! Гораздо опаснее занимать для своей культуры язык заморской страны, ибо живой родник языка вдали от своих истоков высыхает и мелеет.

Нам трудно себе представить, как это мы вдруг перестанем строчить на английском языке всевозможные заявления или откажемся от места мелкого служащего в каком-нибудь второстепенном ведомстве. Но пока, к прискорбью, английский остается официальным языком, это искусственное препятствие не пропускает наш родной язык в храм культуры, обрекая его на прозябание на задворках.

Мириться с этим — значит продолжать и впредь нести тяжелое и дорогостоящее бремя мероприятий правительства, которые совершенно непонятны большинству населения. А это, в свою очередь, вызывает неприятную необходимость прибегать к помощи знающих английский язык посредников буквально во всех, даже самых пустяковых случаях, когда населению приходится обращаться к властям. Насколько мне известно, Индия — единственная страна в мире, где правительственный департамент по делам сельского хозяйства выпускает для крестьян бюллетени на непонятном для них языке, да еще заставляет несчастных крестьян платить из своего кармана за это бессердечное издевательство.

Правительство не жалеет никаких средств на перевод с наших языков на английский, чтобы до предела облегчить работу немногочисленных чиновников-англичан, участвующих в управлении чужой для них страной. Однако оно ничего не делает для того, чтобы триста миллионов коренных жителей этой страны могли проникнуть в тайны чужого для них английского языка. Поэтому никакие законы, постановления законодательных советов, обращения правительства к населению и важнейшие правительственные сообщения просто не доходят до народа. Остается только удивляться, как это у нас до сих пор пишут названия железнодорожных станций на индийских языках! Видимо, кое-кто в правительстве еще не окончательно утратил чувство юмора. А если говорить всерьез, то наши правители всемерно облегчают свои обязанности, но тем самым бесконечно затрудняют жизнь народа, которым они правят.

Создалось совершенно противоестественное положение, когда родной язык мешает достижению успеха, когда многие из наших образованных людей гордятся унижительной способностью ловко балансировать на канате английской грамматики, настолько тонком, что он может оборваться каждую секунду. И при этом мы вынуждены стыдливо закрывать глаза на вопиющие недостатки нашей системы образования и со слезами благодарности принимать от нее камень вместо хлеба. Ибо нам приходится содержать наше правительство не только за счет налогов, но и за счет родного языка и национальной культуры, от которого зависит все будущее нашей Родины.

Х

Все это заставляет думать об организации индийской системы образования, совершенно независимой от существующей сети школ и колледжей, контролируемой университетом. Пусть эти рассадники механических знаний займут надлежащее место среди судов, контор, полицейских участков, тюрем, сумасшедших домов и тому подобных атрибутов цивилизации.

Нашей стране нужны плоды и тень; поэтому давайте уйдем от сооружений из кирпича и бетона к земле. Почему у нас не хватает смелости допустить, что мы можем взращивать наши жизненные силы так же естественно, как это делали ученики, собиравшиеся вокруг учителей в лесных обителях ведической эпохи или в Наланде и Таксиле во времена Будды? Ведь сохранились же такие очаги знаний даже сегодня, в период упадка, в виде наших толгов и чатушпати!

Однако подобные центры не следует даже называть университетами, ибо одного этого слова достаточно, чтобы возникла непреодолимая тенденция к сравнениям и рабскому подражательству. Я бы предложил создать где-то некое подобие духовного центра притяжения, который бы собирал наследие всех эпох всех индийских народов, формируя полноценную и живую сферу индийской культуры.

XI

Одного ученика англо-национальной школы в Аллахабаде как-то спросили, что такое река. Сообразительный малыш ответил совершенно правильно. Но когда его спросили, видел ли он сам реку, несчастный ученик, живший возле места, где сливаются Ганга и Джамуна, ответил, что нет, не видел. Ему и в голову не пришло, что привычный обыденный мир, в котором он живет, может быть тем другим великим миром, из учебника географии! Когда мальчик подрастет, он, наверное, узнает, что даже его страна нашла освещение в географии и что в ней тоже есть реки. Но представьте, что он ничего не будет знать до тех пор, пока какой-нибудь иностранный путешественник не расскажет ему однажды, что он живет в огромной стране, где есть такие высокие горы, как Гималаи, и такие большие реки, как Инд, Ганга и Брахмапутра. Это будет опасным ударом для душевного равновесия нашего ученика. От привычного самоуничижения он может сразу броситься в другую крайность и начнет кричать на всех перекрестках, что остальные страны ничего, мол, не стоят, а вот его страна — истинный рай земной! Его прежнее представление о мире было ошибочно и объяснялось его невежеством. Однако новый взгляд на мир еще хуже, ибо он превратен и смешон, как всякая глупая самовлюбленность. То же самое происходит и с нашей индийской культурой. Из-за вынужденных пробелов в наших знаниях мы считаем, что у Индии нет или почти нет своей культуры. Но когда до нас доносится хотя бы отзыв похвального слова, произне-

сенного в честь индийской культуры каким-нибудь зарубежным мудрецом, мы теряем всякое самообладание и начинаем вопить, что другие культуры всего лишь плоды рук человеческих, а вот наша-де — божественное творение самого Брахмы! Это, в конечном счете, приводит к своеобразному запою, когда организм, привыкший к самообольщению, уже не может без него обходиться.

Не следует забывать, что учение об исключительности какого-либо творения давно устарело, а мысль об особом предназначении какой-нибудь избранной нации является отрывкой варварских веков. Пора, наконец, понять, что в наше время любая теория или культура, изолированная от окружающего широкого мира, никогда не может быть истинной. Только узника одиночной камеры можно считать изолированным от мира. И те, кто возмещает, будто Индия осуждена провидением на вечное интеллектуальное заключение в одиночке, отнюдь не способствуют прославлению нашей страны.

Поэтому в любом случае, если мы намереваемся создать центр индийской культуры, нам следует исходить из того, что Индия обладает собственной культурой, способной обогатить все народы.

Высказывая эту мысль, я словно чувствую, как кое-кто из моих соотечественников дергает меня сзади и говорит:

— Постойте-ка! Разрешите спросить, вы действительно думаете, что индийская культура — лучшая в мире, или просто считаете, что она достойна занять в нашем образовании почетное место?

К счастью, наш мир устроен так, что в нем невозможна тирания чего-то одного, пусть даже самого лучшего. Есть немало вариантов лучшего, которые дополняют друг друга. Поэтому не будем спорить из-за превосходных степеней или воспринимать их слишком серьезно.

Не составляет труда доказать, что в индийской культуре есть свои предрассудки и свои недостатки. Они проявляются особенно ярко потому, что развитие нашей культуры приостановлено. И в европейской культуре есть свои предрассудки. Их больше чем достаточно и в европейской политике, и в науке. Однако эти предрассудки не становятся губительными, ибо политика и наука развиваются и меняются, подобно европейским классовым разграничениям, которые лишь потому не давят всей своей тяжестью, что они постоянно в движении.

Совсем недавно, всего несколько лет назад, Европа начала смотреть на мир сквозь очки так называемой «борьбы за существование». Эти очки определяли для нее цвета мира и отношение к нему. Мы тоже, как и подобает послушным ученикам, подхватили эту фразу, воображая, что неверие в нее свидетельствует о недостатке образованности. Но уже сейчас эта идея претерпевает заметные изменения, ибо появились факты, доказывающие, что позитивные силы, определяющие естественный отбор, являются дружественными силами, силами сочетания. В девятнадцатом веке девизом политической экономии была безудержная конкурен-

ция. В двадцатом веке на смену конкуренции постепенно приходит сотрудничество. Это лишний раз доказывает, что все, задерживающее движение, — вредоносно.

Было время, когда Индию занимала проблема жизни. Мы широко экспериментировали, и достигнутые нами результаты заслуживают внимания, несмотря на то, что они отличны от результатов, полученных в Европе. Но надо двигаться вперед, надо, чтобы эти результаты влились в поток мировых открытий. Если же они будут отставать и суеверно отрешиваться от опыта всего человечества, человечество с презрением забудет о них. Пора выстроить наши знания в стройные ряды и заставить их двигаться в такт с барабанным боем жизни.

XII

Слишком долго наша культура была в изгнании, замкнутая в наших национальных санскритских патшала. Она стала как бы неприкасаемой, ибо незаслуженное преклонение изолирует так же, как незаслуженное презрение.

В свое время безмерное обожествление микадо превращало его в пленника в собственном дворце, так что в результате истинным правителем Японии был не он, а сёгун. Когда микадо понадобилось взять власть в свои руки, ему пришлось выйти из своего божественного заключения.

Так и культура наших санскритских патшала была замкнута в самой себе — прочие культуры для нее не существовали. Считалось, что она появилась из божественных уст Брахмы, или из заплетенных волос Шивы, или еще каким-то сверхъестественным способом, а потому культура эта бесподобна, священна, ее ни с чем нельзя смешивать, а следует хранить в первозданной чистоте, оберегая от непосвященных. Так она стала индийским микадо, в то время как культуры других народов набирали силу благодаря ничем не ограниченной свободе развития и становились хозяевами положения, каким был сёгун. Мы можем преклоняться перед микадо, однако дань мы платим сёгуну. Мы можем тайком проклинать сёгуна и свое рабство, но все равно, когда придет время посылать наших сыновей к его двору, мы продадим украшения жены и заложим дом предков, чтобы уплатить ему дань до последней монеты.

Оттого что мы почитательно опутываем нашу культуру золотыми цепями, не будет никакого толку. В наш век все искусственное рухнет; выживает лишь то, что своей основой связано с широким миром, а то, что прячется в тайной норе исключительности, неизбежно гибнет. Детскую следует хорошенько запирают, оберегая колыбель младенца. Но если ребенка, когда он подрастет, по-прежнему держать взаперти, он будет слаб духом и телом.

Некогда Китай, Иран, Египет, Греция и Рим взращивали свои культуры в относительной изоляции. Однако общее величие, присущее в той или иной мере каждой из них, выросло и достиг-

ло силы в защитной оболочке индивидуальности. Нынче начался век сотрудничества и взаимной помощи. Пора высаживать ростки, проклюнувшиеся в отдельных теплицах, под открытое небо, на поля. Чтобы установить, что стоит товар на самом деле, его надо выбросить на мировой рынок.

Поэтому и мы должны готовить широкое поле для сотрудничества культур всего мира, тогда каждая из них будет отдавать и брать у другой и каждую будут изучать в ее историческом развитии. Подобное уточнение знаний путем сравнительного изучения и подобный прогресс в области интеллектуального сотрудничества будут лейтмотивом грядущего века. Мы можем гордиться нашей священной обособленностью в воображаемой безопасности нашей хижины, однако мир все равно окажется сильнее нашей хижины и в конце концов разрушит стены нашего убежища.

Однако прежде чем сравнивать себя с другими мировыми цивилизациями или пытаться с ними сотрудничать, нам необходимо создать свою собственную культуру на основе синтеза всех индийских культур. Когда будет создан подобный центр, мы сможем без стыда и смущения смотреть в лицо Западу, сможем не склонять перед ним головы и не бояться оскорблений. Ибо из этого центра на нашей родной земле нам откроются свои пути к истине, и новые идеи устремятся оттуда в признательный мир.

XIII

Во всех великих странах есть свои основные центры духовной жизни, где уровень знаний особенно высок. К этим центрам, естественно, стремятся умы людей, ибо там, в близкой им по духу атмосфере, они могут проявить свои таланты и внести свою лепту в сокровищницу национальной культуры. Тем самым они как бы поддерживают на алтаре страны великое жертвенное пламя разума, озаряющее все окрест.

В Греции таким центром были Афины, в Италии — Рим, а в современной Франции — Париж. Центром нашей санскритской культуры был и до сих пор остается Бенарес. Однако санскритская культура не охватывает всех элементов, из которых складывается культура современной Индии.

Если мы поверим утверждению некоторых людей, будто европейская культура единственная достойная этого имени в наше время, то невольно возникает вопрос: есть ли в Индии какой-нибудь естественный центр для европейской культуры? Имеет ли он жизненные, плодотворные связи со страной? Ответ не вызывает сомнений: такого центра не только нет, но и не может быть, ибо постоянный центр европейской культуры может существовать только в Европе. Поэтому, считая, что европейская культура для нас — единственный источник духовного света, мы уподобляемся людям, которые принимают за солнце звезду, озаряющую какие-нибудь далекие миры. От звезды тоже доходит до нас сияние, но

она никогда не принесет нам день; звезда может указывать направление в море исследований, но она никогда не озарит полным светом истину. Короче говоря, такая звезда никогда не вызовет брожения жизненных соков в незримых глубинах наших душ, никогда не озарит своим сиянием нашу жизнь.

Именно по этой причине европейское образование остается для Индии школьной премудростью, а не культурой, коробкой спичек, а не зарей, в которой слиты воедино с необходимостью и красотой, и все неуловимые тайны жизни.

Внутренний дух Индии призывает нас создать великие культурные центры, где соберутся все жаждущие творческой деятельности духовные силы страны; все запасы ее знаний и мыслей, как восточных, так и западных, сольются в гармоническом единстве. Индия ищет свою современную Брахмаварту, свою Митхилу времен Джанаки, свой Удждаини времен Викрамадитьи. Она ищет радостной возможности познать свою душу и подарить ее миру, чтобы помочь его продвижению вперед. И она сможет это сделать, когда соберет свои ныне хаотически распыленные силы и освободится от инертности заимствования.

XIV

Разрешите мне сказать ясно и определенно, что у меня нет предубеждений против какой бы то ни было культуры из-за ее иностранного происхождения. Наоборот, я убежден, что столкновение различных культур необходимо для жизнеспособности нашего интеллекта. Считается, что многое в духе христианства противоречит не только классической европейской культуре, но и европейскому складу души. И тем не менее принесенный извне поток, противясь естественному течению европейской мысли, явился важнейшим фактором развития и обогащения европейской цивилизации именно потому, что двигался в противоположном направлении. В самом деле, национальные языки Европы пробудились к жизни и расцвели, прежде всего, благодаря влиянию чужеродных идей, проникнутых восточным мироощущением и чувствами.

То же самое происходит и в Индии. Европейская культура принесла нам не только свои знания, но и свой динамизм. Мы не можем усвоить ее сразу и целиком, и это ведет к бесчисленным ошибкам. Однако европейская культура пробуждает наше сознание от интеллектуальной спячки именно благодаря тому, что не совпадает с нашими традиционными представлениями.

Я протестую только против искусственного положения, при котором иностранное образование стремится полностью завладеть нашим национальным сознанием и тем самым если не совсем уничтожает, то значительно убавляет наши шансы на обогащение ума с помощью новых истин. Поэтому я призываю к усилению всех национальных элементов нашей культуры вовсе не для противодействия западной культуре, а для того, чтобы мы

могли по-настоящему понять и принять ее, чтобы она стала нашим хлебом насущным, а не обузой, чтобы мы перестали питаться крохами с ее стола, зазубривая тексты учебников.

XV

Индийская культура разделялась на четыре потока — ведический, пуранический, буддийский и джайнистский. Истоком для нее служили высшие откровения индийской мысли.

Однако ни одна река не питается водами только той страны, по которой течет. Так, тибетская Брахмапутра вливается в индийскую Гангу. Равным образом и у индийской культуры есть свои притоки. В Индию, например, неоднократно приходили мусульмане со своими сокровищами знаний, своим мироощущением и своей удивительной веротерпимостью, вливаясь, подобно ручьям, в общий поток. Магометанство внесло неоценимый вклад в нашу музыку и живопись, литературу и архитектуру. Те, кто изучал жизнеописания и труды наших средневековых святых, а также великие религиозные течения, возникшие во времена мусульманского господства, знают, сколь многим мы обязаны этому иноземному притоку, неразрывно слившемуся с нашей жизнью.

А потом на нас обрушился поток западной культуры, который начал размывать все дамбы и берега, захватывал в своем неукротимом стремлении все другие притоки. Если бы мы могли создать для него отдельное русло, мы бы спаслись от наводнения. В противном случае придет день, когда мы убедимся, что как ни велика была польза от такого разлива, причиненный им урон неизмеримо больше.

Поэтому в нашем центре индийского образования необходимо изучать все культуры — ведическую, пураническую, буддийскую, джайнистскую, мусульманскую, сикхскую и зороастрическую. И лишь параллельно с ними — европейскую культуру, ибо только в этом случае мы сумеем ее усвоить. Река, текущая в своих берегах, принадлежит нам, но ее разлив — катастрофическое бедствие для нас.

Вряд ли стоит добавлять к сказанному, что наряду с языками, в которых сосредоточены сокровища нашей древней мудрости, необходимо изучать великие языки, выражающие живой дух современной Индии, причем в систему изучения современных языков необходимо включить курс народной литературы, чтобы по-настоящему постичь психологию нашего народа и уловить направление, куда стремится подземный поток жизни.

Некоторые люди настолько осовременились, что считают все наше прошлое потерянным, они утверждают, будто бы прошлое не оставило нам ничего, кроме долгов. Они отказываются верить, что снабжение армии, продвигающейся вперед, осуществляется все-таки за счет тылов. Таким скептикам нелишне напомнить, что великая эпоха Возрождения началась с того, что люди вдруг обнаружили в житнице прошлого семена бессмертных идей.

Несчастен народ, не сумевший сохранить урожай прошлого, ибо, потеряв его, он потерял свое настоящее. У него нет семян для посева, и вот ему приходится нищенствовать, чтобы не умереть с голоду. И мы должны всегда помнить, что не принадлежим к числу таких обездоленных историей народов. Пришло время вскрыть сокровищницу наших предков и пустить ее богатства в оборот жизни. Пусть они помогут нам создать наше собственное будущее, ибо хватит нам собирать обноски у других народов!

XVI

До сих пор я говорил только об интеллектуальном аспекте образования, потому что он нам более знаком и потому что мы в Индии, подобно луне, подставляем под лучи солнца мировой культуры лишь одну свою сторону — интеллектуальную. Видимо, мы еще не до конца осознали, что и другая сторона нашей жизни также нуждается в тепле и свете.

Обычное образование дает нам представление только о европейской науке, да еще, в лучшем случае, о литературе. Таким образом, наше знакомство с современной культурой ограничивается грамматикой и лабораторией. Мы почти ничего не знаем об эстетической стороне жизни, и это совершенно невозделанное поле зарастает сорняками.

NB *В наш век собрано огромное количество информации, заложенной в произведениях искусства. Каждое произведение искусства представляет собой мировоззрение художника, определенную эпоху и среду, в которой он жил. Поэтому, общаясь с картиной или скульптурой, или другим видом искусства, мы можем увидеть в ярких образах все, что там происходило.*

Каждое произведение многогранно и многолико, и любой заинтересовавшийся искусством увидит в нем что-то свое, личное, раскроет в нем самого себя и мир вокруг.

Художник, создавая свое произведение, дает нам в распоряжение «дверь» или «окно» в невидимый поток информации. И этот поток бесконечен, а произведение искусства — только его отправная точка.

Поэтому мне придется еще раз прибегнуть к трюизму и с полной серьезностью повторить, что музыка и другие искусства являются высшими средствами национального самовыражения, без которых народ остается немым.

Логический разум захватывает только внешние, поверхностные слои жизни; подсознание проникает в глубины глубин, где со дна океана внешних восприятий, словно огромный материк, поднимается мудрость неисчислимых веков. Наше сознание выражается в разнообразной разумной деятельности, которая протекает у нас на глазах. Подсознание, в котором обитает наша душа, тоже должно иметь свои средства самовыражения; такими средствами являются поэзия, музыка и изобразительные искусства, ибо в них человеческая личность воплощается с наибольшей полнотой.

Наши газеты чересчур многословны, наши собрания слишком крикливы, — мы донашиваем обноски, полученные от наших английских учителей, и проливаем ручьи горьких слез, от которых только разводится сырость. Но где наше искусство, в котором, как весенние цветы, могла бы раскрыться вся глубина нашей истинной сущности, все богатства нашей души? Неужели нам суждено вечно страдать от непереносимой тяжести духовной немоты? Неужели для нас, как для несчастных неприкасаемых, нет места на празднестве национальной культуры и нам остается лишь толпиться на заднем дворе, где нет ни красок, ни изящных очертаний, ни песен? Неужели наше образование должно быть тюрьмой, где заключенных заставляют много работать и носить жалкие лохмотья, еле-еле прикрывающие наготу? Разве мы не знаем, что совершенство красок, форм и самораскрытия свидетельствует о жизнеспособности и что радость жизни — это лишь внешнее выражение силы жизни?

Лесоторговец может воображать, будто цветы и листва всего лишь легкомысленные украшения дерева, но если он попробует от них избавиться, то на собственном горьком опыте убедится, что вместе с листвой и ветвями гибнет и ствол.

В период владычества моголов музыка, архитектура, графика получали в Индии значительную поддержку со стороны правителей, ибо вся жизнь их была связана с нашей страной, именно вся жизнь, а не только правление; искусство же возникает лишь из общности людей.

Наши же английские учителя подобны перелетным птицам: они что-то чирикают нам, но не поют, потому что душа их остается далеко за пределами Индии, где они чувствуют себя изгнанниками. Истинная родина их музыки и изобразительных искусств — в Европе, где они укоренились так глубоко, что их уже можно перенести в далекую чужую страну только вместе с родной землей.

Мы знаем европейцев-ученых, европейцев-властителей, европейцев — энергичных дельцов и политиков, но мы не знаем европейцев — посвятивших себя художественному творчеству. Именно поэтому современная Европа кажется нам неполноценной, ибо мы видим лишь одну ее сторону — силу разума и практическую деловитость. Естественно, что такое одностороннее знакомство затрагивает только наш интеллект и пробуждает в нас лишь утилитарные стремления.

Но подобное искажение жизни, вызываемое ограниченностью культуры, нельзя больше терпеть! В предполагаемом центре нашей культуры музыка и изобразительные искусства должны, наконец, занять почетное место, а не просто удостоиться снисходительного признания. Необходимо собрать и изучить различные школы музыки и изобразительных искусств разных эпох, рассеянные по различным провинциям и слоям общества. Только тогда удастся установить истинный критерий эстетического восприятия, который поможет нам выразить самих себя в искусстве с надлежащей силой и разнообразием. А это, в свою очередь, поз-

волит нам судить об искусстве всех других стран со сдержанностью человека, познавшего истину, и перенимать у них мысли и формы, не опасаясь обвинения в плагиате.

XVII

О чем бы я ни говорил в этой статье, меня ни на мгновение не покидает тайное чувство беспокойства, вызываемого мыслью о том, что скажет обо всем этом человек практичный, деловой, ибо деловые люди всегда относятся с подозрением к любым идеальным проектам именно из-за их совершенства. Они наверняка скажут мне с неумолимой серьезностью:

— Все, что вы говорите, и все, что описываете, возможно, верно; хуже того — может быть, даже прекрасно.

Но осуществимо ли это?

Поскольку сам я человек неделовой и непрактичный, я могу ответить лишь следующее:

— Все, что истинно, — реально. Реальность неотделима от истины, как полотно неотделимо от картины, реальность всегда является основой истины. И если в моем проекте создания центра индийской культуры есть зерно истины, его можно и, стало быть, надо осуществить, чего бы это ни стоило.

Первая практическая задача, которую нам предстоит решить, — это задача чисто финансового порядка. Что нужно сделать, чтобы такие культурные центры могли не только возникать, но и освобождаться со временем как от опеки богатых филантропов, так и от мертвящего давления своих собственных фондов? Если нам завещают в наследство славу и деньги, которые навсегда останутся у нас, заслуживаем мы того или нет, — такая слава и такие деньги неизбежно искалечат нашу жизнь, сделают нас ленивыми и замкнутыми в себе и в конце концов приведут к загниванию нашей души. Они будут подобны мраморным ступеням, сбегаящим к реке, которая давно уже изменила свое течение. Поэтому нам следует подумать, каким образом сможет наш истинно национальный центр культуры обеспечивать самого себя, ибо только тогда он не утратит живой связи с будущим и не превратится в паразита, существующего за счет прошлого.

Итак, перед нами встают две сложнейшие проблемы: проблема бедности нашей духовной жизни и проблема нашей материальной нищеты.

О первой уже говорилось в этой статье. И я пришел к выводу, что для обогащения нашей духовной жизни необходимо собрать и объединить все наши культурные ресурсы. Я говорил о том, что современное английское образование дает нашим умам пищу, которая содержит лишь одну жизненно необходимую составную часть; пища эта далеко не свежая, она упакована в жестяные банки. Поэтому, чтобы наша духовная пища была питательной, нужно включить в нее все другие необходимые вещества, и главным

образом естественные, органические, сходные с нашей живой тканью, а не лабораторные экстракты или полуфабрикаты.

Точно так же обстоит дело и с нашей материальной бедностью. Справиться с нею можно, лишь сосредоточив наши материальные ресурсы путем слияния индивидуальных усилий. Наш культурный центр должен быть создан на экономической основе именно такого сотрудничества. Он должен не только учить, но и жить, не только мыслить, но и производить. Наши тапованы, которые были первыми индийскими университетами, никогда не отрывались от действительности. Учителя и ученики жили в них полнокровной жизнью: они сами собирали плоды и топливо, сами пасли свои стада, и духовное воспитание учеников было частью той духовной жизни, которая включает в себя жизнь целиком. Наш культурный центр должен быть не только центром интеллектуальной жизни Индии, но и центром ее экономической жизни. Пусть студенты возделывают поля и выращивают скот, чтобы обеспечить свои потребности; они должны сами производить все необходимое, применяя на практике лучшие орудия и новейшие научные открытия. Само существование такого центра будет зависеть от успеха производственной деятельности, которую следует строить на кооперативных началах; тогда учителя и студенты будут связаны самыми действенными узами жизненной необходимости. Это даст им также производственную практику и научит работать, не думая о барыше.

Такое учебное заведение должно объединить вокруг себя все соседние деревни и связать их между собой живыми экономическими связями. Их бытовые условия, санитария, мораль и интеллектуальная жизнь должны стать объектом его общественной деятельности. Одним словом, наш центр не должен походить на метеор, осколок какого-то чужого мира, а быть самим миром, совершенным, независимым, полным вечно обновляющейся жизни, способным распространять свет в пространстве и времени, притягивая к себе и удерживая вокруг себя целую систему планет, равно как и способным вырастить истинного Человека, делового и разумного, неразрывно связанного с обществом и стремящегося к полной духовной свободе.

XVIII

Прежде чем закончить эту статью, я хотел бы остановиться на одном деликатном вопросе: какую веру будут исповедовать в нашем центре индийской культуры, который я бы назвал Вишвабхароти? Обычно, когда речь идет о так называемых «национальных школах», этот вопрос попросту обходится. Когда же мы говорим о национальном университете, мы, как правило, подразумеваем индуистский университет. Поэтому, задумываясь над поставленным выше вопросом, мы можем дать лишь один ответ, — конечно, индуизм! Не в силах подняться до представления о Великой Индии, мы пытаемся делить ее культуру точно так же, как разделили общество своими религиозными обрядами и обычаями. Иными словами, ког-

да дело доходит до нас, идея возможного объединения отнюдь не приводит нас в восторг, а, наоборот, вызывает недовольство.

Как бы то ни было, нам придется признать, что в мире есть и, возможно, всегда будет множество различных религиозных сект. Сетовать по этому поводу или ссориться из-за этого бессмысленно, ибо это — факт. В моем доме есть моя личная комната, где стоит маленький стол со специальными ящичками для ручек, чернильницы и бумаги, — здесь мне лучше всего пишется и работается. Я не вижу причин хулить или восхвалять мою комнату, — она просто моя, сюда я могу приглашать и здесь я могу принимать всех моих друзей и гостей. Может быть, эта комната узковата, в ней не хватает воздуха, может быть, она неопрятна. Мой врач может поднять по этому поводу шум, друзья — обрушиться на меня с упреками, враги — с насмешками, но все это не имеет в данном случае значения. Я считаю, что если бы все комнаты моего дома были предназначены только для меня, если бы мне негде было принять друзей или нечем угостить гостей, тогда бы меня было за что порицать. Тогда бы, склонив от стыда голову, я признался, что моим многочисленным друзьям в моем доме не найдется места.

Религиозные секты возникали во всех странах и во все времена в связи с различными историческими причинами. Всегда найдется множество людей, которые по традиции или в силу своего темперамента будут утверждать, что только последователи их секты являются истинными избранниками, и одновременно будут люди, заявляющие, что, наоборот, истинная благодать доступна лишь сторонникам их секты. Раздоры между теми и другими неминуемы. Но, даже допуская, что для подобных неизбежных и бесконечных склок существует достаточно поводов, неужели нельзя найти широкую основу, на которой все религии могли бы сойтись и забыть о своих противоречиях? Неужели в религиозных учениях Индии нет такого широкого поля, где достаточно света и воздуха для всего человечества?

Упорство, с которым сектанты отвергают подобную возможность, заставляет сомневаться в этом. Реки крови, пролитые из-за мелких раздоров между сектантами, заставляют сомневаться в этом. Оскорбительная и жестокая рознь между людьми, благословляемая религиями, заставляет сомневаться в этом. Но, несмотря ни на что, когда я обращаюсь к чисто индийской культуре, к тому времени, когда она была озарена светом истины, я вижу, что такая основа у нас есть. Наши предки расстелили один белоснежный ковер, чистосердечно пригласив занять на нем место все народы в дружбе и согласии. На этом собрании не было места для ссор, ибо Он, что пригласил к себе всех людей на вечные времена, был Шантам, Шивай, Адвайтам — Миротворный, таящийся во всех столкновениях, Благой, открывающийся во всех несчастьях и бедах, Единый во всех противоречиях. И от имени Его древняя Индия провозгласила вечную истину:

«Зряч лишь тот, кто зрит все сущее в самом себе».

ШКОЛА ПОЭТА*

Из вопросов, часто мне задаваемых, я понял, что общественное мнение требует оправданий от поэта, который, подобно мне, имел неосторожность создать свою школу. Никто не может отрицать, что тутовый шелкопряд и порхающая бабочка представляют две разные стадии существования, противоположные одна другой. Шелкопряд как будто получает ссуду в некоей учетной конторе Природы в соответствии с объемом работы, которую он выполняет. Но бабочка — существо безответственное. Ценность, которой она может обладать, не имеет практического применения и так легковесна, что ее без труда может поднять пара танцующих крылышек. Быть может, на нее любитесь бог-хранитель всех цветов радуги, которому нет дела до счетных книг и который в совершенстве владеет великим искусством расточительства.

Поэта можно сравнить с такой бездумной бабочкой. Он тоже пытается воспроизвести все праздничные краски творения в звучании своих стихов. Так почему он всегда должен замыкаться в тюрьме долга, требующего какого-то положительного, осязаемого и вполне благопристойного результата? Почему он должен отчитываться перед здравомыслящими людьми, которые судят о достоинствах его произведений по той прибыли, которую они принесут?

Я полагаю, что ответ каждого поэта должен быть таким: когда солнечным днем, в холодное время года, он встречается с немногими учениками под теплой сенью ветвей могучих, стройных и высоких деревьев шал, он начинает писать поэму, не прибегая к помощи слов.

В наши дни самоуглубленного психоанализа проникательные умы открыли потаенный источник поэзии в некоем темном слое подавленной свободы, в постоянном приглушенном стремлении к самовыражению. И, безусловно, они были правы. Призрак моего далекого детства напоминал мне о неиспользованных возможностях той ранней поры начинаний: он стремился ожить в жизни других детей и снова построить потерянный рай, что в состоянии сделать только дети, которые пользуются необычными материалами, не имеющими ни точной меры, ни твердой стоимости.

Это напомнило мне о другом поэте древней Индии — Калидасе. Биография его не написана, но ее нетрудно домыслить. К счастью

* Статья опубликована в октябре 1926 г. в журнале «Вишвабхароти куортерли» (II, т. II, с. 262—279).

для ученых, он не оставил точных сведений о месте своего рождения и, таким образом, дал им тему для бесконечных споров, которую не смогло исчерпать даже всепоглощающее время. Я не претендую на глубину эрудиции, но, помню, читал где-то о том, что Калидаса родился в прекрасном Кашмире. После того я перестал читать исследования о месте рождения поэта из боязни наткнуться на другое столь же убедительное, но прямо противоположное мнение. Так или иначе, Кашмир — вполне подходящее место для рождения Калидасы, и я завидую ему, так как сам родился в Калькутте.

Но не нужно развенчивать психоанализ, ибо поэт был изгнан из Кашмира в город на равнине, и вся его поэма «Облако-Вестник» — это той печальной музыки, которая находит свою кульминацию в «воспоминаниях о счастливом прошлом». Разве не знаменательно, что в этой поэме якша, стремящийся к своей подруге, оставшейся в раю вечной красоты, задерживается в своем воображении у каждого холма, ручья или леса, всматривается в черные глаза крестьянских девушек, радостно приветствующих дождевые июньские облака, прислушивается к голосу старца, рассказывающего под баньяном давно известную легенду о любви, которая вечно сохраняет свою свежесть, орошаемая слезами и озаряемая улыбками многих поколений простых людей? Разве не чувствуется во всем этом человек, заключенный в каменную тюрьму города и наслаждающийся видением счастья, которое в его воображаемом путешествии следует за ним от холма к холму, поджидает на каждом повороте дороги, обещая разлученным на земле возлюбленным встречу в небесах?

Поэт испытывал не физическое недомогание, вызванное тоской по родине; это нечто гораздо более глубокое — ностальгия души. Почти во всех сочинениях поэта мы чувствуем гнетущую атмосферу царских дворцов той эпохи с их пышной роскошью, атмосферу, отравленную бессердечием себялюбия, хотя и сочетающуюся с атмосферой утонченной культуры, щедрой цивилизации.

При царском дворе поэт жил в изгнании — он был изгнан из святилища Предвечного. Поэт знал, что не он один, — в изгнании находился весь век, в котором он был рожден, век, накопивший богатства и потерявший благо, воздвигнувший хранилища для вещей и утративший связь со вселенной. Каким же образом выражал поэт постоянное стремление к совершенству в своих драмах и поэмах? Образцом ему служила тапована — лесная обитель патриархальной общины древней Индии. Те, кто близко знаком с санскритской литературой, хорошо знают, что эта община не была объединением людей с низкой культурой и примитивным мышлением. Это были правдоискатели, которые жили в атмосфере чистоты, но не пуританизма, жили просто, но не умерщвляя своей плоти. Они не проповедовали безбрачия и не чурались других людей, живущих мирскими интересами. Цель и стремления общины кратко выражены в следующих строках «Упанишад»:

Эти люди ясного ума проникают во все сущее.

И повсюду пребывают в единении с вездесущим духом.

Это учение никогда не было негативной философией самоотречения, ибо цель его — достижение всеобъемлющего познания. И вот в процветающем городе Удджайни в славную эпоху Викрамидиты измученный разум Калидасы, угнетенный всеразрушающей властью вещей, устремился мыслью к таповане как источнику жизни, свободы и света.

И отнюдь не из подражания, а по естественному совпадению то же видение посетило современного индийского поэта, изведавшего муки духовного изгнания. Во времена Калидасы народ пылко верил в идеал тапованы, лесной обители, и можно не сомневаться, что в ту эпоху существовали общины, жившие на лоне природы. В них вступали отнюдь не аскеты, проповедовавшие суровое умерщвление плоти, не останавливающиеся даже перед самоубийством, а люди с нормальной психикой, стремившиеся осуществить свое духовное предназначение. Следовательно, когда Калидаса воспевал таповану, его стихи находили непосредственный отклик в живой вере его слушателей. Но в наши дни идея тапованы потеряла прочную связь с реальностью и отошла в призрачную страну древних легенд; в современном стихотворении это всего лишь поэтический образ, к которому надо подходить с литературными мерками. Кроме того, дух тапованы, в его первоизданном чистом виде, в наше время был бы причудливым анахронизмом. Следовательно, для того чтобы приобрести реальные очертания, он должен найти в современности пусть не строго идентичное, но, во всяком случае, правдивое воплощение древней идеи. Вот почему современный поэт так стремится говорить ясным, доходчивым языком.

На этом я должен остановиться подробнее.

Цивилизованный человек далеко отклонился от орбиты естественной жизни. Подобно пчеле, он постепенно приобрел и упрочил некоторые привычки, необходимые для жизни в людском улье. В наше время мы часто встречаем людей, которые без всякой видимой причины страдают от скуки, от усталости, от разлада с окружающей действительностью. Социальные революции постоянно сопровождаются самоубийственным насилием, порождаемым нашим возмущением, направленным против социальных перегородок в человеческом улье; эти непроницаемые перегородки издавна лишали нас перспектив, столь необходимых для сохранения правильных пропорций в искусстве жизни.

Все это показывает, что реальный человек не может быть уподоблен пчеле, и поэтому, когда его личную свободу приносят в жертву обществу, он проявляет ничем не сдерживаемую вражду ко всему общественному.

В современных весьма сложных условиях механические силы организованы столь эффективно, что рост производства намного опережает способности человека к отбору и упрощению производимых материалов, чтобы они гармонизовали с его природой и его потребностями. Неудержимое перепроизводство, подобное буйной тропической растительности, закабаляет человека. Гнездо — просто, оно

открыто небу; клетка — сложна и дорога, она замкнута в себе и не связана с чем-либо за ее пределами. И современный человек, занятый строительством клетки, попадает в рабский плен к чудовищу — Вещи. Он приспособливается к ее острому угловатостям, ограничивает себя ее границами и постепенно становится лишь ее придатком.

Некоторые из моих слушателей, я знаю, верят, что в нашей жизни постоянно высокое напряжение, порожденное искусственно культивируемой жадной вещью, вызывает и поддерживает жизненную энергию, двигающую цивилизацию по ее бесконечному пути; им может показаться, что мои слова обличают восточный образ мышления. Но я не верю, чтобы эта жажда когда-либо была основной движущей силой, создававшей великие цивилизации. Я затронул эту тему не для того, чтобы полностью ее исчерпать, а для того, чтобы объяснить, почему поэт вторгается во владения, принадлежащие лишь специалистам и ученым, имеющим степени.

Я родился в городе, который был тогда столицей Британской Индии. Наши предки приплыли в Калькутту с первым приливом изменчивой фортуны Ост-Индской компании. Поэтому не удивительно, что традиционный уклад жизни нашей семьи сложился под влиянием трех культур: индийской, мусульманской и английской. Мой дед принадлежал к той эпохе, когда различия в одежде и этикете и благородная неторопливость постепенно исчезали и все подгонялось под более строгие викторианские образцы; тем самым экономилось время, которое уходило на соблюдение обрядов и на то, чтобы следить за своей внешностью. Это свидетельствует о том, что я появился на свет в то время, когда дух прогресса, порожденный современным городом, начал свое триумфальное шествие по благоуханной зелени наших древних деревенских общин.

Хотя вокруг меня процесс разрушения был почти полностью завершен, все же горестный плач еще стоял над обломками прошлого. Я часто слышал, как старший из моих братьев с глубоким сожалением описывал гостеприимное старое общество с его ароматом естественной доброты, полное простой веры и изысканной поэзии жизни. Но все это убегаю от меня, словно тень в золотистом сиянии заката. Всеобъемлющей действительностью моего детства был современный город, заново остроенный компанией западных торговцев, с его духом современности, который пролагал свой непривычный путь в нашу жизнь, сталкиваясь с бесчисленными противоречиями. Поэтому меня всегда поражает мысль: почему меня преследовала тоска изгнания, если мои познания о мире сводились к суровой и замкнутой реальности города?

Вероятно, мою кровь постоянно волновали отзвуки подсознательных воспоминаний о тех местах, где в сердцах наших первобытных предков отражались и звучали тайны немых скал, стремительно бегущей воды и мрачных джунглей. Одно из таких смутных, призрачных воспоминаний уводило в далекое прошлое, стремилось снова слиться с первобытной жизнью в беспредельной магии земли, воды и воздуха. Тонкий пронзительный крик

коршуна, высоко парящего в сверкающих лучах полуденного индийского солнца, говорил тогда одинокому мальчику о далеком немом родстве. Несколькo кокосовых пальм, растущих у ограды нашего дома, подобно пленникам, оставшимся от древней армии, некогда вторгшейся на эту землю, говорили мне о вечном товариществе, которое великое братство деревьев всегда предлагало людям. Они наполняли мое сердце тоской по лесу. Несколькими годами позднее мне посчастливилось ответить на их зов, когда десятилетним мальчиком я стоял один в Гималаях, под сенью огромных кедров, охваченный благоговением перед мрачным величием первых аристократов жизни на земле, перед их непоколебимой стойкостью, столь же грозной, сколь и учливой.

Оглядываясь на детство, когда все мои мысли как бы парили в океане неба и света и смешивались с коричневой землей, одетой блестящей травой, я не могу не верить, что мое индийское происхождение глубоко отразилось во всем моем существе и что я унаследовал основы индийской философии, проповедующей постижение высшей истины при помощи гармонии со всем окружающим. К счастью или к несчастью, она, эта философия, возбуждает в нас великое стремление к свободе, но не в мире людей, а в глубине вселенной, и внушает нам почтение к божественной сущности огня, воды и деревьев, ко всему двигающемуся или растущему. Моя школа обязана своим основанием памяти об этом страстном стремлении к свободе, воспоминаниям, уходящим далеко за горизонт моего рождения.

Свобода в смысле «независимость» не имеет содержания, а стало быть, и смысла. Совершенная свобода заложена в совершенной гармонии человеческих отношений, которой мы достигаем в этом мире; необходимо быть свободным, а не знать, что это такое. Объекты познания бесконечно удалены от нас, познающих, ибо познание не есть единение. Далекий мир свободы жлет нас там, где мы достигнем правды, но не посредством чувственного восприятия или рассудочного знания, а посредством совершенной гармонии единения.

NB *Детям свойственна от природы впечатлительность, эмоциональная отзывчивость к окружающему миру, открытость чувств при его восприятии. Процесс одушевления природных объектов и явлений, их олицетворение выступают здесь как естественная форма общения ребенка с миром. Потому перед педагогами и родителями возникает задача всячески содейство-*

Дети с их свежестью восприятия находятся в непосредственной близости к этому миру. Это первый великий дар, ниспосылаемый им. Дети должны принять его открыто и просто и никогда не терять непосредственной связи с миром. Чтобы достичь совершенства, мы должны быть физически дикими и умственно цивилизованными; мы должны быть естественны среди естества и человечны среди человечества. Мои страдания были вызваны полным одиночеством, в котором я рос в городе, где люди были повсюду, но не было

вать развитию в ребенке этой удивительной человеческой способности одухотворять «живую» и «неживую» природу, проникаться к ней особым чувством сопереживания, «родственного внимания».

При таком подходе предмет или явление природы становится лично значимым для ребенка, связанным с ним особой нитью эстетического переживания. Он очеловечивает природу, соприкасаясь с ней, вкладывая в нее свои смыслы: «у листьев есть щечки, у цветов — личико, которое они подставляют солнышку и оно румянит их; у деревьев ветки — это руки с пальчиками; у дождевиков есть ножки, которыми они шлепают по лужицам» и т.п. Это все метафоры, являющиеся основой художественно-образного мышления и способствующие развитию воображения ребенка, фантазии, чувственного восприятия мира. Без такого понимания немыслима сегодня педагогика искусства.

ни одного окна в безмерный мир природы. Моя изгнанная душа, задыхаясь в цивилизованной изоляции городской жизни, рвалась к широким горизонтам познания. У меня было такое ощущение, как будто мне чего-то не хватает; я был подобен одиночной строке, вырванной из стиха; рифмы к ней нет, так как парная строка смазана и неразборчива. Способность быть счастливым, которая бесплатно досталась мне, как и другим детям, от рождения, постоянно стиралась от трения об кирпичную стенку жизни с ее однообразными механическими привычками, застывшим укладом респектабельности.

Как и все, я посещал школу, но, вероятно, мои мучения были необычно сильны — сильнее, чем у других детей. Нецивилизованное начало во мне было очень уязвимо: я жаждал цвета, музыки, движения жизни. Наше городское образование не обращает внимания на это жизненно важное обстоятельство. Оно стремится лишь нагрузить нас стандартными знаниями, имеющими рыночную стоимость. А по сути дела соотношение нецивилизованного и цивилизованного в человеке должно находиться в той же пропорции, что вода и суша на земном шаре, с преобладанием первого. Но школа ставит своей целью постоянное осушение нецивилизованного начала. Такая откачка влаги служит причиной засухи, которая, может быть, и не так

вредна в городских условиях. Но я никогда не мог привыкнуть к этим условиям, к каменному равнодушию тротуаров. Очень быстро нецивилизованное восторжествовало во мне, и я покинул школу, едва достигнув отрочества. Оказавшись выброшенным на берег уединенного острова невежества, я должен был, руководствуясь лишь собственными инстинктами, начать свое обучение с самых азов.

Это напоминает мне о том, что в юности мне чрезвычайно повезло — я наткнулся на «Робинзона Крузо» в бенгальском переводе. Я по-прежнему верю, что это одна из лучших книг для детей. Я уже писал в этой статье о том, что в детстве у меня было желание уйти от себя и слиться с природой. Я определил это стремление как типично индийское, как результат традиционного желания расширить сферу сознания. Следует признать, что хотя такое

желание и субъективно по своему характеру, оно неизбежно в нашей географической среде. Мы вынуждены терпеть разбойничью тиранию тропиков, платя тяжелую дань за одно право существования. Жара, сырость, невообразимая плодовитость мелких форм жизни, паразитирующих на крупных формах, бесчисленные источники раздражения, видимые и невидимые, оставляют слишком мало сил для смелых экспериментов.

Избыток энергии ищет излияния в преодолении препятствий. Не случайно мы так часто находим в западной литературе преувеличенные описания злобного лика природы, в которой люди Запада охотно видят враждебную силу, хотя бы ради удовольствия бросить ей вызов. Завершив покорение нашего мира, Александр высказал желание покорить другие миры. Та же причина, которая руководила им, заставляет этих необычайно энергичных людей, отвлекаясь от своей грандиозной борьбы против зла, становиться на пути других людей, а когда те наступают на полы их сюртуков, требовать возмещения. Чтобы испытать волнующую дрожь опасности, эти люди готовы подвергнуть опасности все безобидные существа: прекрасных птиц, которые, к счастью, могут упорхнуть, робких зверей, которые обитают в труднодоступных местах, и — но лучше я из вежливости не буду ссылаться на более высокие виды.

Жизнь протекает в постоянной борьбе с противоречиями, но эти противоречия необходимы для ее прогресса. Постоянное сопротивление земли, в которой ручей прокладывает себе путь, из которой состоят его берега, убыстряет его бег. Дух жизни — это дух борьбы. Инструмент настраивают не для того, чтобы искусно преодолевать трудности настройки, а для того, чтобы добиться идеального звучания. Так давайте же порадуемся, что на Западе у инструмента жизни настроены все струны благодаря тому поразительному факту, что Запад обретает ликующую радость в борьбе с препятствиями. Дух созидания в сердце вселенной ради самого себя никогда не допустит полного исчезновения препятствий. Позитивная истина заключается в этом идеале совершенства, которого мы должны достигнуть собственными усилиями, дабы он принадлежал нам полностью. Именно поэтому дух борьбы так велик, и суть его не в проявлениях физической силы и не в грубом варварстве ненасытной алчности.

В «Робинзоне Крузо», этом приключенческом романе, находит свое выражение радость слияния с природой, одинокий человек встречается лицом к лицу с одинокой природой, убеждает ее, сотрудничает с ней, открывая ее секреты, используя все свои силы, чтобы добиться ее помощи.

Эта книга дорога не потому, что, читая ее, я разделял гордость человеческого существа, разжимающего скупой кулак природы; прежде всего меня привлекали хорошо продуманные способы достижения гармонии с природой, которые естественно привели героя к победе. «Робинзон Крузо» — героическая любовь Запада, повесть о сватовстве человека к земле.

Вспоминаю, как однажды в своей юности я ехал по железной дороге, ведущей от Бриндизи до Кале. С чувством восхищения и удивления смотрел я на безмерную красоту Европы, цветущей румянцем здоровья и богатства. Недаром так долго ухаживал за нею ее рыцарственный любовник — человек Запада: добился ее, сделал ее своей, открыл неисчерпаемую щедрость ее сердца. И я страстно пожелал тогда, чтобы внутреннее представление о всесущем духе, которое восточный человек постигает в своем душевном одиночестве, могло бы объединиться с внешним выражением этого представления в действии, со стремлением озарить ярким светом изобилие красоты и счастья, которые до поры до времени скромно таятся в темноте.

Я помню то утро в бенгальской деревне, когда нищенка собрала в конец сари увядшие цветы из вазы на моем столе, которые пора было уже выбросить. С восторженным выражением нежности она прятала в них свое лицо, восклицая: «О, Возлюбленный души моей!» Ее глаза легко могли проникнуть сквозь завесу внешней формы и прозреть в этих цветах, которые касались ее, словно ласковые пальцы возлюбленного, царство Бесконечного. Но, несмотря на все это, у нее отсутствовала та энергия поклонения, западная форма прямого служения Богу, которая помогает земле выращивать ее цветы и воздвигает царства красоты на голом песке. Я не хочу думать, что родственные души Востока и Запада, Мария и Марфа, никогда не встретятся ради достижения истины. Поэтому, несмотря на нашу материальную бедность и противодействие времени, я терпеливо жду этой встречи.

Остров Робинзона Крузо приходит мне на ум, когда я думаю об учебном заведении, где можно было бы беспрепятственно провести первый великий урок полного единения человека и природы не только через любовь, но и через активное общение. Мы должны помнить, что любовь и действие — единственные средства, при помощи которых можно достичь совершенного познания, ибо цель познания не догма, а мудрость. Главная цель учебного заведения такого рода должна заключаться не просто в тренировке ума и тела на случай всяких неожиданностей, но в совершенной настройке человека, чтобы его голос сливался в единую симфонию с голосом жизни и мира; в постижении их гармонии и есть мудрость.

Детей в таком заведении следовало бы, прежде всего, научить действовать самостоятельно, изгнав, по возможности, все готовые рецепты, дабы они могли постоянно проверять свои способности в столкновениях с неожиданным. Я должен прямо сказать, что подразумеваю урок не обыденной, а творческой жизни. Ибо жизнь может приобрести большую сложность, лишь если в центре ее будет стоять живой человек, только тогда составит она единое целое со всем творением и понесет свой груз с грацией женщины, несущей кувшин, а не будет простым собранием фактов, которых и без того слишком много.

Я был бы рад сказать, что мы полностью воплотили мою мечту в нашей школе. Но мы делаем лишь первые шаги, мы только

даем детям возможность обрести свободу и Природе через любовь к ней. Ибо любовь есть свобода. Она дает нашему существованию полноту, которая спасает нас от растраты душевных сил на дешевые мелочи. Любовь освещает мир своим смыслом, придает жизни ощущение довольства, которое является ее истинным праздником. Я знаю людей, проповедующих культ простой жизни, прославляющих духовную ценность бедности. Но я не вижу в бедности никакой ценности, особенно когда бедность проявляется лишь в отсутствии богатства. Только когда сознание чутко откликается на тайный зов действительности, оно может избежать соблазна, который представляет собой ложная ценность вещей. Бессердечие лишает нас простой радости жизни и обрекает на постыдный снобизм, когда мы чванимся своей мебелью или попадаем в нелепый плен к дорогим вещам.

Но бороться бессердечием аскетизма против бессердечия роскоши — все равно что бороться против одного зла с помощью другого, призывая безжалостного демона пустыни вместо разрушительного демона джунглей.

Я делал все возможное, чтобы развить в детях моей школы свежесть восприятия природы, отзывчивость души во взаимоотношениях с окружающими их людьми, я делал это с помощью литературы, праздничных обрядов, а также религиозного учения, которое предписывает познать окружающий мир через свою душу и таким образом обрести бесценное сокровище, ибо от музыкального инструмента получаешь гораздо больше, когда не просто владеешь им, а играешь на нем. Я вводил детей в этот мир, словно в родной дом. Среди других предметов, изучаемых на открытом воздухе в тени деревьев, были музыка и рисование. Дети играли в представлениях и просто играли, ибо игра — это их выражение жизни.

Но, как я уже намекал, всего этого было недостаточно, и я ждал людей и средств, чтобы повести в нашей школе активную работу, в которой находят применение изобретательность и творческие силы, помогающие формировать характер, смывать все наслоения грязи, гнили и упадка. Другими словами, я всегда чувствовал необходимость гения Запада, чтобы придать моему идеалу образования ту силу реальности, которая знает, как расчистить дорогу к благой практической цели.

Препятствий для меня было множество. Традиция общества, которое именуется образованным, требования родителей, воспитание самих учителей, правила и устав государственного университета — все это встало непреодолимой преградой на пути взлелеянной мною идеи, вдобавок наши фонды, почти не пополняемые взносами соотечественников, были явно недостаточны для нашего учебного заведения и тем самым ограничивали число учеников.

К счастью, помощь пришла от одного американского друга, который возглавил работу по организации отдела переустройства сельского хозяйства при университете Вишавбахароти. Как и я, он верит в образование, которое учитывает органическую целостность

человеческой индивидуальности и необходимость общего развития всех ее сил, телесных и умственных. Чтобы сохранить свободу действий при воплощении этой идеи, мы начали работу с несколькими мальчиками; это были сироты или дети, чьи родители были слишком бедны, чтобы послать их в какую-либо другую школу.

Очень скоро мы обнаружили, что умы детей, активно занятых созидательной работой, быстро развиваются и страстно ищут выход своей энергии в приобретении новых знаний или хотя бы в решении таких механических задач, как совершенствование почерка. Умы этих мальчиков стали настолько чуткими, что самый обыденный случай открыл им однажды глаза на преимущества знания английского языка, которого не было в их программе. Мысль об этом возникла у них, когда они отправляли свои письма и ждали, пока почтовый служащий перепишет по-английски адреса, уже написанные на бенгали. Они тотчас пришли к своему учителю, требуя, чтобы он включил английский в дополнительный час занятий, и, что самое удивительное, смелые мальчики даже не пожалели о поспешности, с которой приняли это решение. Невольно припомнил я в тот день, какие злодейские мысли овладевали моим детским умом, когда мой учитель английского языка появлялся на повороте дороги, ведущей к нашему дому!

Для этих мальчиков не нужны каникулы. Их занятия, хотя и напряженные, не являются обременительной работой: они проникнуты праздничным духом, который царит повсюду, — и на школьной кухне, и на огороде, и в ткацкой мастерской, и когда дети занимаются мелкими починками. Это происходит потому, что работа в классе не оторвана и не отгорожена от их природных склонностей; она стала неотъемлемой частью их жизни и не нуждается в подстегивании.

Когда мальчики впервые пришли в нашу школу, то большинство были слабы телом и духом. Разрушительные последствия малярии и других тропических заболеваний передались им через многие поколения предков; они походили на поля, опустошенные годами жестокой войны и обреченные на бесплодие. Дети принесли с собой невыносимое упрямство — результат отравленной крови и физического истощения. Брахман был высокомерен, небрахман — жалок в его робости и самоуничижении. Они не желали выполнять никакую общую работу, боясь, что это пойдет на пользу еще кому-нибудь, кроме них. Они дулись, когда их просили для их же собственной пользы сделать такую работу, которую, по их понятиям, должен был делать обычный кули или наемный повар. Они не стыдились жить на средства благотворительности, но стыдились помогать самим себе. Возможно, они считали несправедливым платить хотя бы часть цены за общее дело, успех которого выпал бы на нашу долю.

Можно было подумать, что убожество и эгоистичная завистливость, моральная летаргия, проявившаяся в полном отсутствии благородства, были свойственны им от природы. Но в течение очень короткого времени все изменилось. Дух самопожертвования и товарищества, бескорыстное желание помочь другим, развившиеся у этих

ребят, редки даже у детей, которым были предоставлены большие возможности. Активная здоровая жизнь удивительно быстро выявила все хорошее в них и смысла все, что налигло дурного. Выполняемая ребятами дневная работа ставила перед ними моральные проблемы в форме конкретных препятствий и требовала их преодоления. Логика фактов показывала им реальность моральных принципов в жизни, и теперь они удивлялись, когда другие мальчики не понимали этого. Они получали величайшее удовольствие от работы на кухне, у ткацкого станка, в огороде и в саду. С удовольствием оказывали они услуги другим ребятам, причем очень часто делали это тайно, чтобы не смущать тех, кому помогали. Обычно там, где люди столуются вместе, они требуют больше, чем им дают, но эти мальчики охотно упростили свои потребности, терпеливо мирясь с неизбежными недостатками. Они осознали, что ответственность лежит главным образом на них и каждый предмет роскоши становится бременем, если его тяжесть нельзя переложить на плечи других людей, — поэтому вместо того, чтобы лениво ворчать на недостатки, они должны сами думать и действовать. Например, для улучшения своего рациона они должны больше выращивать овощей. У них есть орудия труда и здравый смысл, с их помощью они могут удовлетворять свои небольшие потребности, и хотя усилия их пока не дают значительных результатов, важность их не измеришь никакими рыночными ценами.

Я хотел бы, для художественного контраста, рассказать о каких-нибудь наших провалах, неожиданных неудачах, грозивших разрушить все наши стройные планы. Но, во имя правды, я должен признать, что ничего подобного пока еще не случилось. Вероятно, наш тропический климат способствует скучной вялости характеров, поэтому у наших мальчиков не скапливается излишка энергии. Обычно дети любят портить и ломать то, что взрослые считают особенно ценным, так же как индийские крестьяне показывают красивых павлинов западным любителям охоты. Возможно, есть еще надежда, что наш эксперимент не станет банальным образцом эдакого рая для пай-мальчиков. Я уверен, что вскоре непредвиденные жизненные проблемы столкнутся с нашими теориями и грозные противоречия еще не раз будут подвергать испытаниям нашу веру в свою правоту.

А пока, добившись, что ежедневная тренировка ума и тела сделала этих ребят интеллектуально восприимчивыми, мы, наконец, набрались мужества распространить эту систему на начальное отделение нашей школы, которая максимально удалена от границы университета.

Дети этого отделения, под руководством идеального учителя, считающего, что учить — значит учиться, только что построили свою первую хижину, которой они были до смешного горды. Я видел по их поведению: они начали смутно сознавать, что обучение — составная часть жизни, что оно не тягостное больничное лечение для исцеления их от врожденного невежества, а проявление здоровья, естественное выражение жизненной силы их ума. Таким образом, я имел

счастье наблюдать первый росток жизни, поднявшийся в укромном уголке. Я не хочу прикреплять к этому выюнку никакого ярлыка ученой терминологии, пусть он растет вверх, пока не скроет полностью голый шест, который не цветет и не плодоносит, а служит лишь древком для пергаментного флага экзаменационных успехов.

В заключение я должен более подробно рассказать о наиболее важном вопросе нашего эксперимента в области образования.

У детей есть активное подсознание, которое, подобно дереву, черпает свои силы из окружающей атмосферы. Для них такая атмосфера стократ важнее, чем правила и методы, наглядные пособия, классные занятия и учебники. Наша планета состоит из земли и воды. Но, фигурально выражаясь, вдохновение свободы, радость жизни она черпает из своей атмосферы. Эта атмосфера была и остается вечным источником жизни; она вызывает из глубин планеты цвета и запахи, музыку и движение. Земля непрестанно открывает самое себя и не перестает удивляться неожиданному.

В обществе человек всегда окружен атмосферой культуры. Она обостряет восприимчивость к расовой наследственности, к влиянию традиций, облегчает бессознательное усвоение глубокой мудрости поколений. Но в наших учебных заведениях мы ведем себя как горняки, которые, не жалея сил, копают землю только для добычи руды, а не как земледельцы, возделывающие почву в полном единении с природой, связанные узами пассивной любви с атмосферой.

В моем заведении я пытался создать особую атмосферу, отводя ей важное место в нашей программе обучения, ибо атмосфера необходима для развития восприимчивости души, для того чтобы наделить ум истинной свободой любви. Апатия и невежество — худшие формы человеческого рабства; они — наши невидимые тюремные стены, окружающие нас повсюду, куда бы мы ни пошли. В учебных заведениях наши умственные способности должны быть развиты так, чтобы дать нашему сознанию свободу в мире истины, ввести воображение в мир искусства, а нашу любовь — в мир человеческих отношений. Последнее куда важнее, чем, например, изучение географии зарубежных стран.

В наши дни сознание детей почти преднамеренно формируется так, что оно не в состоянии воспринимать другие народы, с их неведомыми нам языками и обычаями. Это принуждает нас, когда того требуют наши повзрослевшие души, искать друг друга осязательно в темноте, бессознательно ранить друг друга, страдать худшей формой слепоты нашего века. Сами христианские миссионеры вложили свой вклад в воспитание бесчувственности и презрения к другим расам и цивилизациям. Прикрываясь именем братства, в слепой сектантской гордости они сеют взаимное непонимание. Именно это делают они в своих учебниках, отравляя восприимчивые умы юношей. С помощью западных друзей, которые своим сочувствием и пониманием оказали нам величайшую услугу, я пытался спасти наших детей от такого подавления естественной человеческой любви.

ПИСЬМА О РОССИИ*

Москва, 20 сентября 1930 г.

Наконец я в России! Все, что вижу, кажется чудом. Нигде в других странах нет ничего подобного. Все совершенно иначе. Они сделали всех людей равными.

Веками человеческая цивилизация покоится на простых людях; их большинство, они несут на себе всю тяжесть, им всегда не хватает времени подумать о себе, они довольствуются крохами общественных богатств; меньше всех едят; хуже всех одеваются; меньше всех образованны и при этом работают на всех; работают больше всех и больше всех унижены; мрут с голоду и глотают оскорбления; лишены жизненных элементарных благ и удобств.

Они — опора цивилизации; на головах у них светильники — светло лишь тем, кто наверху, а по их телам только стекает горелое масло.

Я много думал над этим, и положение казалось мне безвыходным. Если никого не будет внизу, как может кто-то быть наверху? А кому-то наверху быть необходимо, потому что иначе дальше собственного носа ничего не увидишь, а жить, чтобы просто существовать, — недостойно человека. Цивилизация — это нечто большее, чем забота о хлебе насущном. Все лучшие плоды цивилизации вращены на ниве досуга. Какая-то часть человечества должна иметь досуг. И я считал, что единственное, что можно сделать, это, по возможности, проявлять заботу о здоровье, просвещении и благополучии тех, кто вынужден трудиться на самой низкой ступени человеческого общества не только благодаря обстоятельствам, но и потому, что умственно и физически ни к чему другому не подготовлен.

Но вся беда в том, что на жалости ничего прочного не построишь. Когда благодеяние — подачка, оно только развращает. Истинная взаимопомощь возможна лишь между равными. Я так и не мог придумать ничего путного, но мысль о том, что ради прогресса цивилизации большинство людей должно быть обречено на унижение и лишено всех человеческих прав, вызывала у меня отвращение.

* Напечатаны впервые в журнале «Пробаши» в 1931 г. (IV, т.4, с. 355—409).

Подумай только, как раздобрела Англия на харчах голодающей Индии! А ведь многие в Англии считают, что вечно кормить их — великая миссия Индии! Какая беда, если ради процветания и возвышения Англии целый народ пребывает в рабстве! Что из того, что эти люди живут впроголодь и одеты в лохмотья! Правда, из сострадания у англичан все же возникла мысль немного подправить положение. Однако минуло сто лет, а мы так и не получили ни просвещения, ни здравоохранения, ни богатства!

В недрах каждого общества происходит то же самое. Человек не может делать добро тому, кого он не уважает. По крайней мере, когда дело касается чьих-то кровных интересов, то тут возникает настоящее побоище. В России эту проблему стараются разрешить в самой основе. Еще не пришло время делать окончательные выводы, однако всё, что я видел, не могло меня не поразить. Просвещение — самая широкая дорога к преодолению всех наших трудностей. До сих пор большинство человечества не имело доступа к образованию; что касается Индии, то она была лишена его почти полностью. Поэтому та поразительная энергия, с которой в России распространяется образование, не может не удивлять. И дело здесь не в количестве, а в глубине и в размахе. Сколько здесь проявляют заботы и стараний, чтобы ни один человек не чувствовал себя слабым и никчемным! Не говоря уже о самой России, даже среди полувинилизованных народов Средней Азии знания распространяются с быстротой наводнения. И нет предела их безмерным усилиям, чтобы открыть этим народам путь к вершинам науки. Желающих попасть в театры — огромное множество, и все это — крестьяне и рабочие. Нигде их не оскорбляют. В тех немногих учреждениях, которые я уже успел посетить, я всюду замечал, как пробуждается в людях живой интерес и чувство собственного достоинства. О нашем народе не приходится и говорить — контраст разительный даже в сравнении с английским рабочим классом!

То, что мы хотели сделать в Шантиникетоне, они осуществляют в масштабах всей страны. Нашим людям было бы очень полезно приехать сюда поучиться. Каждый день я сравниваю то, что вижу здесь, с Индией и думаю, чего мы достигли и чего могли бы достичь.

Мой американский друг, доктор Гарри Тимберс, изучает советскую систему здравоохранения и удивляется ее совершенству. Где же ты — изможденная, голодающая, несчастная и беспомощная Индия! Всего несколько лет назад здешнее население находилось совершенно в таком же положении, как и народы Индии, однако за это короткое время у них произошли удивительные перемены, а мы по горло увязли в трясине застоя.

Я не могу сказать, что все у них совершенно, — серьезных просчетов немало, и когда-нибудь они приведут к затруднениям.

Если говорить коротко, основная ошибка заключается в том, что их система просвещения шаблонна, а людей нельзя воспитывать по шаблону. Если теория игнорирует свойства живого ума,

NB Проницательность Тагора поражает. Как же он смог заметить тогда, что советская система образования ориентирована на умения и навыки, хоть и высокие, но общие для всех? Вот и разделилось наше общество на очень полезных «заводных кукол-винтиков» и на тех, кто «сполна» получил за свою оригинальность и талант. В результате сегодня старый «шаблон» сломан. В спешке... ищет другой.

неизбежно приходит время, когда либо шаблон начинает трещать по швам, либо человеческий ум мертвеет и человек превращается в заводную куклу.

Я заметил, что здесь детей делят на группы и распределяют между ними различные обязанности: одни следят за чистотой жилища, другие заботятся об имуществе и т.д., они совершенно самостоятельны, и только один взрослый наблюдает за их работой. Я всегда стремился ввести такой же порядок в Шантиникетоне, но дело ограничилось составлением инструкции. Произошло это, в частности, потому, что наш школьный департамент считает

своей главной задачей подготовку учеников к экзаменам, а до всего остального ему мало дела: есть — хорошо, нет — тоже не беда. Мы слишком ленивы, чтобы делать что-то сверх положенного. А кроме того, нас с детства приучили действовать только по указке. Да и какой может быть толк от инструкций, если сами составители в них не верят? Для учеников такие инструкции — звук пустой.

Если говорить о работе в деревне и о просвещении, то здесь я увидел примерно то, о чем сам мечтал все эти годы, но у них гораздо больше энергии, упорства и опыта в руководстве. Мне кажется, что многое зависит и от физического состояния, — измученный малярией, истощенный человек не может работать в полную силу. В этой холодной стране люди здоровее, оттого и дело у них спорится. А о наших соотечественниках нельзя судить по их численности, ибо количество людей не равняется количеству полноценных работников <...>

Москва,

25 сентября 1930 года

<...> Без ваших писем время тянется бесконечно, как тихая, безмолвная ночь. Порой мне кажется, что я уже перенесся в мир иной, где другой счет дням и минутам. Час моего возвращения на родину так безнадежно далек, как нескончаем поток падающих одежд Драупади, вновь и вновь набрасываемых на нее Кришной. Я утешаюсь только мыслью, что день моего возвращения придет с такой же неизбежностью, как сегодняшний.

А пока — я в России, и если бы сюда не приехал, обет моей жизни не был бы исполнен.

Не знаю, хорошо или плохо то, что они здесь делают, но невольно поражает их невероятной смелости! Старое опутывает мозг и душу тысячами нитей, повсюду воздвигло оно свои двор-

цы, с бесчисленными покаями и переходами, где у каждой двери стоят неумолимые стражи, со всех столетий собирает оно несметную дань. А они вырвали его с корнем, без всякого страха, сомнений или сожалений. Старое смели с лица земли, чтобы дать место новому.

В душе я восхищаюсь волшебной силой европейской науки, способной творить чудеса. Но еще больше меня восхищает грандиозность того, что я вижу здесь. Будь это только ужасное разрушение, я бы так не удивлялся, потому что это они умеют. Но я вижу, что они полны решимости построить на месте развалин новую жизнь. Им придется торопиться, ибо весь мир им враждебен, все против них. Им нужно как можно скорей доказать, что то, к чему они стремятся, не ошибка и не обман. Десятилетие бросает вызов тысячелетиям — и уверено в победе! Экономически они еще очень слабы, но зато их духовная мощь неизмерима.

Революция в России назревала уже давно. К ней долго и тщательно готовились, бессчетное количество людей, известных и неизвестных, отдавали ради нее свои жизни и терпели невыносимые муки. Предпосылки для революций существуют повсюду; но происходят революции только в определенных странах мира. Когда инфекция попадает в кровь, болезненная опухоль образуется в наиболее уязвимом месте. В России обездоленные и бесправные массы подвергались самому жестокому угнетению со стороны тех, в чьих руках сосредоточились богатство и власть. Поэтому именно в России чудовищное неравенство между угнетенными и угнетателями вызвало потрясения самих основ.

Когда-то подобное же неравенство привело к Французской революции. Уже тогда угнетенные поняли, что неравенство всюду несет с собой нищету и угнетение. Вот почему во время революции по всему свету, далеко за пределы Франции, разнесся призыв к Свободе, Равенству и Братству. Но он прозвучал и смолк.

Призыв русской революции тоже обращен ко всему человечеству. Сейчас в мире есть лишь один народ, который заботится не только о своих собственных интересах, но и о судьбах всего мира. Мы не знаем, вечно ли будет звучать голос России, но одно несомненно: в наш век проблемы любой нации являются частью общечеловеческих проблем, и с этим нельзя не считаться.

В наш век поднялся, наконец, занавес над сценой всемирной истории. До сих пор где-то за кулисами, по разным углам, шли как бы отдельные репетиции, и каждая страна разучивала в уединении только свою роль. Было бы несправедливо утверждать, что между странами не было никакого общения, однако разобщенность была еще сильнее и до последнего времени искажала облик мира. Тогда мы видели только отдельные деревья, теперь же перед нами лес. Поэтому если в обществе где-либо нарушается равновесие, сегодня это отражается на всем человечестве. Столь широкое видение мира — вещь немаловажная.

Однажды в Токио я спросил корейского юношу: «Что вас больше всего тревожит?» Он ответил: «Засилие капиталистов. Мы для них — источник обогащения». Тогда я сказал: «Ведь у вас мало сил: как же вы сами избавитесь от этого ига?» Он ответил: «Будущее земли принадлежит тем, кто сегодня слаб, — их объединят страдания. Те, кому сегодня принадлежат власть и богатства, могут сидеть на своих сундуках, но они никогда не смогут объединиться. Сила Кореи — в ее горе».

Знаменательно, что страждущее человечество понимает сегодня, как велика его роль на мировой арене. Раньше, не сознавая своего истинного могущества, оно уповало на судьбу и терпеливо выносило все муки. Сегодня же даже самые бесправные и слабые мечтают о прекрасном царстве справедливости, где не будет ни угнетения, ни унижения. Именно поэтому угнетенные восстают сегодня по всей земле.

Сильные мира сего дерзки и высокомерны. Они стараются подавить стремление угнетенных к власти, ибо это лишает их сна и покоя. Они захлопывают двери перед вестниками новых идей и затыкают им рот. На самом же деле чего им следовало бы больше всего бояться, так это страждущих, но они привыкли не замечать их, и они не боятся усугублять страдания угнетенных, когда дело идет о собственной выгоде; их сердца не сжимаются от страха, когда они выколачивают до двухсот-трехсот процентов прибыли, обрекая несчастных крестьян на голод. Ибо для них прибыль равноценна силе. Однако любые крайности в человеческом обществе таят в себе угрозу, и эту опасность еще никогда не удавалось устранить давлением извне. Не может на одном полюсе вечно расти неограниченная сила, а на другом — бесконечная слабость. Если бы сильных мира сего не опьяняло властолюбие, они больше всего боялись бы именно этого противоречия, ибо такая диспропорция противостоит естественна.

Когда я получил из Москвы приглашение, у меня еще не было ясного представления о большевиках. Я слышал о них немало высказываний, и все они были противоречивы. Многие вызывало у меня беспокойство, ибо вначале они шли по пути применения насилия. Но я заметил, что враждебность Европы к Советской России стала ослабевать. Мое решение посетить Россию многими было встречено одобрительно. Даже многие англичане отзывались о большевиках с похвалой. Мне говорили, что в России начали поразительный эксперимент.

Но были и такие, кто меня отговаривал, хотя все их опасения основывались главным образом на недостатке у русских комфорта. Мне говорили, что там нет привычной для меня пищи и удобств, что я вообще не выдержу всего этого. Кроме того, говорили, что мне будут показывать лишь то, что заранее подготовлено. Действительно, ехать в Россию в моем возрасте и с моим здоровьем было рискованно. Но я получил приглашение, и было бы просто непростительно не увидеть своими

глазами свет самого яркого жертвенного пламени на алтаре истории.

К тому же в моих ушах все еще звучали слова корейского юноши. Я думал: сегодня у самого порога могучей и богатой западной цивилизации Россия строит государство для всех обездоленных, презирая злобные взгляды капиталистических держав. Кому же, как не мне, поехать туда и увидеть это? Если их цель — уничтожить силу сильных и отнять богатство у богатых, чего мне опасаться, на что сердиться? Много ли у нас-то богатства и сил? Ведь мы — самые нищие и беспомощные на земле!

Если они действительно стремятся вернуть уверенность слабым, поднять их дух, нам ли их сторониться? Они могут, конечно, ошибаться, но разве их противники застрахованы от ошибок? Пора заявить во весь голос, что если силы угнетенных не пробудятся, человечество обречено, ибо преступления сильных мира сего переходят все границы: раньше они позорили землю, а теперь оскверняют даже небо. Бесправие, насилие угнетенных — достигли предела. На одном полюсе сегодня сосредоточены все богатства и блага, а на другом — беспросветная нищета.

Последнее время я часто с ужасом вспоминаю расправы в Дакке. Какая зверская жестокость, а в английских газетах об этом ни слова! Если в Англии кто-нибудь погибает в автомобильной катастрофе, об этом кричат на всех перекрестках, а жизнь и честь нашего беспомощного народа они не ставят ни во что. На какую справедливость может рассчитывать тот, кто ценится так дешево!

Наши жалобы и стенания не доходят до мира: все пути перед нами закрыты. В то же время англичане владеют всеми средствами для распространения о нас любой клеветы.

Сегодня положение особенно унизительно для угнетенных народов, ибо сегодня вести мгновенно облетают весь мир, и сильные нации, владеющие средствами пропаганды, могут позорить и оскорблять слабый народ. Сегодня миру внушают, что у нас, мол, индусы и мусульмане режут, убивают друг друга, а потому и т.д. и т.п. Но когда-то и в Европе случались кровавые побоища между отдельными общинами. И как они исчезли? Они исчезли лишь с распространением образования. То же самое произошло бы и в Индии, однако за все годы английского владычества с образованием повезло лишь не более чем пяти процентам населения, да и это скорее не образование, а насмешка над ним!

Ничего не делая для того, чтобы устранить причину презрительного отношения к нам, мы тем самым даем людям повод презирать нас, и это — тягчайшая расплата за нашу слабость. Всестороннее образование — путь к решению большинства проблем. Но для нас этот путь закрыт, ибо «Закон и Порядок» не оставили нам ни малейшей лазейки: казна опустошена! Из всех видов общественной деятельности самым важным я считаю пробуждение в людях чувства собственного достоинства. Всю свою жизнь я делал для этого все, что мог. Ради этого я не отвергал помощь властей, я

даже рассчитывал на нее, но всем известно, чем это кончилось. Я понял, что ничего не выйдет.

Вот почему, когда я услышал, что в России народное просвещение, зародившееся почти на пустом месте, приобрело гигантский размах, я решил поехать туда во что бы то ни стало, и если мое слабое здоровье не выдержит, — будь что будет! Они в России поняли, что только образование может сделать слабого сильным, ибо от него зависит все остальное — пища, здоровье и мир в стране. Наши же «Закон и Порядок» обрекают нас на голод и духовную нищету, а ведь для поддержания их нам приходится отдавать все до последней нитки.

Я — человек, выросший в атмосфере современной Индии. Долгое время я твердо верил в невозможность дать просвещение тремстам тридцати миллионам человек и никого в этом не винил, кроме нашей горькой судьбы.

Когда я услышал, что здесь, в России, среди крестьян и простых тружеников просвещение распространяется с молниеносной быстротой, я подумал, что суть его заключается лишь в том, чтобы научить людей кое-как читать, писать и считать. Конечно, и это хорошо. Если бы это было в нашей стране, мы благословляли бы своих правителей. Но здесь я увидел настоящее образование, способное воспитать человека; это не простая зубрежка шпаргалок для сдачи экзаменов на степень магистра.

Однако на этом я остановлюсь более подробно в другой раз — сегодня уже нет времени. Вечером я отправлюсь в Берлин. А потом, 3 октября, поплыву через Атлантику, — сколько дней это продлится, сказать не могу.

Я устал душой и телом, однако не могу упустить такую возможность. Если мне удастся что-либо извлечь из этой поездки, я проживу остаток своих дней спокойно. Можно, конечно, поступить иначе: день за днем истратить весь капитал и, когда настанет срок, сказать последнее прости и задуть свечечник. Не стоит оставлять после себя жалкие крохи, которые могут только испортить дело. По мере того как человек теряет физические силы, все

NB *Какое глубокое наблюдение! То, что так радовало Тагора в нашей стране — энергия людей, смелость, самопожертвование, энтузиазм, сегодня сходит на нет и перерождается в жадную наживу. Какое горькое наблюдение!*

явственнее проступают его внутренние пороки: слабоволие, подозрительность, недоверие. Много зависит от доброты и широты натуры. Истинные ценности за деньги не купишь, — я все более в этом убеждаюсь, — и самая бедная земля зачастую приносит золотые плоды. Я был бы счастлив, если бы обладал хоть в какой-то мере той неиссякаемой энергией, смелостью, знаниями и умением жертвовать собой, какие

проявляются здесь в деле просвещения. Ведь чем слабее дух, чем меньше подлинного энтузиазма, тем острее нужда в материальных средствах <...>

Берлин,
2 октября 1930 г.

Твое письмо застало меня на перепутье: я только что был в России, а теперь отправляюсь в Америку. Я приехал в Россию, чтобы познакомиться с их системой просвещения. Все, что я увидел, меня поразило. За восемь лет просвещение изменило духовный облик народа. Немые обрели речь, тупые — живую душу, униженные — человеческое достоинство. Со dna общества, из самых темных его глубин, поднялись те, кого все презирали. Теперь они получили равные права.

Трудно себе представить, как молниеносны перемены при таком огромном населении. Душа радуется, когда видишь, как воды просвещения хлынули в пересохшее русло. Везде бьют ключом инициатива и творчество. Свет новых надежд озаряет их путь. Повсюду кипит полнокровная жизнь.

Вся их энергии сосредоточена в трех областях: просвещение, сельское хозяйство, промышленность. Направляя усилия народа на решение этих трех задач, они стремятся предоставить ему все возможности развиваться духовно, жить и трудиться. Как и в нашей стране, здешнее население живет главным образом сельским хозяйством. Но наш крестьянин невежествен и слаб, у него нет ни знаний, ни сил. Его жалким единственным подспорьем является традиционная, вековая система земледелия. Но она подобна старому, пережившему многих хозяев слуге, который сам уже почти ничего не делает, а только распоряжается. Ему бы следовало признать, что он не знает, как изменить положение, а он сотни лет продолжает по старинке копать в земле.

Когда-то покровителем земледелия у нас был, кажется, Кришна Говардханадхари: он не скучал в своей пастушьей хижине. У него был старший брат Плугодержец Баларама. Пflug Баларамы — прообраз современных машин. Машина, орудие придавали земледельцу силу. Но теперь Баларамы не увидишь на наших полях. Пристыженный, он отправился за океан, туда, где его орудие ценят и прославляют. Его позвали к себе русские крестьяне. Там в мгновение ока разрозненные клочки слились в одно огромное поле, и новый пflug Баларамы возвращает жизнь земле, которая была такой же мертвой, как обращенная в камень Ахалья. Кстати, не надо забывать, что Баларама — это наш Рама в облике Плугодержца.

До революции 1917 года девяносто процентов современных сельскохозяйственных орудий. Как и наши крестьяне, они были полной противоположностью Балараме — голодные, беспомощные, бессловесные. А сегодня на их полях появились тысячи машин. Раньше они были тем, что у нас называют божьей скотиной, а теперь они войско Баларамы.

Но от одних машин мало проку, если сам машинист не стал человеком. В России обработка земли ведется одновременно с воспитанием сознания. Здешнее образование по-настоящему жизнотворно. Я всегда говорил, что образование должно быть

связано с жизнью. Оторванное от жизни, оно пропадает, как залежалый товар.

Я убедился, что здесь образование стало жизненной необходимостью, потому что школы не отделены глухой стеной от окружающего мира. Они учат не для того, чтобы подготовить учеников к экзаменам или сделать из них ученых педантов, а чтобы превратить их во всесторонне развитых людей. У нас тоже есть школы, но в них заучивание преобладает над умом, а мертвые знания над

NB *Интересно, кому-нибудь приходило в голову, что так называемые ЗУНы — порождение колониальной системы?*

живой силой; бремя книжной премудрости сковывает разум, лишая его инициативы. Как часто пытался я вызвать наших студентов на спор, и каждый раз видел, что их ничего не интересует. У них нарушена связь между желанием

знать и знанием. Их никогда не учили познавать: с самого начала они получали строго отмеренные, сухие сведения, а потом они повторяли на экзаменах то, что смогли заучить...

С таким беспомощным сознанием мириться нельзя!

Создавая свою систему обучения, русские проводят многочисленные эксперименты; я постараюсь как можно подробнее рассказать о них позднее. Можно многое узнать о здешней системе образования из книг и отчетов, однако гораздо важнее результаты просвещения, которые видишь на примере живых людей. Я убедился в этом, когда однажды посетил один из воспитательных центров страны, которые называются здесь пионерскими коммунами. Здешние пионеры несколько напоминают отряды бротибалок и броти-балика у нас в Шантиникетоне.

Войдя в дом, я увидел два отряда мальчиков и девочек, выстроившихся по обеим сторонам лестницы, чтобы приветствовать меня. Как только я вошел в комнату, они расселись вокруг меня, словно я тоже был из их отряда. Не забывай, что все они сироты! Когда-то их отцы принадлежали к самым бесправным и безгласным: покинутые и презираемые всеми, они были обречены на прозябание. Теперь я смотрел на лица детей и не находил в них даже следа подавленности или приниженности. В них нет ни страха, ни скованности. Наоборот, в каждом лице — решимость, словно они твердо знают, какая работа их ждет впереди, и всегда к ней готовы. Им совершенно чужды вялость и безразличие.

По поводу моего краткого ответа на их приветствие один мальчик сказал: «Те, кто живет чужим трудом, — буржуи, — стремятся к личному обогащению, а мы хотим, чтобы богатства страны принадлежали всем поровну. По этому завету мы живем».

«Мы все для себя делаем сами, — добавила одна девочка. — Когда что-нибудь нужно сделать, мы советуемся между собой и делаем так, чтобы хорошо было всем».

«Мы, конечно, можем ошибиться, — сказал другой мальчик, — но, если нужно, нам всегда помогут советом взрослые. Когда это

необходимо, младшие мальчики и девочки советуются со старшими, а те обращаются к учителям. Так управляется вся наша страна, и так живем мы сами».

Отсюда ты можешь сделать вывод, что их воспитание не ограничивается книжной премудростью. Они вырабатывают свое поведение и воспитывают свой характер в соответствии с их жизненным идеалом. Они поставили перед собой ясную цель, и достичь ее — для них дело чести.

Я много раз говорил моим ученикам и учителям, что в нашем маленьком мирке Шантиникетона мы должны в полной мере показать, что обладаем чувством ответственности за благосостояние народа и способны к самоуправлению, которого добиваемся для всей страны. Наша система должна представлять собой объединенное самоуправление студентов и преподавателей, и когда она достигнет совершенства, наш опыт может стать основой для разрешения проблем всей Индии. О необходимости подчинения личных интересов общественным бесполезно кричать с государственной трибуны: для этого надо сначала подготовить поле, и таким полем является наш Шантиникетон.

Позволь мне привести маленький пример. Во всех обычаях и вкусах, касающихся еды, Бенгалия, наверное, стоит на первом месте по нелепости и безалаберности. Мы без всякой нужды перегружаем наши кухни и желудки, и что-либо изменить в этом отношении очень трудно. Если бы наши ученики и учителя, постоянно заботясь о благе нации, смогли бы установить необходимый контроль за собственными вкусами и своей пищей, я бы считал, что наша воспитательная система одержала победу. Мы считаем, что если ученик запомнит, что трижды девять будет двадцать семь, это и есть образование, и, естественно, страшно огорчаемся, когда ученик делает ошибки в счете. Но когда воспитание пренебрегает вопросами питания, это по меньшей мере глупость! Мы отвечаем перед всей страной за то, чем питаемся каждый день, и ответственность наша огромна: осознать ее до конца гораздо важнее, чем выдержать экзамены.

Я спросил пионеров:

— Что вы делаете, если кто-нибудь провинится?

Одна из девочек ответила:

— Наказывать нас некому, мы сами себя наказываем.

Я сказал:

— Расскажи об этом подробнее. Предположим, кто-нибудь из вас совершил проступок; вы что — собираете специальное собрание, чтобы его осудить? Выбираете из своей среды судью? И какие у вас меры наказания?

Другая девочка ответила:

— Это не совсем суд: мы просто обсуждаем проступок. Вынести порицание — это уже само по себе наказание, а других наказаний у нас нет.

Один из мальчиков добавил:

— Виноватый огорчается, и мы за него огорчаемся, — вот и все.

Я спросил:

— А представьте, что кто-нибудь считает, что его осудили неправильно; к кому он может обратиться, кроме вас?

Мальчик ответил:

— В таком случае мы голосуем; если, по мнению большинства, он виновен, то и говорить больше не о чем.

— Так-то оно так, — продолжал я, — но если кто-либо из детей считает, что большинство отнеслось к нему несправедливо, может он возражать?

Тут поднялась одна девочка и сказала:

— В этом случае мы, наверное, обратились бы за советом к учителям, но такого у нас никогда еще не было.

Я сказал:

— Ваше единство само защищает вас от осуждения.

На вопрос, в чем заключаются их обязанности, мне ответили: «В других странах люди стремятся получить за свою работу деньги или почет, но нам этого не нужно, мы работаем только ради блага всего народа. Мы ходим по деревням и обучаем крестьян грамоте, объясняем им, как соблюдать чистоту, как разумно организовать каждое дело.

Очень часто мы живем среди них, ставим пьесы, рассказываем о положении в стране».

Затем они пожелали показать мне то, что они называют живой газетой. «Мы должны знать очень много о своей стране, — сказала одна девочка, — а то, что мы знаем, мы должны донести до сознания всех. Работать по-настоящему можно только тогда, когда много знаешь и хорошо разбираешься в фактах».

Один из мальчиков добавил: «Мы получаем знания из книг и от своих учителей, затем обсуждаем их между собой, и только после этого нам разрешают передать их другим».

Я увидел живую газету. Тема ее — пятилетний план. Дело в том, что они взяли на себя трудное обязательство: за пять лет механизировать всю страну, используя электричество и силу пара. А страна их не ограничивается Европейской Россией: она простирается далеко в Азию. Их энергия устремляется и туда, но не для обогащения богатых, а для улучшения жизни всего общества, в которое входят и смуглокожие народы Средней Азии. Никто не боится и не раздумывает над тем, что будет, если и они обретут силу.

Для такого дела им понадобятся огромные деньги. На европейских рынках их деньги хождения не имеют, поэтому за все нужно платить валютой. Приходится экономить на еде, чтобы купить самое необходимое. Зерно, мясо, яйца, масло — все пошло на иностранные рынки. Стране грозит голод. А впереди еще два года. Зарубежные капиталисты злорадствуют. Иностранные инженеры тоже причинили здесь немало вреда. Дело огромное и сложное, а времени очень мало. Медлить они не могут, потому

что стоят перед лицом враждебного капиталистического мира. Им крайне необходимо как можно быстрее собственными силами поднять материальный уровень. Три тяжелых года миновали, осталось еще два.

Живая газета напоминает театральное представление. С флажками в руках, они танцуют и поют, рассказывая о том, каких успехов достигнет страна благодаря индустриализации. Это стоит посмотреть. Они хотят внушить тем, кто лишен необходимого и переживает страшные трудности, что скоро эти трудности исчезнут, чтобы мысли о будущем помогли им с честью переносить лишения. Отрадно, что готовность идти на любые жертвы выражает весь народ, а не какая-то отдельная группа людей.

Эта живая газета рассказывает также о событиях в других странах. Я вспомнил об одном пантомимическом представлении в Патисаре, посвященном спасению тела и души и тому подобным вещам. Форма была та же, но цели и содержание — совершенно другие. Я решил, что как только вернусь, непременно организую в Шантиникетоне и Шуруле такую живую газету.

Распорядок дня у пионеров следующий. В семь часов утра они встают. В течение пятнадцати минут делают физические упражнения, умываются и завтракают. В восемь часов начинаются занятия. В час дня — перерыв на обед и отдых. Занятия продолжаются до трех часов. Они изучают историю, географию, арифметику, основы естествознания, химии и биологии, механику, политграммоту, обществоведение и литературу, рукоделие, столярное и переплетное дело, современные сельскохозяйственные машины. Воскресенья нет. Каждый пятый день — выходной. В определенные дни после трех часов пионеры по заранее составленному плану посещают фабрики, больницы, деревни и т.д.

Посещение деревень проводится в организованном порядке. Иногда они сами ставят пьесы, иногда ходят в театр или кино. По вечерам читают книги, рассказывают, спорят, устраивают литературные и научные конференции. В выходной день они чинят одежду, занимаются уборкой помещений и двора, читают дополнительную литературу, гуляют. Дети поступают в школу с семи-восьми лет, заканчивают ее в шестнадцать. Во время обучения у них не бывает таких больших перерывов из-за продолжительных каникул, как у нас. Поэтому они успевают за более короткое время пройти гораздо больше.

Одним из достоинств здешних школ является то, что дети изображают рисунками все, что узнают из книг: так они лучше запоминают прочитанное и учатся рисовать; обучение сочетается с радостью творчества. Может показаться, что работа поглощает их без остатка и что они вообще пренебрегают искусством. Но это совсем не так. Без предварительного заказа вам не достать билетов на хороший спектакль или оперу — огромные театры, построенные еще во времена царей, переполнены; театральное искусство стоит у них на такой высоте, что лишь немногие нации могут с

ними сравниться. В прежние времена театры были доступны только царской семье и дворянству. Сегодня они до отказа забиты теми, кто совсем недавно ходил в грязных лохмотьях, босой, полуголодный, жил в вечном страхе перед Богом, всячески задабривал священников, заботясь о спасении своей души, и беспредельно унижался, валяясь в пыли у ног господ.

В тот день, когда я попал в театр, там шла драма «Воскресение» по Толстому. Весьма сомнительно, чтобы эта драма была до конца понятна простому народу. Тем не менее зрители слушали с большим вниманием. Трудно себе представить, чтобы английские крестьяне и рабочие могли бы так же сосредоточенно и спокойно наслаждаться подобной пьесой до поздней ночи. А о нашем народе нечего и говорить.

Приведу еще один пример. В Москве была устроена выставка моих картин. Как ты знаешь, они не совсем обычны. Они не только иностранные, они, как бы это сказать, странные, вернее, не относятся ни к какой стране. И тем не менее перед ними толпился народ. За несколько дней выставку посетило по крайней мере пять тысяч человек! И что бы мне ни говорили, я не могу не отдать должное их вкусу.

Однако оставим вкусы в покое. Предположим, это было праздное любопытство. Но оно свидетельствует о пробуждении сознания! Помню, как-то раз я привез из Америки ветряное колесо, чтобы черпать воду из глубины колодца. Но я был огорчен, когда увидел, что это колесо не зачерпнуло и капли любопытства из детских сердец. У нас есть электростанции, но кто из детей проявляет к ним интерес? А ведь это дети интеллигенции! Когда разум вял, любознательность засыпает.

Мне здесь подарили много рисунков, сделанных советскими школьниками. Диву даешься, глядя на эти картины: настоящее искусство, не подражание, а плоды собственного воображения. Мне было отраднo видеть, что им доступна и фантазия, и творчество.

С тех пор как я побывал в России, я много думаю о просвещении у нас на родине. Я здесь кое-что узнал и в одиночку с моими слабыми силами попытаюсь хотя бы частично использовать это на практике. Но где взять время? Для меня и пятилетний план не по плечу. Почти тридцать лет я один греб против течения, и, видимо, придется так грести еще несколько лет. Знаю, что уплыву недалеко, но жаловаться не стану.

Сегодня уже поздно. Ночной поезд должен доставить меня в порт, а завтра я буду в море <...>

*Атлантика, пароход «Бремен»,
3 октября 1930 г.*

Я плыву к берегам Америки. Но воспоминания о России до сих пор владеют мною. Дело в том, что ни одна страна, которую я посетил, еще так не потрясала моего воображения. В других странах деловая энергия распылена: каждый специалист трудится

только в своей области — будь то политика, медицина, школы или музеи. А здесь вся страна, устремленная к одной цели, собрала все свои силы, связала их нервной единой системой и как бы превратилась в один гигантский организм, в одну колоссальную личность.

Такое глубокое единение невозможно в других странах, где эгоистичное соперничество из-за денег и власти разъединяет общество. За пять лет мировой войны основные усилия отдельных стран поневоле вливались в единое русло, подчиняясь, хотя бы временно, единой воле и цели. В России же единство — основа всего. Они создают нечто совершенно небывалое, как это ни называй — единство цели, единство духа или просто единство. Общность.

Только в России я до конца понял смысл изречения из «Упанишад»: «Не алкай». Что это значит? Это значит, что все подчиняется Единому, а эгоистичная алчность мешает его познанию. «В отречении обретешь». Они толкуют эти слова материалистически. Они видят в Человечестве неповторимую великую Единую сущность. То, что создано ею, принадлежит всем. «Не алкай чужой собственности». Ибо всюду раздел собственности ведет к алчности. Борясь с ней, они и говорят: «В отречении обретешь».

Во всех других европейских странах смысл жизни сводится к личному обогащению и потреблению. Влияние этих факторов огромно: подобно бурному мифическому океану, они выбрасывают на поверхность одновременно яд и нектар. Но нектар достается меньшинству, а большинству — отрава, отсюда бесконечные трения и столкновения. До недавнего времени все считали это неизбежным, говорили, что алчность свойственна человеку, а она, в свою очередь, неминуемо ведет к неравномерности в распределении жизненных благ, поэтому соперничество никогда не исчезнет и всегда нужно быть готовым к борьбе. Но смысл того, что утверждают Советы, сводится к следующему: человеческая сущность заключена в единстве, деление — лишь иллюзия, и как только мы трезво взглянем на нее и осмыслим ее, она исчезнет как сон.

В России стремление к Единству охватило всю страну. Все подчинено этой главной цели. Вот почему, приехав сюда, я словно прикоснулся к Великой Душе.

Нигде еще не видел я такого расцвета образования, как здесь. В других странах плоды его достаются только тем, кто образован. Как говорится: «Ученый не ходит пешком и ест свой рис с молоком». Здесь же знания служат всем. Невежество одного человека тяготит всех остальных, ибо они стремятся с помощью всеобщего образования обогатить разум всего общества на благо человечества. Они — Вишвакармы — творцы вселенной, они заботятся обо всем мире, а потому хотят, чтобы их образование было поистине универсальным.

Советское правительство распространяет образование самыми различными способами. Один из них — это музеи. Во всех городах и деревнях открываются всевозможные музеи. И эти музеи

не просто существуют, как наша библиотека в Шантиникетоне, но ведут активную работу. В России широко распространено краеведение. Этим занимается около двух тысяч просветительских центров, где работает более семидесяти тысяч человек. В каждом таком центре изучают историю края, его экономику в прошлом и настоящем, особенности его почв, наличие полезных ископаемых. Музеи, организованные при таких краеведческих центрах, играют значительную роль в деле просвещения. Развитие краеведения, и сети связанных с ним музеев, стало одним из главных путей, ведущих к торжеству новой эры в Советской России, эры Всеобщего Просвещения...

Тебе, конечно, хочется знать, как работают в России картинные галереи. В Москве есть знаменитое собрание картин, которое называется Третьяковская галерея. За один год, с 1928 по 1929, ее посетило около трехсот тысяч человек. Здание не вмещает всех желающих, поэтому накануне выходного дня люди регистрируются по спискам.

До установления Советской власти в 1917 году посетителями галерей были дворяне, образованные люди и те, кого здесь называют буржуазией, то есть люди, живущие чужим трудом. А теперь сюда приходят те, кто живет трудом своих рук, — каменщики, кузнецы, бакалейщики, портные, — и нет им числа! Здесь бывают также красноармейцы, командиры, студенты и крестьяне.

Они хотят постепенно развивать у народа художественный вкус. Неискушенным людям трудно постигнуть таинства искусства с первого взгляда. Растерянные и ошеломленные, бродят они по залам, разглядывая картины на стенах. Поэтому почти в каждом му-

В Мы живем в окружении искусства с рождения до смерти, познавая его образный строй, специфику выразительности художественного языка, наполняя себя прекрасными эстетическими впечатлениями, развивая свои эмоции, чувства, мышление. Каждому поколению необходимо дать возможность понимать и грамотно пользоваться языком образной выразительности всех видов искусства. Только тогда люди смогут воспринимать содержание каждого произведения искусства целостно. Эмоции, рождаемые высоким искусством и связанные с собственным мировоспри-

зее есть опытные экскурсоводы из числа научных работников музея или из других соответствующих государственных учреждений. С посетителями музеев у них нет никаких денежных расчетов. Однако следует учесть, что посетителям мало знать только сюжет картины.

До сих пор лишь немногие разбираются в композиции, цветовой гамме, перспективе, колорите картины, не говоря уже о технических приемах той или иной живописной школы. Поэтому экскурсоводы должны иметь соответствующую подготовку, чтобы пробудить любознательность посетителей. Они должны также понимать, что в музее много картин, а не одна, значит, нельзя останавливать внимание посетителей только на одной картине; нужно познакомить их со всей

ятием, жизнедеятельностью, перерастают в художественный вкус, эстетические критерии отношения к жизни, к собственным поступкам.

Неспособность сопереживать влечет за собой извращение чувств, непониманием природы, мира искусства, мира людей! Вот почему необходимо художественно-эстетическое развитие каждого человека, — как на это указывал в свое время Р. Тагор, так и сейчас.

экспозицией и помочь им разобраться в художественных направлениях. Обязанность экскурсовода — выбрать наиболее характерные картины и объяснить их особенности, причем картин этих в зале должно быть не слишком много и на них не стоит задерживаться более двадцати минут. Самое главное — это объяснить, что у каждой картины есть свой язык, свой особый ритм, и добиться, чтобы посетители осознали связь формы с содержанием и поняли замысел художника. Весьма полезно оценить особенности картины путем сравнения ее с другими. И надо сразу же прекратить объяснения, как только внимание посетителей хоть немного ослабнет.

Эти наставления я взял из инструкции, советующей, как научить неискушенных посетителей разбираться в живописи <...>

*Пароход «Бремен»,
7 октября 1930 г.*

Овладевая той или иной наукой, необходимо не только читать, но и видеть, иначе три четверти знаний пройдут впустую. Впрочем, разве это касается только науки? Это относится ко всем видам просвещения.

В России сочетание того и другого стало возможным благодаря разнообразным музеям. Такие музеи есть повсюду — и в больших городах, и в областных центрах, они доступны даже обитателям маленьких деревень.

Путешествия — это тоже один из методов наглядного обучения. Все знают, как долго я носился с идеей школы-передвижки. Индия так велика и разнообразна во всех отношениях, что ее невозможно познать, листая справочник Хантера. Когда-то у нас было принято ходить пешком по святым местам, а наши святые места разбросаны по всей Индии. Такое паломничество помогало живо и всесторонне познавать страну. Если бы ученики, хотя бы с чисто познавательной целью, могли пять лет путешествовать по Индии, их образование было бы совершенным.

Когда разум активен, он легко воспринимает и усваивает все, что ему предлагают в процессе обучения. Коровам, помимо стойла, необходимо пастбище; так и мозгу, помимо повседневных доз знаний, необходимы непосредственные впечатления от путешествий. Книжные знания, которые выдаются порциями в стенах неподвижного класса, неподвижной школы-тюрьмы, вредно влияют на неокрепший разум. Я ничего не имею против книг — объем знаний, необходимых человеку, настолько велик, что их невоз-

можно, да и незачем брать от природы, когда они уже собраны в нашей кладовой. Но если бы наши ученики имели возможность сочетать учебу по книгам с изучением природы, нам не оставалось бы желать ничего лучшего. Я много думал об этом и мечтал, если позволят средства, организовать такие образовательные экскурсии. Но откуда взять время? Да и средств у меня маловато.

В Советской России, как я заметил, экскурсии доступны каждому. Страна огромна, ее населяют разные народности. При царе у них не было возможности встречаться и знакомиться друг с другом. В те дни путешествия, экскурсии, разумеется, были роскошью, доступной только богачам. Советская же власть старается сделать так, чтобы путешествовать мог каждый. С самого начала своего существования она стала открывать по всей стране санатории для лечения и отдыха больных и утомленных тружеников. Для этого пригодились дворцы, уцелевшие от прежних времен. Они стараются, чтобы такие санатории служили не только для отдыха, но и были своего рода культурными центрами.

Во время путешествий те, кто имеет к этому склонность, оказывают всякого рода услуги населению. В помощь туристам на путях их следования открыты специальные базы, где они могут поесть, переночевать и получить консультацию по любому вопросу. Кавказские республики очень подходят для изучения строения Земли, поэтому здесь на туристских базах читают лекции по геологии. Кстати, в местах, представляющих собой интерес с точки зрения этнографии, есть специально подготовленные инструкторы туристов.

В летнее время тысячи людей, собирающихся отправиться в путешествие, составляют по учреждениям списки. Начиная с мая, по всем дорогам расходятся группы туристов по 25—30 человек.
<...>

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА*

Я решил написать статью об образовании после того, как прочел в одной американской газете сообщение, посвященное этому вопросу. То, что я думал об образовании, оказалось очень хорошо изложенным в этом сообщении. Есть далеко уходящие корни причин этого совпадения моего взгляда с тем, что было написано в американской газете.

Америка в течение долгого времени находилась в угаре погони за богатством. Эта погоня за богатством приняла очень грубые формы и породила огромную жадность, которая все время растет. В этой погоне красота человеческого характера оказалась подавленной, и на первый план выступало стремление человека сколотить богатство. А сегодня у этого огромного великана, который жаждал стяжать, на полпути к цели сломалось огромное колесо его повозки, и он опрокинулся вместе с ней набок в пыль дороги. Сейчас, подводя итог этому крушению, можно задать вопрос, что же осталось у человека, кроме этого его крушения. Все огромные затраты, все усилия — все это внешнее. Когда же это внешнее ломается, то вдруг оказывается, что внутри нас ничего нет. И если отбросить это внешнее, показное, материальное начало, можно спросить — где же сам человек, где его сущность? И, удрученный этим своим банкротством, человек уже не может утверждать, что он обладает каким-то внутренним богатством. Человек сегодняшнего дня сам по себе ничего не стоит. Он целиком человек базара. А сегодня — не базарный день. 1

Когда-то в Индии была своя собственная культура. Тогда человек не боялся, что он сможет оказаться нищ духовно, потому что центр его тяжести лежал не в области внешних ценностей. Основная задача образования состояла в определении этой цели и стремлении к ней, в признании преимуществ духовных ценностей над материальными. Конечно, в какой-то мере в образовании нужно отвести какое-то место и для материальных ценностей, так как существование человека — соединение материальных и духовных моментов.

Мы ощущаем недостаток в области культурных ценностей. Даже хромой может ездить на велосипеде. Вот он совершенно спокойно едет по дороге, вращая педали, ни о чем не беспокоясь.

* Статья опубликована в 1935 г. (I, т. 8, с. 408—414).

В это время велосипед его ломается. Тогда только он понимает, что его нога гораздо дороже этого дорогого велосипеда. Человек, который очень гордится предметами комфорта, окружающими его, не знает сам, насколько он беден. Я не хочу приуменьшить ценность велосипеда. Однако цена пары человеческих ног гораздо больше, чем может стоить велосипед. То образование, которое придает жизненную силу ногам человека, — это истинное образование, а то образование, которое заставляет человека опираться только на материальные моменты, это не свет знаний, а свод ошибок и заблуждений.

NB *Человеческая цивилизация сегодня стоит на пути серьезных испытаний. В погоне за техническими открытиями, в результате жесткой эксплуатации природных ресурсов человечество оказалось на грани собственной гибели. «Запустение земли из-за запустенья души» (Иван Васильев) — этот кризис свидетельствует о катастрофическом падении культуры. И сегодня какое-либо движение вперед невозможно без ее возрождения.*

Реализация перестройки нашей жизни, экономики сегодня невозможна без обращения к совести, разуму, сердцу человека, без его внутренней свободы. Сегодня важнейшей проблемой, вслед за экологией природы, становится проблема экологии культуры, экология души человека. Культура же человеческих отношений невозможна без развития эстетического, художественного сознания.

Значительное место в процессе формирования духовной культуры учащихся во время обучения в школе занимают специальные художественные дисциплины: литература, музыка, изобразительное искусство, мировая художественная культура и др. Основная задача этих школьных предметов искусства — сделать достоянием каждого человека общие духовные ценности, открыть перед ним кладь богатств мировой художественной культуры прошлого и настоящего, способствовать сохранению и умножению национальных художественно-культурных традиций.

Главной фигурой в этом сложном воспитательно-образовательном процессе является учитель искусства. Его социально-историческое предназначение — созидание, сотворение личности. И для этого он сам должен быть носителем тех качеств, которые хотел бы воспитать в своих учениках, ибо педагогическая профессия, педагогическое мастерство исходят из индивидуально-личностного начала.

Сфера деятельности учителя, преподающего предметы искусства, имеет свою яркую специфику. Ибо он прежде всего влияет на духовное становление и художественное развитие личности, оперируя художественно-образными категориями и понятиями. Особенность профессии учителя искусства составляет единство педагогического и художественно-творческого начала. Это предопределено природой самого искусства и дает богатейшие возможности для творчества педагога.

Так думал я, создавая университет в Шантиникетоне. Утвердить в правах это новое образование было самым сильным моим пожеланием. Не приходится беспокоиться, какое применение найти мебели. Это ясно само собой. А вот что делать со своим внутренним

богатством? Главная цель образования должна быть в том, чтобы учить уделять основное внимание своей внутренней сущности и прививать уважение к себе. Тогда в Шантиникетоне внешне наша жизнь была бедна. Но мы не стыдились ее. Я говорил учителям, что нельзя считать правильным образованием образование, прививающее стремление к материальному началу, переоценивающее его.

Само собой разумеется, что бедность возникает как результат бессилия. Ничего хорошего в этом нет. Но говорят, что сильного украшает снисходительное отношение к слабому. Точно то же можно сказать и о богатом человеке, которого украшает отсутствие жадности. Следовательно, нет ничего плохого в богатстве, которое не ставит своей целью наслаждение. К Индии в целом это не имеет отношения, так как она слишком бедна; она не имеет средств на наслаждения. Поэтому нам нетрудно пренебречь ими. Бог не прощает слабым. Мы самоуверенно заявляем, что все сможем сделать. В минуту заносчивости мы все можем заявить: «Я всё знаю». За этим заявлением последует «я все могу», — все в Европе говорят сегодня так. Нет границ этой вере в собственную силу. Именно благодаря этой вере в себя европейцы стали такими смелыми, побеждая всех и вся на земле, на воде, в воздухе. А мы всегда ждем благоприятного случая из рук судьбы. Поэтому в течение многих веков судьба и обманывает нас.

После большого перерыва я перечитал рассказы известного шведского путешественника Свеа Хедиа. Он посвятил себя задаче — узнать, как возникает жизнь в непроходимых пустынях. Основным принципом его деятельности был тот же девиз: «Я все могу, я все смогу узнать и сделать». Читая его книгу, можно понять, что может сделать такая твердая решительность и инициатива. Из каждого его слова явствует, что он, как и люди, подобные ему, видит прежде всего материальную сторону любого явления. Но как же можно утверждать, что он выше всего ставит материальное начало, если во имя знаний, которые — нематериальная категория, он продемонстрировал столько мощной душевной силы?! Если он рисковал жизнью для приобретения знания, ничего не боялся, преодолевал все препятствия и побеждал любые трудности, тогда как же можно считать такого человека сторонником только материального начала?! Только те, кто сам не обладает такими душевными качествами, могут утверждать, что такие люди считают главным внешний материальный момент. Положение «мы все знаем» — это истина. Нельзя забывать, что только проповедуя эту истину, мы освободим нашу страну от самоунижения. Пусть в нашем университете студентам прививают инициативу. Именно это является основной задачей образования. Я знаю, что главным препятствием к внедрению этого принципа являются те люди, которые должны были бы сами внушать это студентам. Сколько жизненных сил, душевной энергии уходит, насколько уменьшается работоспособность благодаря привычке к зубрежке! Если же кто-нибудь попытается положить этому конец, методисты начинают проявлять бес-

покойство. Сколько еще будем мы терпеть, чтобы человеческие души калечились зубрежкой? Инициатива помогает человеку стать мужественным, подобно льву. Если в нашем университете нам будет дано почувствовать новый дух, дух нового, дух инициативы, — это будет означать, что у нас на родине сбываются мечты богини Лакшми. Нужно, чтобы люди стремились не к тому, чтобы получить диплом после сдачи экзамена, скажем, по экономике, но к тому, чтобы воспитать в себе сильный характер, требовательность, готовить себя к любой случайности, уметь опираться на свои же душевные силы, быть готовым чувствовать себя ответственным за любое дело. Иными словами — нужно заниматься делами, требующими мужества, а не диспутами и демонстрацией своих знаний. В обычной школе нет возможностей для воспитания таких черт характера. А у нас, в Шантиникетоне, такая возможность есть, так как очень важно иметь людей, которые бы могли направить образование по правильному руслу.

Обычно для осуществления какого-то дела мало, чтобы оно было логической необходимостью. Автор газетного сообщения, о котором я говорил в начале этой статьи, как раз затрагивает этот вопрос. Он говорит, что современное образование утратило свою основу — духовную культуру. Мы пренебрегаем духовным богатством, ставя своей главной задачей погоню за богатством материальным. Однако, отбрасывая сокровища духовной культуры, разве можно достичь полноты человеческой жизни?!

Культура облагораживает человека; под влиянием культуры человек становится лучше и благороднее во всех отношениях. Действительно, культура увеличивает цену истинного благородства. Одна лишь только вежливость человека заставляет другого совершать для него различные услуги. Культурный человек скорее нанесет себе ущерб, но не унизит себя. Он не станет заниматься саморекламой и выдвигать себя на первое место из собственной корысти. Вся фальшь и низость жизни не затрагивают его. Поскольку такой человек знаком с искусством, культурой, ему доставляет большое удовольствие оказывать почтение всему лучшему. Такой человек может иметь суждение порицать, утверждать, что то-то хорошо, — и все это несмотря на мнение других. Зависть чужим достижениям и успехам такой человек считает низостью. В каждом обществе есть свое представление о гуманизме. Это представление не только в библиотеке, в читальном зале, оно существует в каждом доме, в каждой семье. К несчастью для всех, в нашей стране идеал гуманизма сильно болен, и его состояние с каждым днем становится все хуже. Поэтому самая бесстыдная клевета стала у нас товаром, приносящим выгоду. Мы так привыкли к этому, что не обращаем внимания, насколько отравлена даже сама атмосфера в нашей стране этой ложью и инсинуациями. Есть группа людей, которая пользуется малейшим поводом, чтобы выдумать и использовать клеветнические утверждения, которые распространяются по всей стране подобно эпидемии. Мы зубрим

уроки, насколько хватает наших умственных способностей, мы сдаем экзамены на степень бакалавра или магистра. Однако есть люди, которые завидуют чужому счастью, которые думают только о своих выгодах. Эти жадные люди строят перепоны на пути к объединению патриотов и деятельности, полезной для нашей родины. Эти люди всеми силами стараются принести вред этому делу. Такое положение стало возможным в нашей стране благодаря невысокому уровню культуры и слабой приверженности людей к идеалу гуманизма. Трудно уважать бенгальца, если он всеми силами старается убедить окружающих в том, что он не способен ни на подвиг, ни на благородное дело. Я всей душой желаю, чтобы главной целью наших учебных заведений было при помощи образования уничтожение этих ядовитых семян низости и лжи. Выход из этого не в том, чтобы зубрить уроки или сдавать экзамены. Уничтожить зубрежку позволит только свободное изучение истории человечества, уважение к людям на основании знания этой истории и радостное ощущение своего единства с этими людьми. Когда-то в Шантиникетоне мои коллеги поэт Шотиш Рай и Оджит Чокроборти работали в этом направлении. Несомненно, у нас есть преподаватели, подобные им. Однако все их помыслы сводятся к тому, чтобы принести в жертву беспощадным экзаменам беспомощные детские умы. И у них тоже не хватает решимости оказаться выше требований этого стандартного образования.

Автор газетного сообщения, о котором я говорил, также пишет о содержании литературы. Он считает, что влияние культуры возвышает душу человека и открывает пути не только к самоусовершенствованию, но и к самоконтролю. Благодаря этим качествам жизнь становится благородной и исполненной благополучия.

Однажды, когда я гулял со студентами, на дороге нам встретила телега, запряженная парой быков; телега застряла в грязи. Студенты, бывшие со мной, помогли вытащить телегу на сухое место. Однажды некий приезжий, прибывший в Шантиникетон, не смог найти ни одного слуги, чтобы нести багаж. Один из наших молодых студентов, ничуть не смущаясь, взял его вещи на спину и отнес, куда требовалось. Студенты были воспитаны таким образом, что считали своим долгом помогать приезжим и ухаживать за ними. Недавно они строили дорогу к Шантиникетону, сравнивали все ямы по пути. Все это они делали под влиянием своего внутреннего побуждения. Они восприняли то, что является истинной культурой, минуя книги и литературу. Когда-то я знал каждого из них в лицо и по имени. С тех пор прошло много лет, я потерял их из вида. Я надеюсь, они все так же снисходительны к другим людям, так же чужды зависти к успехам других и всегда готовы помочь слабому. Я уверен, что они знают, каким должен быть благородный человек, и стараются поступать так, как надлежит благородным людям.

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ ХУДОЖНИКА*

I

Я родился в 1861 году; год этот ничем не примечателен в истории, но он принадлежит к той великой в Бенгалии эпохе, когда в жизни страны слились потоки трех движений. Одно из них, религиозное, было основано раджой Раммохон Раем, человеком большого сердца и гениального ума. Оно было революционным, так как он пытался расчистить русло духовной жизни, которое в течение долгих лет засорялось обломками и песком материалистических верований. Лишенные духовной значимости, эти верования все свое внимание сосредоточивали на формальной обрядности. Люди, цепляющиеся за далекое прошлое, гордятся древностью своих богатств, величием старинных стен, которыми они себя обнесли. Они досаждают и сердятся, когда великая душа, правдолюбец, проламывает брешь в возведенной ими ограде и сквозь нее проникают солнечные лучи мысли и дыхание жизни. Идеи вызывают движение, а во всяком прогрессивном движении такие люди видят угрозу безопасности для своих кладовых.

Это происходило в то время, когда я родился. Я горжусь тем, что мой отец был одним из великих руководителей этого движения, во имя которого он подвергался остракизму и смело встречал оскорбления общества. Я вырос в атмосфере идеалов, которые были новыми и в то же время старыми, гораздо более старыми, чем все, чем гордился тогдашний век.

В те же годы развивалось и другое, столь же значительное движение. В Бенгалии началась литературная революция. Ее вдохновителем явился Бонкимчондро Чаттерджи, мой современник: он был гораздо старше меня, но прожил достаточно долго, поэтому я мог встретиться с ним. До него в нашей литературе царила косная риторика, она убивала всякую жизнь и вешала на себя столько украшений, что они превращались в тяжкие оковы. Но Бонкимчондро отважно восстал против ортодоксальной веры в вечность надгробий и в совершенство, свойственное лишь тому, что мертво. Он освободил наш язык от безжизненного груза тяжеловесных форм и одним касанием своей волшебной палочки пробудил нашу литературу от векового сна. Пробудившись во

* Статья объединяет тексты двух лекций Тагора. Впервые была напечатана в журнале «Контемпорари индиан философи» в 1936 г. (II, т. II, с. 343—366).

всей своей силе и красоте, она озарила нас прекрасным светом великой надежды.

В это же время началось движение, называемое национальным. Оно не носило чисто политического характера, но в нем воплотился дух нашего народа, пытавшегося отстоять свою собственную личность. В нем нашел свое выражение гнев против оскорблений, которым постоянно подвергали нас пришельцы с Запада, по привычке, особенно сильной в те времена, разделявшие все народы на хорошие и плохие в зависимости от того, в каком полушарии они обитают.

Чувство пренебрежения и превосходства неизменно унижало нас и нанесло серьезный ущерб нашей культуре. Оно породило в сердцах нашей молодежи недоверие ко всему, что являлось наследием прошлого. Старинные индийские картины и другие творения искусства высмеивались нашими студентами, подражавшими своим европейским учителям в этот обывательский век.

И хотя позднее наши учителя изменили свою точку зрения, их ученики еще не обрели полную веру в наше национальное искусство. Слишком долго воспитывали их на третьесортных копиях французских картин, на кричаще-пестрых олеографиях самого низкого пошиба, на картинах, отмеченных печатью машинной стандартности, и они все еще считают признаком высшей культуры презрение к творениям восточного искусства.

Тогдашние молодые люди, глубокомысленно кивая головой, заявляли, что подлинная оригинальность не в постижении ритма истины, таящегося в самом сердце реальности, а в полных губах, нарумяненных щеках и обнаженной груди, намалеванных на иностранных картинах. Тот же дух отрицания, порожденный крайним невежеством, насаждался и в других областях нашей культурной жизни. Молодое поколение подпало под гипноз людей с громким голосом и сильной рукой. Национальное движение провозгласило, что мы не должны отвергать прошлое только потому, что оно прошлое. Это движение отнюдь не было реакционным, напротив, оно явилось революционным, ибо с большой смелостью выступило против тех наших соотечественников, которые гордились простыми заимствованиями.

Во всех трех движениях, развивавшихся в то время, принимали активное участие и члены моей семьи. Мы были изгнаны из общества за наши вольнодумные взгляды на религию и, как все изгои, пользовались определенной свободой. Силой своей мысли и энергией своего духа мы должны были создать свой собственный мир.

Я родился и был воспитан в атмосфере слияния этих трех революционных движений. Моя семья жила своей особой жизнью, которая научила меня с самой юности искать и проверять мое самовыражение своими собственными критериями. Средством самовыражения был, несомненно, мой родной язык. Но этот язык

принадлежал народу, и я должен был его преобразовать в соответствии со своими личными побуждениями.

Ни одному поэту не следует заимствовать средства выражения готовыми из какой-либо лавки безупречной респектабельности. Мало иметь собственные семена, надо еще и подготовить свою почву. И то, что каждый поэт имеет свои оригинальные языковые средства, отнюдь не означает, что он сам создал весь язык, просто он пользуется этим языком сугубо индивидуально и с помощью волшебной палочки жизни превращает его в свое собственное средство выражения.

Поэзия искони живет в сердцах народов, и они чувствуют потребность выразить свои чувства в совершенной форме. Для этого народы должны обладать подвижным и гибким средством, которое они могут из века в век заново применять к своим потребностям. Все великие языки претерпели и продолжают претерпевать изменения. Языки, которые противятся духу перемен, обречены заранее на гибель и никогда не принесут обильного урожая мыслей или литературных творений. Когда оболочка затвердевает, дух либо малодушно смиряется со своим заточением, либо восстает. Все революции состоят в борьбе Внутреннего против нашествия Внешнего.

То время, когда какое-то неодолимое внутреннее стремление человека, ломая установленный порядок вещей, вырвалось наружу и торжествуя заявило, что никогда не будет подавлено, стало великой главой в истории нашей планеты. Пусть это стремление поначалу казалось беспомощным, но разве сейчас оно почти не добилося победы? Так же и в нашей общественной жизни, революция происходит тогда, когда какая-либо сила сосредоточивает всю свою энергию на внешней стороне и тем самым угрожает поработить силу, таящуюся внутри нас.

Когда организация, подобная машине, становится центральной силой — политической, коммерческой, образовательной или религиозной, — она затрудняет свободное течение внутренней жизни народа и использует его для увеличения своей собственной власти. В настоящее время происходит быстрая концентрация власти. Снаружи уже слышен вопль угнетенного духа, стремящегося освободиться от стискивающих его болтов и винтов, от бессмысленных навязчивых идей.

Революция неизбежна, и не надо бояться оскорблений и непонимания тех, кто жаждет покоя и верит лишь в материальное начало, ибо такие люди принадлежат не современности, а мертвому прошлому, относящемуся к тем далеким дням, когда физическая сила преобладала над духом.

Чисто физическое преобладание носит сугубо механический характер. Современные машины есть не что иное, как воспроизведение наших тел, наших конечностей, только в увеличенном размере. Современный разум еще не вышел из детского состояния, он восторгается огромными размерами тела, в котором за-

ключена могучая физическая сила, восклицая: «Дайте мне эту большую игрушку, и не надо мне никаких чувств, они ее только испортят». Он не понимает, что это возвращает нас к допотопным временам, когда природа в изобилии производила гигантские тела, не оставляя, однако, места для внутренней свободы духа.

Все великие движения в истории человечества связаны с великими идеалами. Мне могут возразить, что такие воззрения на значение духа вот уже столетие находятся в агонии и близки к смерти, что мы можем положиться только на внешние силы и материальные основания. Однако я со своей стороны заявляю, что доктрина моих противников давно устарела. Она исчерпала себя на заре жизни, когда с лица Земли были сметены все гигантские существа; и вместо них, в самом сердце вселенной, появился человек, слабый телом, но непобедимый разумом и духом.

Когда я впервые выступил на поэтическом поприще, писатели из наших образованных кругов черпали знания в английских учебниках, неспособных полностью насытить их разум. Думаю, мне повезло, что я не получил школьного образования, которое считается необходимым для мальчика из уважаемой семьи. И хотя нельзя сказать, что я был свободен от влияния, которое испытывали на себе другие молодые люди, творчество мое все же было спасено от инерции подражания. В своих стихах, в выборе слов и в своих идеях я повиновался капризам свободной фантазии, чем вызвал суровое осуждение ученых критиков и буйный смех остроумцев. Невежество в сочетании с ересью превратили меня в литературного изгоя.

Я начал свою литературную карьеру еще неоперившимся юнцом, я был самым молодым из группы, которая тогда впервые выступила в литературе. Я не обладал ни защитной броней зрелости, ни достаточным знанием английского, чтобы вызвать к себе уважение. Но в моем уединении, где презрение преобладало над редкими похвалами, я обрел свободу.

Постепенно я становился старше — правда, в том нет никакой моей заслуги. Подвергаясь насмешкам и лишь изредка пользуясь чьей-либо поддержкой, я упорно прокладывал себе путь к признанию; в этом признании соотношение похвал и порицаний было примерно таким же, как соотношение воды и суши на нашей планете.

В молодости мне придавало отвагу мое раннее знакомство со старинной вишнунитской лирикой, отличавшейся свободой ритма и смелостью выражения. Мне было двенадцать лет, когда впервые напечатали эти стихи. Я тайком доставал эти книги из письменных столов старших. В назидание другим надо признать, что это было нехорошо для мальчика моих лет. Я должен был сдавать экзамены, а не идти по дороге, ведущей к снижению отметок. К тому же большая часть этой лирики была эротической и, откровенно сказать, мало подходящей для мальчика, еще даже не ставшего подростком. Но воображение мое было полностью захвачено кра-

сотой формы и музыкой этих строк, а их дыхание, исполненное жгучей чувственности, пронеслось мимо моей души, так и не задев ее.

Мое бродяжничество по тропам литературы было вызвано еще и другой причиной. Отец мой стал главной фигурой нового религиозного движения, строгого монотеизма, основанного на учении «Упанишад». А для моих бенгальских соплеменников это было, пожалуй, хуже христианства. Поэтому мы были изгнаны из общества, что, вероятно, спасло меня от другого несчастья, а именно — слепого подражания нашему прошлому.

Почти каждый член нашей семьи был наделен каким-либо талантом — одни были художниками, другие поэтами, третьи музыкантами; во всем нашем доме царил атмосфера, проникнутая духом творчества. Почти с самого детства я глубоко чувствовал красоту природы, ощущал тесную связь с деревьями и облаками. Все мое существо звучало в унисон с музыкой времен года. В то же самое время я был необыкновенно чуток к человеческой доброте. Все это искало своего выражения. Я стремился быть верным своим чувствам, хотя незрелость мешала мне облечь их в сколь бы то ни было прекрасную форму.

С тех пор я завоевал добрую славу на родине. Но до самого последнего времени большая часть соотечественников относилась ко мне враждебно. Некоторые говорили, что стихи мои чужды национального духа, другие жаловались на их непонятность, а третьи усматривали в них прямой вред. Я так и не получил полного признания со стороны своего народа, и это, пожалуй, к лучшему: ничто не действует столь разлагающе, как незаслуженный успех.

Такова история моей литературной деятельности. Я хотел бы рассказать о ней более подробно в каком-нибудь своем произведении на родном языке. Надеюсь, что когда-нибудь смогу осуществить это намерение. Языкам свойственна ревность. Они не отдают свои сокровища тем, кто пытается завоевать их расположение через посредника, близкого к сопернику. Мы должны ухаживать за ними сами. Поэзия не рыночный товар, переходящий из рук в руки. Нельзя добиться улыбки или нежного взгляда возлюбленной, пользуясь услугами поверенного, как бы усердно и ревностно ни исполнял он наших поручений.

Сам я тоже старался проникнуть в сокровищницу литературы на европейских языках задолго до того, как приобрел полное право на их гостеприимство. В молодости я попытался понять Данте, к несчастью, пользуясь английским переводом. Я потерпел полный провал и осознал, что мой святой долг — отказаться от подобных попыток. Так Данте и остался для меня книгой за семью печатями.

Я хотел также познакомиться с немецкой литературой и, читая Гейне в переводах, вообразил, что мне удалось уловить отблеск ее волшебного сияния. На мое счастье, я встретился с женщиной-миссионером из Германии и попросил ее помочь мне. Несколько

месяцев я напряженно трудился, но моя сообразительность, качество весьма опасное, помешала мне проявить достаточную настойчивость. Я слишком легко угадываю значение незнакомых слов, и это нередко подводит меня. Однако моя учительница решила, что я почти овладел языком, хотя это не соответствовало действительности. Все-таки я прочел Гейне с уверенностью лунатика, пробирающегося во сне по незнакомым тропам, — и получил ни с чем несравнимое удовольствие.

Потом я перешел к Гете. Тут я переоценил свои способности. Пользуясь небольшими запасами немецкого языка, я прочитал «Фауста». Мне кажется, все же я сумел попасть во дворец, но не как человек, имеющий все ключи, а как случайный посетитель, которого допускают только в какую-нибудь гостиную, удобную, но не располагающую к интимности. Честно говоря, Гете так и остался для меня загадочным, как и многие другие великие светила.

Так оно и должно было случиться. Не совершив паломничества, не достигнешь святости. И пусть никто не надеется познакомиться с моим истинным языком через переводы.

Что же до музыки, то я, кажется, имею некоторое право зваться музыкантом. Я сочинил много песен в нарушение всех общепринятых канонов, но добрые люди возмущаются наглостью человека, который отважен лишь потому, что ничему не учен. Однако я продолжаю сочинять, и Господь простит мне, потому что я не ведаю, что творю. Возможно, это наилучший образ действия в сфере искусства. Ругая меня, люди все же поют мои песни, хотя и не всегда правильно.

Пожалуйста, не подумайте, что я тщеславен. Я способен судить о самом себе объективно и могу открыто восторгаться своими произведениями, потому что я скромен. Я могу не колеблясь сказать, что мои песни нашли путь к сердцу моей Родины, что они цветут вместе с цветами, которыми она так богата, и люди грядущего будут петь их в дни радости и печали и в дни празднеств. Это тоже дело революционера.

Если я неохотно высказываю свое суждение о религии, то это потому, что пришел к своей религии не через врата пассивного принятия какой-либо веры, к которой принадлежат от рождения. Я родился в семье, где были первые проповедники возрождения в нашей стране религии, основанной на изречениях индийских мудрецов, содержащихся в «Упанишадах». Но в силу особого склада ума я не способен признать никакое религиозное учение только потому, что окружающие верят в его истинность. Я даже помыслить не мог о том, чтобы принять религию лишь на том основании, что все, кому я доверяю, не сомневаются в ее ценности.

Моя религия — прежде всего религия поэта. Она приходит ко мне теми же невидимыми и непроторенными путями, что и музыкальное вдохновение. Моя религиозная жизнь следовала той же таинственной дорогой развития, что и моя поэтическая жизнь. Каким-то образом им удалось повенчаться — и уже давно, но я

очень долго не знал об их помолвке. Надеюсь, никто не обвинит меня в хвастовстве, если я скажу, что обладаю поэтическим даром, этим инструментом самовыражения, откликающимся на любое дуновение, исходящее из глубины чувства. С детства я был одарен тонкой чувствительностью, которая чутко отзывалась на трепет окружающего мира природы и людей.

Я был также наделен любознательностью, которая дает ребенку право на вход в сокровищницу тайны, таящейся в сердце всего сущего. Я пренебрегал занятиями, потому что они грубо отрывали меня от окружающего мира, который был моим другом и товарищем, и едва мне исполнилось тринадцать лет, я освободился от тенет системы образования, пытавшейся удержать меня в каменной ограде занятий.

Я очень смутно представлял себе, кем или чем впервые были затронуты струны моего сердца, в этом отношении я подобен ребенку, не знающему ни имени своей матери, ни даже кто она. Я всегда испытывал чувство глубокого удовлетворения индивидуальностью. Это чувство проникало в глубь моей души по всем живым каналам, связывающим меня с окружающим миром.

Мое сознание никогда не оставалось безучастным к явлениям окружающего мира, что, несомненно, очень важно; облака и цветы говорили непосредственно со мной, и этого было для меня вполне достаточно, чтобы не быть к ним равнодушным. Навсегда запомнился мне тот день, когда, возвращаясь из школы, я вылез из экипажа и вдруг заметил в небе, за верхней террасой нашего дома, громады густых темных туч, расточающих обильную прохладную тень. Это чудо и эта безграничная щедрость наполнили меня ощущением той радости, которая есть свобода, — такую свободу мы обретаем в любви самого близкого друга.

Мне хочется повторить то, что я уже говорил в одной из своих статей. Представьте себе, что на нашу Землю прилетел житель другой планеты и услышал человеческий голос, записанный на граммофонную пластинку. Его внимание прежде всего привлечет вращающаяся пластинка. Он не способен постичь объективную истину, которая кроется в этом, и потому удовлетворяется установлением объективного научного факта, — ведь пластинка есть нечто осязаемое, нечто поддающееся измерению. Он не поймет, как этот механизм может сказать что-нибудь душе. Но если в стремлении постичь тайну он встретится с композитором и внезапно проникнет в сердце музыки, то сразу же поймет значение музыки как выражения личности.

Простая информация о фактах, открытие какой-либо силы суть проявления внешнего, а не внутреннего мира. Единственным критерием истины служит счастье. Мы узнаем истину по ее музыке, по той радости, с которой она приветствует истину, скрытую в нас самих. Вот что является подлинной основой всякой религии, а не какие-либо догмы. Я уже говорил, что свет мы воспринимаем не как волны эфира, а утро не ждет, чтобы его пред-

В Наблюдая самих себя, природу, знакомясь с новыми открытиями ученых в различных областях знаний, мы постепенно формируем свое миропонимание, которое необходимо в любой творческой работе и особенно художнику.

Не зря процесс обучения человека, его развития называется чудесным словом — просвещение: только просвещаясь, насыщаясь духовным светом, можно проникнуть в тайны природы, а вслед за этим и в тайны искусства, и в тайны познания себя.

Природа вложила в каждого из нас разум, чувства, интеллект и интуицию, которые дают возможность нам рассуждать, анализировать, чувствовать, действовать, совершенствоваться, творчески самовыражаться. Однако это возможно лишь при условии взаимодействия, совместной работы разума и чувства, интеллекта и сердца. Когда наши мысли правильны и точны, а наши чувства бескорыстны, то и действия становятся созидательными.

истине, а не в каких-то внешних обстоятельствах; он понимает, что прекрасное несет в себе вечное убеждение в нашем духовном родстве с реальностью, которая ждет своего совершенного воплощения в нашей ответной любви.

II

Известный комментатор вед Шайаначарья говорит:

«Благословенна еда, принесенная богу и остающаяся в поле для свершения обряда, ибо она есть символ Брахмы, Прародителя Вселенной».

ставил нам ученый. Точно так же мы касаемся бесконечной реальности внутри нас, лишь когда постигаем чистую истину любви или добродетели. Тут не помогут ни толкования теологов, ни глубокомысленное обсуждение этических проблем.

Повторяю, что моя религия — это религия поэта. Она плод моего внутреннего видения, а не только знания. Честно признаюсь, что я не могу удовлетворительно ответить ни на вопрос о том, что такое природа зла, ни о том, что происходит после смерти. И все же я уверен, что бывали минуты, когда душа моя касалась Бесконечного и глубоко познавала его сущность в озарении радости. В «Упанишадах» сказано, что наш разум и наши слова не могут проникнуть в Святилище Высочайшей Истины, и тот, кому это ведомо, избавляется от всех страхов и сомнений благодаря непосредственной радости Души.

Ночью мы спотыкаемся о различные вещи и остро ощущаем их разобщенность, день раскрывает перед нами великое единство, объемлющее всех их. И человек, чье внутреннее видение омыто светом его сознания, сразу же постигает духовное единство, царящее над всеми расовыми различиями, и его разум, встречаясь с отдельными проявлениями разобщенности в человечестве, не принимает их как нечто раз и навсегда установленное. Такой человек сознает, что успокоение можно найти лишь во внутренней гармонии, обитающей в

Из этого следует, что Брахма безграничен в своей щедрости, которая неизбежно находит выражение в вечном мировом процессе. Это целая доктрина о происхождении всего мира и, следовательно, о происхождении искусства. Из всех живых существ на земле только человек обладает жизненной и духовной энергией, превосходящей его насущные потребности, и это побуждает его творить ради самого творчества. Подобно Брахме, он черпает радость в произведениях, созданных не по необходимости и потому отражающих его расточительство, а не беспросветную нужду. Нормальным голосом можно разговаривать и даже кричать, то есть делать то, чего от нас требует повседневная жизнь; но голосом, наделенным особой красотой и выразительностью, мы можем петь, и в этом находим радость. Искусство раскрывает богатство человеческой жизни, которая ищет свободы в совершенных формах, являющихся в этом случае самоцелью.

Все косное и безжизненное только существует, а не живет. Жизнь — непрерывное творчество, она таит в себе избыточные силы, переливающиеся через узкие границы Сегодня и Здесь в неустанном стремлении раскрыть себя в различных формах самовыражения. Наше тело имеет органы, необходимые для его жизнедеятельности, но оно не просто вместилище желудка, сердца, легких и мозга. Оно представляет собой образ, — и его величайшая ценность в том, что оно может выразить свою личность. Оно обладает цветом, формой, способно двигаться, — эти качества в большинстве своем излишни, поскольку необходимы лишь для самовыражения, а не для самосохранения.

Эта живая атмосфера избыточного в человеке пронизана его воображением, как воздух светом. Воображение помогает нам объединить разрозненные факты гармонией и затем выразить эту гармонию в наших делах, направленных на достижение радости совершенства. Воображение пробуждает в нас Всечеловека, провидца и творца всех времен и народов. Непосредственное осознание действительности в ее чистейшей форме, не затемненной тенью своекорыстия, независимо от моральных и утилитарных соображений доставляет нам радость, как и самораскрытие нашей личности. То, что на обычном языке мы называем прекрасным, то, что проявляется в гармонии линий и красок, звуков или в сочетаниях слов или мыслей, восхищает нас только потому, что мы не можем не признать в нем Высшей Истины. «Любови достаточно она сама», — сказал поэт, она заключает в себе свое объяснение, радость, которую можно выразить лишь с помощью искусства, обладающего такой же законченностью. Любовь свидетельствует о чем-то существующем вне нас, но это «что-то» наделено интенсивностью, передающейся и нам. Лучи любви ярко освещают ее объект, даже если этот объект лишен каких-то ценных свойств.

Постигая мир окружающих, «Я есмь» во всем прозревает свою протяженность, свою собственную бесконечность. К несчастью, из-за нашей ограниченности и множества мелких забот большая

часть мира, простершаяся вокруг нас, не озарена светом нашего внимания: все нам видится словно в дымке, проходит мимо нас, подобно каравану теней, ночным пейзажем, который мы видим из окна освещенного купе; мы знаем, что существует внешний мир и что это немаловажный факт, но в этот момент для нас гораздо важнее железнодорожный вагон.

Если бы свет нашей души мог со всей яркостью озарить хоть несколько из бесчисленного множества предметов в мире и таким образом сделать их для нас реальными, они постоянно звали бы к нашему творческому сознанию, вечно требуя своего выражения. Эти предметы находятся в том же царстве, что и наше стремление к ценности нашего собственного «я».

Я вовсе не хочу сказать, что вещи, с которыми мы связаны узами своекорыстия, воплощают дух реальности, напротив, их затмевает тень, отбрасываемая нашим «я». Слуга не более реален для нас, нежели возлюбленная. Скованные узким пониманием полезности, мы все свое внимание переносим с человека, совершенного во всех отношениях, на человека, просто полезного. Толстый ярлык с указанием рыночной цены заслоняет собой абсолютную ценность реальности.

Сам факт нашего существования подтверждается тем, что все остальные также существуют и «Я есмь», заключенное во мне, пересекает границы своей конечности, как только оно глубоко постигает себя в «Ты еси». Такое пересечение границ конечности вызывает радость — радость, которую приносит прекрасное, любовь и величие. Самоотречение и, в еще большей степени, самопожертвование являются свидетельством познания бесконечности. Подобная философия и объясняет радость, которую мы черпаем во всех видах искусства, а произведения искусства усиливают чувство единства, являющего собой единство истины, заключенной в нас самих. Моя личность не что иное, как осознанный принцип живого единства; она одновременно и охватывает все явления, и переходит границы внешнего в этих явлениях, свойственных только мне: я имею в виду знания, чувства и желания, волю, память, любовь, деятельность, — словом, все, мне принадлежащее. Личность, которой доступно понимание Единого, выражает понимание в предметах, мыслях и делах, сгруппированных воедино. Принцип единства, который содержится в личности, более или менее полно выражается в прекрасном лице или картине, стихотворении, песне, характере или гармонии взаимосвязанных идей или явлений; и все это становится остро ощущаемой действительностью и, следовательно, приносит радость. Представление личности о действительности, которая находит свое совершенное раскрытие в полной гармонии, нарушается с появлением диссонанса, потому что диссонанс противоречит понятию об единстве, заложенном в основе этого представления.

Все остальные факты были осознаны нами в результате постепенного накопления опыта, и наши познания о них постоянно

претерпевают противоречивые изменения благодаря все новым и новым открытиям. Мы никогда не можем быть уверены, что до конца постигли характер чего-либо существующего. Но эти познания были нами получены одновременно с убеждением, которое не нуждается ни в каких доказательствах. Это убеждение в том, что источником всей моей деятельности является моя личность: эта личность невыразима в словах, но в ее истинности я уверен больше всего на свете. Хотя все прямые свидетельства, которые могут быть взвешены и измерены, говорят о том, что знаки на бумаге оставляют мои пальцы, а не что-либо иное, ни один здравомыслящий человек никогда не усомнится в том, что не эти механические движения создают мои книги, а некая сущность, которую можно познать лишь через любовь, но не иначе. Таким образом, мы различаем две стороны в нашей личности: одна из них относится к законам окружающей среды, а другая к воле, обитающей в самой личности.

Личность — это ограничение безграничного: личное пробуждается в Боге, когда он творит.

Он ограничивает себя пределами своего собственного закона; игра, которая есть этот мир, чья реальность заключена в его отношении к личности, продолжается. Предметы различаются не по своей сущности, а по своей видимости, иными словами, по отношению к тому, кто на них смотрит. Это и есть искусство, истинность которого проявляется не в сущности или логике, а в выражении. Абстрактная истина может принадлежать науке и философии, но реальный мир принадлежит искусству.

Мир как искусство есть игра Верховного Существа, упоенно творящего образы. Попробуйте разложить образ на составные части — он ускользнет от вас и никогда не раскроет вечный секрет явления. Пытаясь обнаружить жизнь, скрытую в живой ткани, вы найдете углерод, азот и множество других вещей, совершенно непохожих на жизнь, но не ее самое. Явление не дает возможности судить о себе на основании своей внешней структуры. Вы можете назвать его майей — иллюзией и притвориться, что не верите ему. Но великого художника, творца иллюзий, это не трогает. Ведь искусство — это майя, и оно не имеет никакого другого объяснения. Кроме того, что оно кажется тем, что оно есть. Оно никогда не пытается скрыть свою неуловимость, оно смеется даже над собственными определениями и играет в прятки, то скрывая, то открывая свой лик, постоянный в его переменчивости.

Таким образом, жизнь, представляющая собой непрерывно длящийся взрыв свободы, находит свой ритм в постоянном возвращении к смерти. Каждый наш день, даже каждое мгновение есть смерть. Иначе перед нами была бы безликая пустыня бессмертия, вечно немая и неподвижная. Итак, жизнь есть майя, как любят повторять моралисты, она есть и она не есть. Мы находим в ней только ритм, в котором она проявляется. То же самое горные породы и минералы. Разве не доказала наука, что главное

различие между элементами — это ритм? Отличие золота от ртути основано только на различных ритмах строения их атомов, подобно тому как различие между королем и его подданным заключается не в различии их тел, а в различных ритмах их положения. И здесь вы обнаруживаете за сценой художника, владеющего волшебным искусством ритма, который придает видимость телесного бестелесному.

В *Природа создала людей таким образом, что они нуждаются в нежности, ласке, общении, внимании, и этот постоянный и непрерывный взаимообмен информацией, впечатлениями, помыслами, чувствами и есть жизнь. А жизнь искусства? Как раз искусство и является нашим зеркалом, так как отражает эту жизнь и все ее проявления и помогает человеку ее не только понимать, но и строить по законам красоты. Так можно интерпретировать известную фразу Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю!» Точка опоры в искусстве — это чувство, так как через чувства мы начинаем понимать идеи о совершенстве. Мы начинаем действовать, творить под воздействием чувств, чувство же пробуждается мыслью, а мысль рождается под влиянием духовных идей, о которых говорил еще Платон.*

Что это за идеи? Это те вечные эталоны, силы, принципы, которые моделируют и формируют вселенную, а также и нас с вами.

Рука человека, художника — это посредник между идеей, мыслью, чувствами и созданным при их помощи образом. Посредником также являются

Что такое ритм? Это движение, созданное и регулируемое гармоническим ограничением. Это творческая сила в руках художника. До тех пор, пока слова облечены в форму неритмической прозы, они не создают сколько-нибудь прочного ощущения реальности. Но стоит придать им ритм, как они начинают трепетать во всем своем величии. Возьмите, например, розу. В нежной ткани ее лепестков вы обнаружите все, что необходимо для цветка, но розу, представляющую собой майю, образ, вы не найдете. Ее законченность, которая несет на себе отпечаток бесконечного, исчезает. Роза предстает предо мной неподвижной, но ритм, вложенный в нее при создании, саму эту неподвижность наделил поэзией движения. Ту же поэзию движения вы найдете в динамических свойствах картины, обладающей полной гармонией. Она звучит, словно музыка, в нашем сознании, придавая ему естественный ритм движения, совпадающий с нашим собственным ритмом. Если бы картина состояла из негармоничной совокупности красок и линий, она была бы мертво-неподвижна.

Совершенный ритм сообщает произведению искусства свойства звезды, которая, несмотря на свою кажущуюся неподвижность, вечно движется, уподобляет его пламени, на первый взгляд неподвижному, но в действительности воплощающему в себе движение. Великая картина живет вечно, а газетные новости, даже самые трагические, мертвы. Некоторые из них могут просто затеряться в газете, так и не обратив на себя внимания, но если придать

ся глаза у художника, а у музыканта — уши. Но это особые глаза и особые уши! Глаза смотрят и... видят, уши слушают и... слышат мир Вселенной красоты и помогают человеку ее воспринимать и постигать.

им надлежащий ритм, они засверкают вечным сиянием. Таково искусство. Одно лишь прикосновение его волшебной палочки придает неумиращую реальность любому предмету, связывает его с личностью, таящейся в нас. Мы стоим перед произведением искусства и повторяем: я знаю тебя, как самого себя, ты реально.

Один из моих китайских друзей, гуляя со мной по улицам Пекина, в большом возбуждении показал на осла. Обычно мы лишь тогда узнаем, что осел — реальное существо, когда он лягает нас или когда мы нуждаемся в его столь неохотно оказываемой помощи. Но в таких случаях мы познаем реальность не в осле, а вне его, в какой-нибудь нашей цели или телесной боли. Поведение моего друга сразу же напомнило мне китайские стихи, в которых восхитительное чувство реальности воспринимается так непринужденно и выражается столь просто.

Эта чувствительность к прикосновению внешнего мира и восторг, испытываемый нами при его познании, значительно снижаются, когда в нашем обществе появляется бесчисленное множество сложных целей, настойчиво требующих своего достижения, когда на нашем пути скапливаются проблемы, которые необходимо принять во внимание, и течение жизни замедляют вещи и мысли, не поддающиеся гармоничному сочетанию.

Это становится все явственнее с каждым днем, особенно в наш современный век, когда больше времени уходит на приобретение жизненных удобств, чем на наслаждение ими. По сути дела, жизнь погребена под материальными благами, подобно тому как заваливают сад кирпичами, привезенными для сооружения забора. Воздвигают целые горы кирпича и цемента; тщетно приходит весна в это царство мертвых вещей: цветы так и не распускаются.

Наше сознание подобно туристу, торопливо рыскающему по дешевым лавкам, где продаются всякие безделушки с весьма иллюзорной ценностью. Это происходит потому, что естественная тяга сознания к простой жизни заглушена постоянными заботами. Литература, им созданная, постоянно сует свой нос в самые неподходящие места в поисках необычных вещей и эффектов. Все ее силы уходят на то, чтобы казаться оригинальной. Она тшится непрерывно изменять стиль, как будто это мода на дамские шляпки; и ее произведения напоминают скорее хорошо отшлифованную сталь, чем цветущую жизнь.

Литературные моды быстро истощают себя и редко отличаются глубоким характером. На какой-то миг они поражают взор и тут же исчезают, как стремительно несущаяся пена. Попусту растрачивая все силы, подобная литература сама мешает своему внутреннему развитию; подобно осенним листьям, она за короткий срок претерпевает множество внешних изменений. С помощью

румян и мушек она создает некую видимость современности, поспрамяющую ее прежний, совсем недавний лик. Своими кривляниями она уподобляется кактусу в пустыне, которому не хватает скромности в его уродливых формах и миролюбия в колючках и который олицетворяет собой вызывающую неучтивость, столь характерную для напускной гордости бедняка. С чем-то похожим мы часто сталкиваемся при чтении произведений современной литературы; трудно не заметить их колючих парадоксов и судорожной жестикуляции. Нередко в этих произведениях встречается и мудрость, но эта мудрость потеряла свое спокойное достоинство, она боится равнодушия толпы, которую привлекает все экстравагантное и необычное. Смотреть на мудрость, которая хочет казаться умной, так же печально, как и глядеть на пророка, прохаживающегося в шутовском колпаке перед восхищенной толпой.

Во всех великих произведениях искусства, в том числе и литературных, человек выражал свои обычные чувства в форме необычной, однако естественной. Вордсворт описывал в своих стихах жизнь, покинутую любовью, с обычным пафосом, которого вправе ожидать всякий нормальный разум в этой ситуации. И хотя картина, в которой он воплотил свои чувства, была неожиданной, каждый здравомыслящий читатель не может не восхищаться таким образом:

...и снег занес

Гнездо, что притаилось среди роз.

Как-то мне попало современное произведение, в котором появление звезд сравнивается с сыпью, внезапно проступившей на вздувшемся теле темноты. Автор, очевидно, боится писать о холодной чистоте усыпанного звездами неба, чтобы его не обвинили в банальности. С точки зрения реализма, образ, который он употребил, вполне уместен и может быть даже признан смелым в его беззастенчивой грубости. Но это не искусство — это визгливый крик, нечто, напоминающее современную рекламу, которая преодолевает невнимание толпы с помощью знания ее психологии.

Создавать иллюзию силы, выдвигая на первый план аномалию, — не признак ли это духовного паралича? Современное искусство пускает в ход всю свою ловкость, чтобы поразить и выставить напоказ необычное, и это свидетельствует об убывающей силе его воображения. Когда литература какой-либо эпохи всячески стремится к фальшивой новизне в форме и содержании, это значит, что она стареет, теряет чувствительность и хочет разбудить свой дремлющий вкус остротой неприличия и щекочущим прикосновением невоздержанности. Мне говорили, что все это лишь признаки реакции на литературу, созданную в прошлом веке, с ее приторно сладкой изысканностью, слишком уж роскошным туалетом и сверхутонченностью выражений. По-видимому, она достигла крайних пределов утонченности, которая почти до неузнаваемости зашифровала свои условности, благодаря чему даже

скромные таланты способны составить себе достаточно громкое имя. Возможно, это объяснение верно. Но, к несчастью, реакция на что-либо редко обладает спокойствием непосредственности, часто она представляет собой лишь обратную сторону медали, которую отвергает как фальшивую. Реакция против манерности может создать новый вид манерности, воинствующей манерности, которая подражает дикарю, раскрашивающему свое тело яркими красками, стараясь придать своему стилю некую примитивную грубость. Устав от аккуратно разбитых клумб, садовник с суровой решимостью начинает повсюду воздвигать искусственные скалы, избегая естественного вдохновения ритма из почтения к тирании моды. В превознесении мятежа проявляется то же чувство стадности, которое раньше проявлялось в восхвалении покорности, и его противоположности — неподчинения, и своящееся, в сущности, к той же покорности, только проявляемой с вызывающим видом. Фанатичное преклонение перед мужеством приводит к мускулистому атлетизму, пригодному лишь для цирка, а не к рыцарству, скромному и вместе с тем непобедимому, по праву претендующему на почетное место во всех областях искусства.

Защитники этого течения часто говорят, что подобное выставление напоказ кричащей грубости и дешевой сенсации оправдывается нелицеприятным признанием фактов как таковых. По их мнению, реализма не следует избегать, даже если он оборван и дурно пахнет. Но в тех случаях, когда это относится не к науке, а к искусству, мы должны провести границу между реализмом и реальностью. В естественной обстановке болезнь представляет собой реальность, которая не может быть отвергнута и литературой. Но болезнь в больнице относится к сфере данной науки. В этом случае болезнь — абстракция, и если позволить ей появиться в литературе, она может принять неправдоподобный вид из-за ее нереальности. Подобные блуждающие призраки плохо совмещаются с обычной обстановкой, неверные пропорции окружения приводят к искажению их собственных пропорций. Такое пренебрежение существенным не представляет собой искусства, а является лишь трюком, использующим уродство, чтобы выдвинуть ложные притязания на реальность. К несчастью, нередко встречаются люди, которые верят, что нечто, с большой силой поражающее их, дает более широкий кругозор, чем уравновешенные и сдержанные факты, для постижения которых надо приложить усилия. Весьма возможно, что из-за недостатка досуга число таких людей увеличивается. Для того чтобы дать им стимул, который, как они хотят верить, является стимулом к эстетическому постижению действительности, опустошаются темные подвалы сексуализма и аптеки, торгующие моральной отравой.

Я вспоминаю простую строку из песни одного племени, живущего по соседству: «Мое сердце подобно каменистому руслу, скрывающему безрассудный ручей». Специалист по психоанали-

зу, несомненно, определит это как типичный пример подавления желания и, таким образом, низведет эту строку до простой иллюстрации предполагаемого факта; точно так же мы можем подозревать, что в куске угля таится огненное вино солнца забытых веков. Но это — литература; неважно, что побудило воплотить этот факт в песню, главное, что он приобрел форму образа, творения сугубо личного и тем не менее всеохватывающего. Случаи подавления желания весьма многочисленны и обычны. Но это сравнение единично и необыкновенно. Эти стихи волнуют слушателя не потому, что выражают собой психологический факт, а потому, что содержат в себе нечто личное, отражая личную действительность, принадлежащую всем временам и всем народам в мире человечества.

Но это еще не все. По своей форме стихотворение, несомненно, несет на себе отпечаток личности, которая его создала. В то же время, сумев преодолеть личное, оно поднялось выше своего источника — эмоционального склада автора. Оно освободилось от цепей чьей-то одной жизни, достигло ритмического совершенства, которое ценно само по себе. Вот стихотворение, созданное, как свидетельствует его заглавие, в самом мрачном настроении. Никто не может сказать, что для ясного ума есть что-либо приятное в воспоминании о чувстве отчаяния. Однако эти стихи нельзя забыть, потому что, как только стихотворение создано, оно навсегда отделяется от источника своего возникновения: история его ступенькается и на первый план выдвигается полная независимость. Личная печаль императора сразу же обрела свободу, как только приняла вид поэзии, выраженной в камне; она стала апофеозом рыданий, половодьем восторга, залившим каменистое русло — его страдающее сердце*. То же относится и ко всякому творению. Капля росы не ведает, в своем законченном совершенстве, откуда она явилась на свет.

Употребляя слово «творение», я подразумеваю, что благодаря ему некоторые голые абстракции приняли форму конкретного единства в своем отношении к нам. Можно проанализировать сущность творения, но не это единство, которое проявляется в его самораскрытии. Литература как искусство представляет для нас тайну, заключенную в ее цельности.

Мы читаем:

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый.
Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,

* Тагор имеет в виду императора Шах Джахана, который выстроил мавзолей Тадж Махал для умершей любимой жены Мумтаз Бегум.

В страхе удалилась.
А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя,
Завладел любимой*.

В этом стихотворении есть своя грамматика, свой словарь. Если мы расчленим эти стихи на составные части и попытаемся выпытать у них признание, стихотворение, которое представляет собой «единое целое», исчезнет, как легкий ветерок, — тихо и незримо. Никто не знает, почему стихи говорят больше, чем отдельные слова, из которых они сложены, как они преодолевают все свои законы и общаются с личностью. Смысл единства — это вечная загадка.

Что касается определенного смысла этих стихов, то здесь открывается широкое поле для предположений. Если бы их содержание было изложено в обычной прозе, мы выказывали бы нетерпение и даже, вероятно, стали бы искать противоречия. Мы, несомненно, попросили бы объяснить, кто был этот путник и почему он завладел любимой без всяких разумных побуждений для этого. Но когда перед нами стихи, нам незачем просить объяснения, если только мы не увлекаемся коллекционированием значений, как иные коллекционированием мертвых бабочек. Стихи как творение, означающее нечто большее, чем просто мысль, неизбежно завоевывают наше внимание; а смысл их слов вызывает такое же чувство, как улыбка на прекрасном лице, непостижимая, неуловимая и все же приносящая радость.

Единство стихотворения выражено в его ритмическом языке, в его характерности. Ритм проявляется не просто в соразмерном сочетании слов, но и в значимом соединении идей, в музыке мысли, порождаемой трудно определимым принципом расстановки, который основывается не на логике, а на внутренней интуиции. Трудно определить значение слова «характерность». Оно включает в себя целый ряд аспектов, которые сообщают ему большую динамичность. Сочетание этих аспектов может быть неуклюжим, неотделанным, нестройным. Однако оно обладает динамической силой в своей совокупности, властно требующей признания нашего разума — часто вопреки нашему желанию. Лавина обладает характерностью, которой лишена даже более тяжеловесная масса снега, если она неподвижна. Характерность лавины раскрывается в движении ее массы, в ее неисчислимых возможностях.

Художник должен напоминать миру, что благодаря истинности выражения мы глубже постигаем истину. Если созданный человеком мир представляет собой не столько выражение его творческого духа, сколько механическое устройство, предназначенное для выработки Энергии, то наше выражение сковывается и ремесленническая сноровка подменяет собой богатство, харак-

*Стихотворение Вильяма Блейка в переводе С.Маршака.

NB *Важнейшим фактором в духовном формировании личности является стремление к проникновению в сферу смыслов, познание смыслов (вещей, явлений, отношений) их предназначения, ценностей предметов, явлений мира и осознание себя в этом мире. Начавшись в детстве, этот процесс продолжается всю жизнь. Осмысливая, переосмысливая вновь раскрытый смысл предметов и явлений, отношений (к природе, человеку, обществу), своего поведения, личностных качеств, человек постоянно духовно совершенствуется, у него начинает формироваться нравственное мироощущение, которое может перерасти в нравственный закон внутри личности, в чувство ответственности за свои поступки, за мир в целом.*

Я верю в то, что этот рай можно разглядеть в солнечном свете и зелени земли, в красоте человеческого лица и богатстве человеческой жизни, даже в вещах, которые кажутся незначительными и незаметными. Повсюду на этой земле бодрствует и шлет свое приветствие дух рая. Он тайно достигает нашего внутреннего слуха, настраивая арфу нашей жизни, которая воссылает музыку своих стремлений за пределы конечного, не только в молитвах и надеждах, но и в храмах, этих языках пламени, застывшего в камне, в картинах, увековечивших мечты, в танце, который представляет собой экстаз созерцания в неподвижном центре движения.

терное для живого развития. В своей творческой деятельности человек наполняет природу своей собственной жизнью и любовью. Но его узкопрактическая энергия вступает в противоречие с природой и изгоняет ее из его мира, исказив и осквернив ее уродством своих честолюбивых стремлений.

Мир, созданный самим человеком, с его режущими слух криками и чванством, накладывает на человека отпечаток мира, который не имеет ничего общего с личностью и поэтому в конечном итоге лишен всякого значения. Многие великие цивилизации погибли из-за такого неверного выражения человечности, из-за паразитизма, вскармливаемого повсюду богатством и приверженностью человека к материальным благам, из-за глумливого духа отречения и отрицания, которые преграждают нам путь к истине.

Художник должен провозгласить свою веру в вечное «да», заявляя: «Я верю в то, что над нашей землей и в ней существует идеал, идеал рая, являющегося не плодом фантазии, а, напротив, абсолютной реальностью, в которой все существует и движется».

ПОЭЗИЯ

Стихи о детях (1903, 1922)

НА БЕРЕГУ (Посвящение)

На берегу океана вселенной
Играют дети.
Небо над ними недвижно всегда,
А пенистая, голубая вода
Целыми днями пляшет, когда
Сюда прилетает ветер.
О, сколько шума на берегу, —
Играют дети.

Строят домики из песка,
Ракушки пестрые ищут,
И по простору синей воды
Пускают кораблики или плоты,
Опадающие листья
Превращая в борта и днища.
На берегу океана вселенной
Ракушки пестрые ищут.

Дети не могут водить корабли,
Не умеют забрасывать в море сети.
Ныряльщики шарят на дне жемчуга,
Купцы приплывают издалека.
Но строят крепости из песка
И собирают камушки дети.
Сокровищ земли не ищут они,
Не умеют забрасывать в море сети.

Смеется бескрайний простор океана,
И берег тоже смеется.
Волны режут, берега круша.
Но раздается в детских ушах
Напев, что над люлькой малыша
Из материнского сердца льется.
Смеется бескрайний простор океана,
И берег тоже смеется.

На берегу океана вселенной
Играют дети.
С черного неба бури сошли,
Волны захлестывают корабли,

Посланцы смерти витают вдали.
Но, позабыв обо всем на свете,
На берегу океана вселенной
Играют дети.

РАССКАЗ О РОЖДЕНИИ

Как-то мальчик спросил:
«Откуда пришел я? Где раньше был?
Где ты, мама, меня отыскала?»
Мать, сквозь слезы смеясь, малышу своему
Говорит, наклонившись к нему:
«Ты желаньем был в сердце сначала.

Я девочкой в куклы играла тобой
На празднике Шивы из глины тугой
Лепила тебя. И потом разбивала.
На украшенном троне своем
Ты был божеством —
Я в нем, поклоняясь, тебя узнавала.

Я во всем, что дорого мне,
Находила тебя наяву и во сне, —
Ты в моей был извечной надежде.
В старом доме, где ночь так долга,
У богини — хранительницы очага,
На груди укрывался ты прежде.

А когда расцвело мое сердце, ты был
Ароматом, что в утреннем воздухе плыл
И таинственно соединялся
С каждой клеточкой плоти моей,
Негой сладостной в ней
Без конца разливался.

Ты любимец богинь, чадо их доброты.
Старше вечности ты,
Всех рассветов румяных ровесник.
Ты из грезы вселенной возник —
Током радости в грудь мне проник,
Новой жизни сверкающий вестник.

Не спуская глаз, на тебя гляжу,
Но разгадки не нахожу:
Был во всем, и вдруг — только мой. Что за чудо?
Был ты мной, а теперь ты — сам по себе.
Как, любимый, смогу объяснить я тебе —
Кто ты, что и откуда!..»

СОЧУВСТВУЮЩИЙ

Если б я был
Не ребенком — щенком,
Сунул бы нос
В твой горшок с молоком,
Ты бы вскричала: «Откуда у нас
Вдруг собачонка такая взялась?»
Ты бы сказала мне:
«Прочь убирайся!»
Ты прогнала б меня, не отпирайся!
Лучше с колен меня, мама, спусти
И разреши мне, позволь мне уйти.
Есть я твою не стану еду,
Я не останусь с тобою, уйду!

Если б я был
Не ребенком, а птицей,
Ты б меня заперла
В клетку-темницу.
Разве неправда?
Держала бы там,
Чтобы не мог я взлететь к небесам.
Ты говорила б мне: «Вот озорница,
Рвется из клетки, ей все не сидится!»
Так отпусти же скорее меня,
Я не останусь с тобою ни дня.
Сына совсем ты не любишь; ну что ж?
В лес я уйду, там меня не найдешь!

МУДРОСТЬ

О мать! Твой несмышлёныш-сын — совсем еще дитя.
Ведь до чего додумался ребяческим умом:
Мол, звезды светят на небе ночами потому,
Что шарики блестящие мы с ним пускали днем.
Бывает, я устраиваю кукольный обед:
Насыплю мелких камешков на блюдечки — и вот
Дитя не сомневается, что камни нужно съесть,
С игрушечного блюдечка несет их горстью в рот.
А как — ты посмотрела бы! — мы учимся читать:
Открыв букварь с картинками, «читай-ка» — говорю.
Обеими ручонками малыш твой рвет листы —
Вот так проходит чтение у нас по букварю.
Лицо себе и голову закутаю платком,
На четвереньках ползаю по комнате пустой;
Сынишка твой пугается, вообразив, что вот

Пришла колдунья старая, возьмет его с собой.
Случится рассердиться мне — я головой трясу
И делаю сердитые и строгие глаза,
А твой проказник думает, что я играю с ним.
Какие уж там строгости — смеется егоза!
Отец уехал надолго, про то известно всем.
Но если скажешь мальчику: «Вон папа твой идет», —
Тотчас ребенок примется смотреть по сторонам...
Ну до чего наивное создание растет!
Когда же прачка с осликом приходит за бельем,
Во двор осленка глупого втащу я иногда,
Поставлю рядом с мальчиком и строго говорю:
«Я ваш учитель, слушайте!» Дитя кричит: «Дада!»
То он луну потребует, а то Ганеша вдруг
С Ганушем перепутает — всерьез и не шутя.
Представь, мальчонка глупенький не знает ничего,
О мать! Твой несмышлениш-сын — совсем еще дитя.

ОСТАНОВИВШЕЕСЯ ВРЕМЯ

Представь — часы все стали вдруг и все уж по-другому:
Могу я в школу не ходить, весь день играю дома.
Бранишь меня, а я в ответ:
«Но десяти-то, видишь, нет!»
Тадхин, тадхин, тадхин.

Велишь ты спать ложиться мне, а я твержу упрямо:
«Ведь ночь не может наступить, раз время стало, мама.
Зачем же спать сейчас идти,
Ведь не пробило девяти».
Тадхин, тадхин, тадхин.

Сегодня лучше расскажи мне сказку подлиннее:
Хоть стали стрелки, никогда не кончатся затеи,
Не остановится игра,
И сказок не пройдет пора.
Тадхин, тадхин, тадхин.

ВОСПОМИНАНЬЕ

Я никогда не вспоминаю мать,
И лишь порой, когда я выбегаю
На улицу — с мальчишками играть,
Какая-то мелодия внезапно
Овладевает мной, не знаю где родясь,
И кажется мне, словно это мама

Вошла ко мне, с моей игрой слилась.
Она, качая колыбель мою,
Быть может, эту песню напевала,
Но все ушло, и мамы больше нет,
И песни маминой не стало.

Я никогда не вспоминаю мать.
Но в месяце ашшин, средь зарослей жасмина
Как только начинает рассветать,
И влажен ветер, пахнувший цветами,
И тихо плещется волна,
В моей душе встают воспоминанья,
И мне является она.
А верно, мама часто приносила
Цветы, чтоб вознести моления богам;
Не оттого ль благоуханье мамы
Я слышу всякий раз, входя во храм?

Я никогда не вспоминаю мать.
Но, глядя из окошка спальной
На мир, который взором не обнять,
На синеву небес, я чувствую, что снова
В мои глаза глядит она
Внимательным и нежным взглядом,
Как в золотые времена,
Когда, меня сажая на колени,
Она смотрела мне в глаза.
И взор ее тогда во мне запечатлелся,
И от меня закрыл он небеса.

ЛИТЕРАТУРА

- Тагор Р.* Сочинения в восьми томах. М., 1955—1957.
- Тагор Р.* Собрание сочинений в двенадцати томах. М., 1961—1965.
- Тагор Р.* Собрание сочинений в четырех томах. М., 1981—1983.
- Тагор Р.* Садівничий: Поезії та драма /Пер. з бенгалі та англ., передм., комент. Леся Танюка. — К.: Дніпро, 2001.
- Тагор Р.* Садхана (Творчество жизни). — М., 2003.
- Альбедиль М.Ф.* Индия: беспредельная мудрость. — М., 2003.
- Бессмертный лотос: Слово об Индии /Сост. А.Сенкевич. — М., 1987.
- Боровик Э.* Рабиндранат Тагор. — М., 1961.
- Гостеева Е.* Философия единства: Рабиндранат Тагор. — М., 1985.
- Гусева Н.Р.* Индия в зеркале веков. — М., 2002.
- Ивбулис В.* Рабиндранат Тагор: Жизнь и творчество. — М., 1986.
- Крипалани К.* Рабиндранат Тагор. — М., 1989.
- Неру Дж.* Открытие Индии: Кн.1,2 /Пер. с англ. — М., 1989.
- Открытие Индии: Философские и эстетические воззрения Индии XX в. /Пер. с англ., бенг. и урду; Редкол.: Э.Комаров, В.Ламшуков, Л.Польнская и др. — М., 1987.
- Петров А.К.* Педагогические воззрения Р.Тагора //Рабиндранат Тагор. К 100-летию со дня рождения. 1861—1961. — М., 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогический идеал и педагогическое кредо	
Рабиндраната Тагора (вступительная статья В.А.Василенко)	5
Воспоминания (о детстве)	27
Что мешает образованию (1892)	62
Обращение к студентам (1905)	71
Реформа образования (1906)	80
Проблемы образования (1906)	86
Прекрасное (1906)	100
Метод обучения (1911)	114
Цели образования (1912)	120
Садхана («Творчество жизни») (1913)	127
Центр индийской культуры (1919)	140
Школа поэта (1926)	166
Письма о России (1931)	178
Образование и культура (1935)	195
Вероисповедание художника (1936)	200
Поэзия. Стихи о детях (1903, 1922)	218
Литература	223

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ ТАГОР

Составитель и автор предисловия

Владимир Аркадьевич Василенко

Первый читатель

Марина Тарасовна Ломоносова

Автор идеи комплекта и редактор тома

Инна Алексеевна Бирич

Редакционно-издательская подготовка,
оформление и макет

Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия ИД № 02878 от 20.10.2001 г.

Подписано к печати 20.04.2005. Формат 60 × 90^{1/16}.

Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Тираж 5000. Заказ № 5068.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили

МГПУ, Лаборатория гуманной педагогики

113184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16

тел.: (095) 207-19-82

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.

214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2

ISBN 5-89147-053-5

9 785891 470538

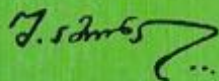
АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В «Антологии» используется ранее не применявшийся в практике Российского учебного книгоиздания прием фокусирования на страницах книги не всегда совпадающих позиций — **автора** классического наследия; **составителя тома**, ученого, излагающего свои взгляды во вступительной статье и комментариях, и **первого читателя**, учителя, сегодня смотрящего в глаза своим ученикам, призванного сегодня реализовывать **идеи** гуманной педагогики.

Рабиндранат Тагор утверждает:
“Образование только тогда может циркулировать в обществе подобно крови в теле человека, когда между учителем и учеником имеется духовная близость”.

Василий Сухомлинский сердцем своим выстрадал мудрость:
“Без духовной общности воспитание не состоится”.

Когда великие мыслители независимо друг от друга приходят к одному и тому же выводу, они дарят нам истину.

Шалва Амонашвили